

ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

9(1) 2023

16+

Сайт журнала:
rrsociology.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

ТЕМА НОМЕРА: Проблемы умного города: умное пространство и управление
THEME OF THE ISSUE: Smart City Challenges: Smart Space and Management

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69096 от 14 марта 2017 г.

включен в библиографическую базу данных научных публикаций российских ученых РИНЦ

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

Mass media registration certificate El. № FS 77-69096 of March 14, 2017

Included into bibliographic database of scientific publications of Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 9, № 1. 2023

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-9338

Volume 9, № 1. 2023

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-9338

ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА:

Махмудул Х. Л., Ph.D., доцент кафедры социологии Университета науки и техники, Мегхала, Индия.

Сарна А. Я., кандидат философских наук, доцент Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: Шаповалова И. С., доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: Лебедев С. Д., кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: Ковальчук О. В., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: Ляшенко И. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Абдираймова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Благовеч М., доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (ФОРЕЛ) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Болотин И. С., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВПО «МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского», Россия.

Василенко Л. А., доктор социологических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель Председателя правления автономной некоммерческой организации «Евразийское содружество», Россия.

Вишневикий Ю. Р., доктор философских наук, профессор Уральского государственного технического университета, Россия.

Гаджимурадова Г. И., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, Россия.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор Нишского университета, Сербия.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Мартинович В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Беларусь.

CHIEF EDITORS OF THE ISSUE:

Hasan Laskar Mahmudul, Ph.D, Assistant Professor, Department of Sociology, University of Science and Technology, Meghalaya, India.

Alexander Sarna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

MANAGING EDITOR: Inna Shapovalova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications Belgorod State National Research University, Russia.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: Sergey Lebedev, Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

EXECUTIVE SECRETARY: Olga Kovalchuk, Ph.D. in Philosophical Sciences, docent the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

ENGLISH TEXT EDITOR: Igor V. Lyashenko, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Russia.

EDITORIAL BOARD:

Gulmira Abdiraimova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

Mirko Blagoevich, Doctor of Sociological Sciences, a leading researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ivan Bolotin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource management, Moscow Aviation Technology named after K. E. Tsiolkovsky MATI, Russia.

Ludmila Vasilenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Public Relations and Media Policy at the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Board of the Autonomous Non-profit Organization "Eurasian Commonwealth", Russia.

Yuri Vishnevsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Ural State Technical University, Russia.

Gulnara Gadzhimuradova, PhD in Philosophy, Leading Researcher, Institute for Social and Political Studies of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Russia.

Dragoljub Djordjevic, Doctor of Philosophy, Professor of the University of Nis, Serbia.

Yuliya Zybok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Belorussia.

Михалик Я., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, декан факультета социальных наук Университета святых Кирилла и Мефодия, Словакия.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мчедлова Е. М., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Мчедлова М. М., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Накова Албена, PhD, доцент, заместитель директора Института философии и социологии Болгарской академии наук, Болгария.

Островская Е. А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Рикуччи Р., доктор социологических наук, доцент, Председатель программы «SAR – Социология и антропология религии» Американской антропологической ассоциации, Туринский университет, Департамент культуры, политики и общества Социология ислама и социология межнациональных отношений, Италия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Сосунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Тощенко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Фрухманн Я., доктор социологических наук, профессор Бременского Университета им. Якобса, Германия.

Цвиткович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина.

Черныш М. Ф., доктор социологических наук, первый заместитель директора по координации научной и научно-образовательной работы Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Россия.

Чиприани Р., доктор социологических наук, почётный профессор социологии, Департамент образования, Университет Рим-3, Италия.

Шаронова С. А., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора института иностранных языков Российского Университета Дружбы Народов, Россия.

Шмарион Ю. В., доктор социологических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры философии, социологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Россия.

Jaroslav Mihálik, Doctor of Sociology, Professor, Head of the department of Political Sciences, Dean of the Faculty of Social Sciences, University of Saint's Cyril and Methodius, Slovakia.

Michaela Moravchikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Maria Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center "Religion in Contemporary Society" Institute Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Albena Nakova, PhD, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Philosophy and Sociology, Bulgarian Academy of Sciences, Bulgaria.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Svetlana Ryazanova, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, Russia.

Roberta Ricucci, Doctor of Sociology, Associate Professor, Programme Chair "SAR – Society of Anthropology of Religion", American Anthropological Association, Dept. Of Culture, Politics and Society Sociology of Islam & Sociology of Interethnic relations, University of Turin, Italy.

Elena Rutkiewich, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Victoria Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Russia.

Jean Toshchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Jakob Fruhmann, Doctor of Sociology, Professor of the Bremen University. Jacobs, Germany.

Ivan Czvitkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Michael Chernysh, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director for the Coordination of Scientific, Scientific and Educational Work of the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Roberto Cipriani, Doctor of Sociology, Emeritus Professor of Sociology, Department of Education, University of Rome-3, Italy.

Svetlana Sharonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of the Russian University of Friendship of Peoples, Russia.

Yuri Shmarion, Doctor of Sociology, Candidate of Technical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Theology of Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Petrov Semenova-Tian-Shansky, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Сарна А.Я. Субъекты управления в «умном городе»: введение в проблематику	4	Alexander Ya. Sarna Subjects of management in the “smart city”: an introduction to the issue	4
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ		SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE	
Адамьянц Т. З. Умные люди для «умных городов» (в свете идей Т. М. Дридзе)	14	Tamara Z. Adamyants Smart people for smart cities (in the light of the ideas of T. M. Dridze)	14
Тулчинский Г. Л. Прагмасемантика интерактивного брендинга «умного» города	24	Grigorii L. Tulchinskii Pragmasemantics of interactive smart city branding	24
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ		SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES	
Махмудул Хасан Ласкар, Анкита Шарма Неравенство в объективном качестве жизни между богатыми городскими жителями и обитателями трущоб в Индии: исследование кейс-стади в городе Гувахати	33	Mahmudul Hasan Laskar, Ankita Sharma Inequality in objective quality of life between affluent city dwellers and slum dwellers in India: a case study in Guwahati city	33
Заборова Е. Н. Последствия реализации теории и практики «умный город»: к постановке проблемы	45	Elena N. Zaborova Consequences of the implementation of the theory and practice of «Smart City»: to the statement of the problem	45
Дроздова Ю. А. Реализация концепции «Умный город» в оценках населения (на примере Волгограда)	56	Julia A. Drozdova Implementation of the Smart City concept in population estimates (on the example of Volgograd)	56
Петухов Р. В. Восстановление доверия к органам местного самоуправления как задача для технологических решений «умного города»	68	Roman V. Petukhov Restoring trust in local self-governments as a challenge for smart city technologies	68
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ		SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES	
Богданов В. С. Тенденции развития российских «умных городов»: проблемы управления и неравенства	82	Vladimir S. Bogdanov Trends in the development of Russian «Smart Cities»: problems of governance and inequality	82
Василенко Л. А., Захарова С. А. Концепт «молодежные сетевые smart-коммуникации» в проектах «Умный город» в контексте реципрокности	95	Lyudmila A. Vasilenko, Svetlana A. Zakharova The concept of «youth network smart communications» in Smart City projects in the context of reciprocity	95
Зотов В. В. Общественно-профессиональная экспертиза управленческих решений по общественно значимым проблемам города	110	Vitaly V. Zotov Public and professional expertise managerial decisions on publicly significant problems of the city	110

Редакторская статья

УДК 165.1

DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-1

Сарна А. Я.

Субъекты управления в «умном городе»:
введение в проблематику

Белорусский государственный университет
проспект Независимости, дом 4, Минск, 220030, Минск, Беларусь
alsar.05@mail.ru

Аннотация. В статье выявляются ключевые глобальные тренды по реализации и распространению технологических инноваций в зависимости от профиля деятельности и статуса социальных субъектов, предлагается классификация и сравнение их функциональной значимости в условиях развития «умных городов».

Ключевые слова: социальная агентность; субъекты управления; технологические инновации; «умный город»

Информация для цитирования: Сарна А. Я. Субъекты управления в «умном городе»: введение в проблематику // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 1. С. 4-13. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-1

Editorial

Alexander Ya. Sarna

Subjects of management in the “smart city”:
an introduction to the issue

Belarusian State University
bld.4, Nezavisimosti avenue, Minsk, 220030, Belarus
alsar.05@mail.ru

Abstract. The article identifies key global trends in the implementation and dissemination of technological innovations depending on the profile of activity and the status of social actors, proposes a classification and comparison of their functional significance in the context of the development of “smart cities”.

Keywords: social agency; subjects of management; technological innovation; “smart city”

Information for citation: Sarna, A. Ya. (2023), “Subjects of management in the “smart city”: an introduction to the issue”, *Research Result. Sociology and management*, 9 (1), 4-13. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-1

В современной динамично меняющейся социально-политической и экономической ситуации преимущество в развитии получают те, кто сделал ставку на инновационные решения, предполагающие активное использование IT-разработок на различных уровнях. Так, на локальном уровне с помощью сенсоров и датчиков

происходит сбор данных в различных сферах (например, в «умных городах» и точном земледелии) в каждом регионе и конкретной локации. Полученные «большие данные» служат информационной базой для веб-аналитиков и IT-разработчиков, которые предлагают точечные решения обнаруженных проблем и выявляют более общие

тенденции посредством локального и ситуативного программного обеспечения (ПО).

На этой основе затем складываются глобальные тренды, в русле которых действуют крупные игроки мирового уровня – транснациональные корпорации вроде «Гугл» и «Фейсбук». В их распоряжении имеются вычислительные мощности, дата-центры и серверы, способные предоставлять удаленный доступ и услуги через онлайн-сервисы, лицензионное ПО и цифровые платформы как «облачные технологии», способствуя распространению стандартных, как бы «универсальных» ИТ-решений и продуктов на глобальном уровне. Так осуществляется их влияние на мировые рынки, когда при поддержке инвесторов и венчурного капитала они начинают действовать как агрегаторы, а предоставляемые ими платформы и сервисы, технопарки и дата-центры выступают как инструменты ведения бизнеса или даже как инкубаторы и хабы.

При этом формирующийся спрос на рынке труда, биржах и «стоках» предоставляет возможности для многочисленных стартапов и локальных ИТ-разработчиков как инноваторов, которых мегакорпорации нанимают на работу над конкретным проектом или просто выкупают у них готовый продукт для дальнейшего распространения на рынке уже под собственным брендом, формируя спрос и предложение в зависимости от складывающейся ситуации. В итоге наиболее перспективные проекты и продукты оказываются в той или иной степени под контролем игроков из «Кремниевой долины» в Калифорнии (США) или Шенчжэня (КНР), что позволяет некоторым аналитикам говорить о монополизации рынка и формировании новой цифровой империи (Росс, 2017).

В активно реализующейся версии «платформенного капитализма» (Н. Срничек) происходит сдвиг от владения активами (собственностью) к возможности ее временного использования и совместного распоряжения при условии свободного доступа со стороны других потребителей. Так

образуется новая модель совместного использования активов как «экономика равных», в которой потребители услуг и пользователи продукции выступают как просьюмеры, внося свой вклад не только в формирование спроса и предложения, но и в конкретные решения и разработки, предлагаемые инноваторами. Соотношение сил и баланс интересов на глобальном рынке складывается тем самым как непрерывный обмен и циркуляция идей, финансов и рабочей силы от регионов на локальном уровне, формирующих запросы и предлагающих решения локальных проблем – к ресурсам и капиталу глобальных ИТ-центров в США, Европе и Китае, консолидирующих и агрегирующих любые «инициативы снизу», формируя соответствующий спрос уже на мировом уровне.

Кроме того, на сцену социальных и технологических инноваций выходят новые агенты, способные выполнять функции человека в самых разных сферах на основе применения ПО и мобильных приложений, а также ИИ и нейросетей, тем самым претендуя уже на статус субъекта в социальных взаимодействиях. Это всевозможные технические устройства и интеллектуальные системы, о полной автономии и субъектности которых пока говорить не приходится, но уже общепризнанным является тот факт, что они вполне успешно справляются с ролью «нечеловеческих агентов» как квазисубъектов социального действия. В итоге складывается цепочка возможных взаимосвязей различных социальных агентов, взаимодействующих друг с другом в процессе осуществления социотехнических изменений: инвесторы (вкладывают капитал) – инкубаторы (предоставляют условия) – агрегаторы (приобретают и распространяют продукцию) – инноваторы (осуществляют разработку) – имитаторы (замещают человека, дополняя и расширяя его возможности). А поскольку все указанные функции и возможности могут объединяться и выполняться одним и тем же субъектом, то в таком случае можно говорить о его «мультиагентности».

Особый интерес сегодня вызывает квазисубъектность нечеловеческих социальных агентов, которая в полной мере проявится при тотальном охвате всей информационной сферы сетями удаленного доступа к самым разным техническим устройствам в системе «интернета вещей» (IoT). Появятся информационные «клоны» для каждого объекта, подключенного к этим сетям в рамках широко распространенной/распределенной инфраструктуры «больших данных», получаемых в режиме реального времени от миллионов «умных» датчиков и сенсоров, способных зафиксировать любые изменения в работе объекта и его окружении. Скомпилированные данные об объекте образуют его виртуальную копию – «цифровой двойник», позволяющий обеспечивать непрерывный контроль, управление и прогнозирование работы объекта. И в тот момент, когда на основе технологии распознавания образов станет возможно «восприятие» вещами окружающей их обстановки и ее изменений в полном объеме, а также их адекватная реакция на эти изменения и автономные действия в соответствии с ними, «цифровые двойники» станут активными участниками деловых, информационных и социальных процессов (Шваб, 2017, С. 154).

Однако применение таких технологий для тотального контроля над поведением человека может привести к т.н. «гипернормализации» – попытке свести все многообразие форм активности и стремление к самореализации личности к единым стандартам и нормам, любое отклонение от которых будет рассматриваться как нежелательное и антисоциальное, сулящее угрозу и риски для общих представлений о «нормальности» как таковой, совместной жизни в обществе и нашем существовании в целом. В общественно-политической сфере тотальный контроль превращается в постоянную слежку за всеми гражданами со стороны государства и корпораций, что неминуемо приведет к ущемлению гражданских прав и свобод как отдельного человека, так и целых сообществ («инакомыслящих»), а

неприкосновенность частной жизни и приватность превратится в миф в условиях «прозрачного общества».

Особую роль на всех уровнях организации указанных процессов играют государственные административные органы, стремящиеся к регулированию и управлению инновациями, так что их можно обозначить как регуляторов. Конечно, они могут выступать в роли инициаторов социальных и технологических преобразований, но если в основу их деятельности закладывается консервативная идеология и стремление сохранить статус-кво любой ценой, то такие институты сами становятся имитаторами, поскольку их руководство лишь делает вид, что ратует за преобразования и осуществляет реформы. Так, в России и Беларуси основная роль административных органов заключается в установлении норм и легитимации правил, а также в контроле их выполнения, поэтому на них «завязаны» практически все рассматриваемые тренды.

Именно взаимодействию всех участников социального обмена с регуляторами (для достижения баланса сил и интересов всех субъектов взаимодействия в информационной сфере «умного города») и посвящена большая часть материалов, представленных в данном номере журнала «Научный результат» серии «Социология управления». Они составлены на основе выступлений некоторых участников прошедшей в 2022 году в Москве Всероссийской научной конференции XXII Дридзевицкие чтения «Прогнозное социальное проектирование: диагностика развития «умных городов», где обсуждались такие приоритетные направления, как повышение качества жизни, субъектность и управление, «умное управление» в цифровом развитии города, прогнозное социальное проектирование как технология управления будущим городов и пр.

Концепция «умного города» (smart city) предполагает интеллектуальное функционирование информационных технологий и оптимизацию процессов развития городской среды для повышения уровня

жизни горожан. Это значит, что все элементы городской системы, представляющие собой всевозможные датчики и «умные» устройства, подключенные к «облачным» сервисам сети Интернет (IoT), взаимосвязаны между собой для автоматизации и контроля различных сфер единого городского пространства. Однако понятие «умный город» необходимо рассматривать в более широкой перспективе – как комплексную систему, интегрирующую в рамках городской жизни следующие элементы: умные люди (1), принимающие умные решения (2), использующие при этом умные инструменты (3) для создания умной инфраструктуры (4). Именно эти положения были взяты за основу концепции международной научно-практической конференции «Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика», проведенной на факультете философии и социальных наук в БГУ 26-27 ноября 2021 года (Пинчук, 2021). Соответственно можно выделить четыре приоритетных направления цифровой трансформации промышленности и экономики, которые могут быть реализованы в рамках стратегии развития Беларуси.

Первое направление связано с формированием особой субъектности агентов социальных изменений. Ведь для запроса на такие изменения и появление самой возможности развития белорусского общества нужны т.н. «умные люди» – активные и рефлексивные субъекты деятельности по обустройству городской среды на основе их технических (цифровых) и гуманитарных компетенций. Необходимо провести специальные исследования, чтобы очертить круг таких людей и нарисовать хотя бы приблизительный, контурный портрет современного «продвинутого» горожанина. В этот собирательный образ будут включены не только известные и авторитетные личности, публичные персоны или «селебрити», но и «простые люди» – жители крупных мегаполисов и небольших поселков. Это могут быть лидеры мнений – эксперты, гражданские активисты, неформальные лидеры

и их последователи, т.е. «инфлюенсеры» и «фолловеры». Они могут иметь собственную позицию, а также быть выразителями взглядов различных сообществ, представлять общественные организации и корпорации. За ними могут стоять отдельные группы, городские культуры и субкультуры, публики и контрпублики, претендующие на освоение городской среды и презентацию себя на публичных сценах города. На мегауровне в качестве основных акторов здесь выступают власть, бизнес и гражданское общество как стейкхолдеры, от которых зависит принятие решений и обеспечение их реализации.

Второе направление ориентировано на принятие т.н. «умных решений» как необходимых шагов по снятию неопределенности в управлении городом. В рамках данного направления следует рассматривать «социальный маркетинг» как современную технологию управления социальными изменениями посредством создания возможностей для взаимовыгодного обмена информацией, ценностями и ресурсами. Данный инструмент реализации теории среднего уровня адаптирован к потребностям конкретных субъектов в отличие от других средств программирования и проектирования в системе социального управления, обладает большим функциональным потенциалом, что позволяет успешно применять его для решения самых разных общественных проблем. Далее необходимо выявить ключевые аспекты современной практики решения различных социальных и бизнес-проблем с опорой на коллективное принятие решений и совместное проектирование, распределение полномочий и ресурсов в оценке ситуации, прогнозировании рисков, анализе возможностей и планировании деятельности. Такая концепция стейкхолдер-менеджмента возникла в бизнес-среде для оптимизации работы компаний, где выделяют внешних и внутренних стейкхолдеров, ответственных за принятие решений и оказывающих влияние на их реализацию. В масштабе общества в целом ведущими стейкхолдерами (как уже отмечалось выше)

считаются органы госуправления, бизнес-структуры и общественные организации, а также гражданские активисты.

«Умные инструменты» для реализации принятых решений рассматриваются в контексте третьего направления. На основе мониторинга и оценки ситуации должны проводиться научные исследования, осуществляться экспертные заключения, управление и контроль над социальными процессами; после этого можно будет реализовывать пробные, тестовые проекты и планировать их внедрение на локальном уровне с последующим распространением в масштабе города, региона и республики в целом. Также необходимы проблематизация, проектирование и прогнозирование последствий стратегически важных решений, опросы местных жителей в связи с их реакцией и экспертные интервью; предпочтительны эвристика, коллегиальность и системный подход в принятии решений. Критически важными становятся такие принципы, как инклюзивность, партиципация и совместное проектирование городской среды для поиска оптимальных путей ее развития, а также децентрализация и распределение полномочий для большей автономии на уровне городского самоуправления. Еще одним важнейшим инструментом становится медиация, включающая в себя стратегии и тактики решения конфликтов и достижения компромиссов между всеми субъектами взаимодействия. Так появятся возможности для реализации культурных и образовательных проектов, социально значимых инициатив с учетом интересов гражданского общества, бизнеса и власти через информирование и продвижение планов развития территории посредством социальной рекламы и PR. Значимую роль должны играть и проекты-стартапы как один из основных ресурсов развития экономики в условиях, предполагающих взаимовыгодное сотрудничество бизнес-сообщества с представителями «креативного класса» и городских властей, что должно способствовать модернизации инфраструктуры, созданию высокотехнологичных рабочих мест,

увеличению занятости на уровне города и региона. Такие инициативы могут способствовать устранению дисбаланса между центром и периферией, столицей и регионами для достижения их устойчивого роста и эффективного сотрудничества.

Конечным результатом реализации предыдущих направлений становится «умная инфраструктура» как технологическая основа для устойчивого развития города. Она создается и развивается за счет модернизации и цифровизации основных отраслей городской жизни (транспорт, медицина, энергетика, управление, производство, досуг и пр.), где делается акцент на персонализации услуг и сервисов в привязке к локальной специфике места на основе системы «геомедиа» и «больших данных», интернета вещей в связке «умный дом – умная улица – умный город». Такая инфраструктура должна предоставлять возможности и стимулировать формы деятельности по производству знаний для решения комплексных и локальных проблем развития городской среды в креативных кластерах и технопарках, выполняющих в современных городах роль «инкубаторов инноваций», которые становятся важнейшими точками притяжения инвестиций и появления нововведений.

Не ограничиваясь лишь технической стороной развития инфраструктуры, необходимо учитывать и особенности символического конструирования образа города, которое сегодня осуществляется в контексте политики формирования коллективной и локальной идентичности, опираясь на историко-культурные достопримечательности, места, события и практики, городские легенды и мифы как символические ресурсы территориальной айдентики («третьи места» как привлекательные локации для горожан и туристов). В таком ракурсе город предстает как символический (смысловой) конструкт, опирающийся на сложившуюся репутацию и создаваемый имидж, управляя которым, городские власти, бизнес-корпорации, общественные организации и местные жители решают задачи по

позиционированию и продвижению города как бренда для развития туризма, привлечения инвестиций, повышения уровня жизни и пр. Кроме того, для успешной реализации данной стратегии необходимо разработать комплекс рекомендаций по выявлению рисков и угроз для человека и общества, государства и культуры, предотвращению негативных последствий и оптимизации управления процессами цифровизации в ходе социально-экономического развития Беларуси

Одной из главных угроз выступает возможность применения цифровых технологий для усиления контроля над обществом, что приводит к улучшению/упрощению деятельности контролирующих органов, но не потребителей их услуг: удобнее становится не гражданам, а власти, непрозрачность и неподотчетность решений и действий которой вызывает асимметрию и нарушение социального баланса. Кроме того, отсутствие государственных программ по обучению и информированию населения о предстоящем появлении различных технических новинок подвергает риску маргинализации тех, кто недостаточно освоил или готов осваивать современные ИКТ, что приводит к цифровому неравенству. Первым тревожным звонком стал социальный эксперимент по введению персонального рейтинга социальной ответственности для граждан в двух провинциях Китая. Он предполагает тотальный контроль за публичным пространством, в результате которого данные суммируются в общей базе и составляется индивидуальный профиль каждого жителя данного района города. Это своеобразный тест на лояльность власти, от которого напрямую будет зависеть социальный статус и возможности полноценной активности каждого китайского гражданина.

Усиление цифрового контроля за местоположением и перемещением граждан в городском пространстве приняло тотальный характер во время борьбы с пандемией коронавируса, но сохранилось и в постковидный период. Об этом свидетельствуют

беспрецедентные меры по развитию и внедрению новейших технологий надзора и идентификации личности, например, пассажиров московского метро, усилению социального и персонального контроля в России. Данная тенденция проявляется и в Беларуси, где государство на основе новых ИКТ реализует ряд крупных проектов по сбору и расширению базы данных о населении республики – таких, как мониторинг общественной безопасности на основе системы видеонаблюдения, автоматическая фотофиксация скорости и технического состояния автомобилей, сбор данных на оштрафованных пассажиров общественного транспорта, постановка на учет всех безработных и «тунеядцев», должников по оплате услуг ЖКХ и пр.

В основном эти инициативы направлены на усиление мер дисциплинарного воздействия и применения штрафных санкций в отношении различных социальных групп и слоев населения, что может привести к их «стигматизации» и маргинализации, усилению социальной напряженности и росту протестных настроений в обществе, нарушению социальной стабильности, формированию негативного имиджа силовых органов и государства в целом, что и проявилось в Беларуси в виде социальных протестов после президентских выборов 2020 года. Для устранения и предотвращения этих негативных тенденций следует принимать профилактические меры по мониторингу ситуации, экспертной оценке принимаемых решений, прогнозированию результатов планируемых проектов и тестированию реализуемых программ, выявлению общественных реакций и настроений в отношении указанных инициатив.

При необходимости могут осуществляться и опросы различных групп населения, специальные исследования, разработка программ информационных и образовательных кампаний по заказу местных властей и IT-компаний в случае заинтересованности с их стороны и готовности сотрудничать на межведомственном уровне. При принятии важных социально

ответственных решений и в процессе их реализации нужно по возможности учитывать мнение всех групп населения, а также предоставить им возможность участия в общественно-экспертных группах, как это предлагает В.В. Зотов в своей статье, публикуемой в данном номере «Научного результата». Он отмечает, что любые инициативы по управлению «умным городом» носят комплексный характер и требуют учитывать знания, потребности и ценности всех заинтересованных сторон – отдельных лиц, групп или организаций, деятельность которых может быть затронута решениями органов власти и/или оказать воздействие на процесс разработки, принятия или реализации таких решений.

В число стейкхолдеров входят представители общества (бизнес-структур, общественных организаций, политических партий, научно-образовательного сообщества), власти (государственные и муниципальные служащие различных уровней) и средств массовой информации. При этом участники экспертного сообщества могут выступать в качестве еще одного стейкхолдера, а представители остальных заинтересованных сторон – как носители экспертного знания. Все они могут рассматриваться в качестве коллективного субъекта, способного выполнять функции «мультиагентности» в случае осуществления общественно-профессиональной экспертизы как возможного формата участия стейкхолдеров в процессе решения общегородских проблем и разработки коммуникативного механизма, который позволит давать мотивированные заключения по принимаемым решениям.

В рамках партисипативного подхода каждому представителю заинтересованных сторон в процессе согласования интересов уделяется равноценное внимание, ведь стратегические ходы и действия каждого из них создают контекст и возможности для действий остальных участников. Основная цель данной экспертизы состоит в том, чтобы задействовать недостаточно реализуемый потенциал горожан за счет их

привлечения к совместной оценке вариантов разрешения проблемных ситуаций. По мнению Зотова, такая экспертиза может рассматриваться в качестве своеобразного внешнего аудита деятельности органов муниципального управления, поскольку благодаря ей они получают ценную информацию об ожиданиях социальных групп, необходимых приоритетах и желаемых мерах. Она также служит и инструментом ненасильственного, конструктивного обеспечения стабильности внутриполитической ситуации, поскольку изоляция общественности от решаемых проблем и перекладывание ответственности на органы муниципальной власти может привести к росту протестных настроений горожан, которые проявятся в наиболее критические моменты.

Включение общественно-профессиональной экспертизы в систему городского управления даст возможность оперативно находить решение общегородских проблем, требующих анализа больших массивов информации в рамках новой методологии публичного управления, в основу которого положен коммуникативный механизм «умного конфигурирования» (англ. smart configuring). Он вполне вписывается в предложенную А.В. Тихоновым социологическую концепцию субъект-субъектного управления, предполагающего распределение ролей в процессах совместной деятельности, координацию и программирование действий и взаимодействий участников в связи с достижением определенных продуктивных результатов и сохранением системной целостности управляемого процесса (Тихонов, Богданов, 2020). В.В. Зотов предлагает осуществлять «умное конфигурирование» на цифровых сетевых платформах, предполагающих синтетическое объединение двух моделей – аналитической (получение оптимального решения на основе технологий больших данных и искусственного интеллекта) и экспертной (получение компромиссного решения путем согласования интересов стейкхолдеров при их непосредственном участии).

Современные Россия и Беларусь нуждаются в новой технологии управления, которая бы позволила перейти от рудиментов советской административно-командной системы к принципам «умного управления» городами, где первичными являются не сложные техногенные объекты, а субъекты управления ими. Как отмечает в своей статье В.С. Богданов, на фоне доминирования административно-управленческого и технико-технологических императивов в процессе трансформации городских поселений необходимо изучение тенденций развития российских «умных городов», в частности – проведение диагностических исследований и натурных экспериментов в конкретных городских условиях для разработки социально-ориентированных стратегий развития городов с использованием принципов социальной обратной связи. Предметом исследования должно стать выяснение типа и характера социальных закономерностей в рамках концепции «умного договора», отражающих уровень социальной поддержки горожанами работы тех или иных звеньев властно-управленческой вертикали в различных по количеству и составу городах. Это позволит установить степень управляемости самого процесса цифровизации и модернизации территориально-поселенческих объектов.

Результатом работы могут стать специальные социотехнические технологии, позволяющие на основе рационально-познавательных процедур изучить имеющиеся ресурсы, избыточные неравенства и организационно-управленческие барьеры через призму структурно-деятельностного подхода, учесть в прогнозно-проектной работе институциональные особенности дисфункциональности городских и региональных управленческих систем, выявить их на основе эмпирических оценок населения и экспертов как субъектов управления региона. Это позволило бы приблизить городские системы управления к полноценному включению заинтересованных горожан в процессы принятия решений и определить конкретные основания для закрепления

контуров «умного договора» на базовом уровне функционирования вертикали власти (местного самоуправления и администраций предприятий) для разрешения социальных противоречий города и региона.

Для изучения качества жизни в городских поселениях и деформирующих его избыточных социальных и цифровых неравенств В.С. Богданов предлагает применить разработанную в Центре социологии управления и социальных технологий ИС ФНИСЦ РАН методологию рефлексивного управления, позволяющую перейти от практики цифрового регулирования к «умному конфигурированию». Она позволяет обнаруживать различия или сходства в управлении территориально-поселенческими объектами, устанавливать социально-значимые проблемы и организационно-управленческие барьеры, организовывать при запросе органов власти и управления анализ их влияния на различные типы неравенств, разрабатывать механизмы управления территориально-поселенческими объектами (Богданов, Почестнев, 2022).

Прикладные аспекты и конкретные векторы развития российских городов (в том числе претендующих на статус «умных») рассматриваются и другими российскими исследователями в данном номере журнала. Так, на основе результатов исследования условий и программ развития российских городов Л.А. Василенко и С.А. Захарова в своей статье акцентируют внимание на необходимости реализации проактивного гражданского участия в создании, функционировании и развитии «умного» города. Это подразумевает совершенствование способов участия самых разных категорий граждан, определение разнообразия их ролей и возможную степень их вовлеченности в такие процессы, как организация и функционирование сообществ взаимопомощи, что позволит привлекать в проекты «умных» городов малоресурсные группы населения, которые ранее считались маргинальными и исключались из социальной жизни.

В статье Ю.А. Дроздова на материалах опроса жителей Волгограда показано, что реализация концепции «умный город» сталкивается с множеством препятствий на этапе применения цифровых технологий в различных сферах жизнедеятельности горожан, причем чрезвычайно важным является уровень цифровой грамотности субъектов управления. Опрос горожан, проведенный автором, показал, что они оценивают средний уровень компетентности представителей органов муниципальной власти, ответственных за создание «умного города», как невысокий.

В статье Е.Н. Заборовской рассматриваются теоретические и практические аспекты возможностей развития «умного города», которые должны привести к появлению новых образцов мышления горожан в сочетании со стереотипами, позволяющими сохранить устойчивость развития социальной системы. Процессы информатизации и автоматизации потребуют усилий для адаптации всех городских социальных групп, прежде всего – городских управленцев, а значит, потребуется модификация практики социализации человека с учетом внедрения новых информационных технологий.

В статье Г.Л. Тульчинского рассматривается маркетинговая стратегия по продвижению г. Сыктывкара, в ребрендинге которого задействованы интерактивные технологии, позволяющие реализовать возможности и ресурсы всех стейкхолдеров проекта. Аналитическое и проектное содержание брендинга опирается на прагматический подход в стратегии развития городской среды и стремится вовлечь горожан в создание бренда, его продвижение и использование, однако какие-либо конкретные выводы по реализации данной инициативы делать пока рано.

В статье Т.З. Адамьянц обосновывается тезис о том, что живущие в «умных городах» люди должны совершенствовать уровень своего менталитета, причем не только в сфере технико-технологической, но и в области социальной коммуникации: им нужно не только владеть навыками

управления машинами, механизмами и электронными устройствами, обладать накопленной в памяти информацией, но и уметь ориентироваться в сложной и разнонаправленной современной социокультурной среде.

В статье Р.В. Петухова отмечается, что в условиях отсутствия доверия между гражданами и муниципальными властями невозможен конструктивный диалог, являющийся конститутивным условием «умного» города. Для преодоления существующей отчужденности и восстановления доверия к местным властям необходимы технологические решения, во-первых, делающие открытой и доступной информацию о ключевых задачах развития муниципального образования, во-вторых, обеспечивающие прозрачность процесса текущего управления муниципалитетом, в-третьих, создающие условия для индивидуального и коллективного участия граждан в разработке, обсуждении и принятии ключевых решений.

Результаты российских и белорусских городских исследований дополняются возможностью сопоставления с жизнью в индийских регионах. Так, особенности развития в городе Гувахати штата Ассам (Индия) рассмотрены в статье М. Ласкара и А. Шармы, исследование которых опирается на имущественное разделение городского населения на состоятельных горожан и жителей трущоб. Отталкиваясь от определяющих социальное самочувствие объективных показателей, исследователи постарались дать оценку сложившегося неравенства в качестве жизни этих двух групп. В работе применялись качественные методы сбора данных, что позволило обобщить полученные материалы и подтвердить сведения о крайне низком уровне жизни в трущобах.

Таким образом, можно надеяться, что тематический спектр статей данного номера журнала «Научный результат» позволит в достаточной степени представить проблематику управления в современных городах в процессе их перехода на новую, технологически более сложную стадию развития.

Список литературы

Богданов В. С., Почестнев А. А. Методология установления управленческих барьеров в реализации политики смягчения неравенств регионов // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 4. С. 102-116.

Росс А. Индустрии будущего. М.: Изд-во АСТ, 2017. 351 с.

Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика [Электронный ресурс]: материалы междунар. науч.-практ. конф., Респ. Беларусь, Минск, 25–26 нояб. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.:

И. В. Пинчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2021. – 360 с.

Тихонов А. В., Богданов В. С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 74-81.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2017. 208 с.

References

Bogdanov, S. V., Pochestnev, A. A. (2022), “Methodology for identifying governance barriers

in the implementation of policies to mitigate regional inequalities”, *Research Result. Sociology and management*, 8(4), 102-116. (In Russian)

Ross, A. (2017), *Industriya budushchego* [Industries of the Future], AST, Moscow, Russia, 351. (In Russian)

Ovchinnikov, A. (2016), “The experience of eastern neighbors. How smart cities are developing in Russia and Kazakhstan”, *Urban tactics*, (7), 17-22. (In Russian)

Tikhonov, A. V., Bogdanov, V. S. (2020), “From “smart regulation” to “smart management”: the social problem of digitalization of feedbacks”, *Sociological Studies*, (1), 74-81. (In Russian)

Schwab, K. (2017), *Четвертая промышленная революция* [The Fourth Industrial Revolution], Eksmo, Moscow, Russia, 208. (In Russian)

Сарна Александр Янисович, кандидат философских наук, доцент Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь.

Alexander Ya. Sarna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Теоретическая статья

УДК 165.1

DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-2

Адамьянц Т. З.

Умные люди для «умных городов»
(в свете идей Т. М. Дридзе)

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
улица Кржижановского, дом 24/35, корпус 5, Москва, 117218, Россия,
tamara-adamiants@yandex.ru

Аннотация. В статье идет речь о научном наследии Т. М. Дридзе, одно из направлений которого (семиосоциопсихологическая парадигма социальной коммуникации) содержит методологические и методические основания для массового развития навыков понимания в сфере социальной коммуникации. Такая возможность представляется автору статьи актуальной в свете стратегий развития так называемых «умных городов»: живущие в них люди (равно как и все те, кто проживает за их пределами) также должны совершенствовать уровень своего менталитета, причем не только в сфере технико-технологической, но и в сфере социальной коммуникации: наши соотечественники должны не только владеть навыками управления машинами, механизмами и электронными устройствами, не только обладать накопленной в памяти информацией, но и уметь ориентироваться в сложной и разнонаправленной современной социокультурной среде. Применение научных разработок Т. М. Дридзе позволяет развить навыки понимания латентных смыслов в воспринятых произведениях, материалах СМИ, пропагандистских кампаниях, что более чем актуально в свете ведущихся по отношению к населению нашей страны информационно-смысловых войн, а также в свете поставленной перед нашим обществом задачи воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности. Проведенные эксперименты в рамках проекта РФФИ «Задачи и методы социоментального развития современной молодежи: теория, исследования, эксперименты, 2015-2017 гг.» по развитию навыков понимания в сфере социальной коммуникации показали положительную динамику. Массовое развитие навыков понимания наших соотечественников окажет положительное влияние на процессы социализации и социальной адаптации в современной России.

Ключевые слова: Дридзе; семиосоциопсихология; умный город; социальная коммуникация; метод мотивационно-целевого анализа; понимание; социоментальные группы; социализация; социальная адаптация

Информация для цитирования: Адамьянц Т. З. Умные люди для «умных городов» (в свете идей Т. М. Дридзе) // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 1. С. 14-23. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-2

Tamara Z. Adamyants

Smart people for smart cities (in the light of the ideas of T. M. Dridze)

Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
bld. 5, 24/35, Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
tamara-adamiants@yandex.ru

Abstract. The article deals with the scientific heritage of T. M. Dridze, one of the directions of which (the semiosociopsychology paradigm of social communication) contains methodological and methodological foundations for the mass development of understanding skills in the field of social communication. Such an opportunity seems to the author of the article relevant in the light of the development strategies of the so-called "smart cities": people living in them (as well as all those who live outside them) should also improve their level of mentality, not only in the field of technical and technological, but also in the field of social communication: our compatriots should not only have the skills to control machines, mechanisms and electronic devices, not only have the information accumulated in memory, but also be able to navigate in a complex and multidirectional modern socio-cultural environment. The use of scientific developments by T. M. Dridze allows the development of skills for understanding latent meanings in perceived works, media materials, ongoing propaganda campaigns, which is more than relevant in the light of the information and semantic wars being waged against the population of our country, as well as in the light of the task set before our society of educating a harmoniously developed and socially responsible personality. The experiments conducted within the framework of the RFBR project "Tasks and methods of sociomental development of modern youth: theory, research, experiments, 2015-2017" on the development of understanding skills in the field of social communication showed a positive trend. Mass development of understanding skills of our compatriots will have a positive impact on the processes of socialization and social adaptation in modern Russia.

Keywords: Dridze; semiosociopsychology; smart city; social communication; method of motivational and target analysis; understanding; sociomental groups; socialization; social adaptation

Information for citation: Adamyants, T. Z. (2023), "Smart People for Smart Cities (in the light of the ideas of T. M. Dridze)", *Research Result. Sociology and management*, 9 (1), 14-23. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-2

Введение (Introduction). Научный вклад выдающегося российского ученого Т. М. Дридзе разносторонен и обширен: это, во-первых, принципиально новая семиосоциопсихологическая парадигма социальной коммуникации (употребляется также термин «семиосоциопсихология»), в центре внимания которой взаимообращенные процессы между человеком и его информационной средой и, во-вторых,

экоантропоцентрическая парадигма с ее идеями о неразрывной взаимосвязи между человеком и его жизненной средой, а также социальной и гуманитарной целесообразности соблюдения гармоничного баланса в связке «человек – жизненная среда»; в качестве элементов жизненной среды современного человека рассматриваются природная, технократическая, рукотворная и информационно-смысловая составляющие,

а также «другие люди» (Дридзе, 1984; Дридзе, 2000 а).

Выдвинутые еще в 90-е годы прошлого века утверждения Т. М. Дридзе о необходимости гармоничной взаимосвязи между человеком и всеми составляющими его жизненной среды, а также о социальной и гуманитарной целесообразности перехода от субъект-объектной модели управления – к модели субъект-субъектной, то есть диалогической и социально ориентированной, были апробированы в серии новаторских для времени их проведения социально-диагностических и проектных исследований (Прогнозное..., 1994; Яницкий, 1994). Методологические и методические разработки по материалам проведенных исследований и реализованных проектов остаются востребованными и поныне при определении стратегий социально ориентированного управления (Акимкин, 2015; Тихонов, Богданов, 2020). Востребованы они и в градостроении при определении задач и направлений развития так называемых «умных городов» (Расходчиков, 2022; Шилова, Богданов, 2022), о которых пойдет речь и в настоящей статье.

Методология и методы (Methodology and Methods). При рассмотрении в свете научного наследия Т. М. Дридзе феномена «умных городов», ставших значимыми компонентами жизненной среды современного человека, возникает вопрос о степени гармоничности взаимообращенных процессов между современным человеком и новым компонентом его жизненной среды. К настоящему времени ориентиром научного поиска при определении направлений развития «умных городов» оказываются различного рода полезные («умные») предпочтения на основе максимально возможной компьютеризации и цифровизации, обеспечивающие, с одной стороны, успех управленческих решений, действий и мероприятий и, с другой, комфортные условия жизни, труда и отдыха для населения.

Расширение задач, стоящих перед российским обществом, актуализирует

социальную целесообразность расширения направлений развития «умных городов» (равно как любых других городов, поселков, поселений, сел, домов, строений и т.д.).

Метафора «умный город», распространяющая замечательное человеческое качество на компьютеризированный населенный пункт, представляется вполне уместной: да, современные города действительно становятся «умными», поскольку приобретают, благодаря успехам в сфере искусственного интеллекта, многие соответствующие этому качеству характеристики и особенности. Общеизвестно, что «менталитет» (условный) современного города постоянно совершенствуется: имеются в виду новые возможности в управлении, контроле, многоуровневом реагировании и в целом – в обеспечении достойной жизни горожан.

Новая характеристика-номинация для города, однако, стимулирует возникновение ассоциативных вопросов: можно ли такое же определение применить и для большинства людей, населяющих «умные города»? Речь идет не о медицинских показателях, а о ментальных навыках (способностях, особенностях). Широкое распространение созданных интеллектом человека «умных городов», «умных домов», «умных гаджетов» и т.д. не только не снимает, но актуализирует задачу массового и всестороннего развития самих людей: люди, конечно же, также должны совершенствовать свой менталитет.

Современный среднестатистический человек должен не только уметь пользоваться различными машинами, механизмами, цифровыми устройствами и т.д., но также иметь развитые навыки понимания и ориентирования в сфере социальной коммуникации, которые в которую все мы фактически «погружены», начиная от рождения и далее на протяжении всей жизни; имеются в виду «встречи» с книгами, играми, мультфильмами, фильмами, теле-и радиопрограммами, материалами СМИ, рекламой, интернет-сайтами и т.д.; образовательные мероприятия в детском саду,

школе, вузе, музее, лектории и т.д.; общение с родителями, членами семьи, друзьями, знакомыми, управленческими структурами, в рамках чатов, блогов и т.д.

Для полноценного (адекватного) понимания в сфере социальной коммуникации навыков оперирования информационными массивами и принципами логического анализа недостаточно; необходимо оперирование также данными образно-эмоционального уровня, что недоступно даже самым продвинутым, но все же бездушным системам, устройствам и механизмам. Возможность и социальная целесообразность развития навыков понимания в сфере социальной коммуникации впервые была обозначена Т. М. Дридзе (Дридзе, 1984: 221).

Актуальность проблемы обусловлена ведущимися в глобальном социокультурном пространстве информационно-смысловыми войнами, направленными на качественные изменения в «картинах мира» (социальных представлениях) населения нашей страны. Учитывая эти обстоятельства, наши соотечественники должны уметь принимать взвешенные самостоятельные решения, не оказываясь при этом «жертвой» манипуляций и прочих методов воздействия. Актуальность проблемы обусловлена также поставленной перед нашим обществом задачей воспитания «гармонично развитой и социально ответственной личности»¹. Поднятая проблема актуальна также в связи с принципиально новыми возможностями использования отечественных научных разработок для решения задачи, которая не ставится ни одной зарубежной концепцией, – задачи массового развития навыков понимания в сфере социальной коммуникации. Примечательно, что научная парадигма, позволяющая реально решить столь значимую задачу, была разработана именно в нашей стране.

Научное обоснование. В настоящее время в науке о социальной коммуникации, как известно, «правят бал» современные

герменевтические концепции, развившиеся под эгидой постмодернизма (Gadamer, 1976; Фуко, 1994). Декларируемые этими концепциями утверждения о «смерти текста» и «смерти автора» не только узаконили возможность произвольных толкований смыслов и значений (эта возможность широко используется для целей воздействия и манипуляции), но фактически обесценили значимость ментальных навыков в сфере социальной коммуникации (Дридзе, 2000 б).

Принципиально иное представление о смыслах и особенностях их понимания в сфере социальной коммуникации представляет (и обосновывает на методологическом, методическом и экспериментальных уровнях) разработанная в рамках российской академической науки семиосоциопсихологическая парадигма (Дридзе, 1984; Дридзе, 2000 а). Ее ключевым положением является утверждение о *наличии в каждом целом, завершенном коммуникативном акте (произведении, материале, устном выступлении, фильме, пропагандистской кампании и т.д.) виртуальной иерархически организованной структуры коммуникативно-познавательных программ, ориентированных на интенциональность коммуникатора/автора.*

Значение термина «интенция» (*цель, намерение, стремление*), активно используемого в классической философии и феноменологии (Гуссерль, 1994), в семиосоциопсихологии расширено и уточнено: это «*равнодействующая мотивов и целей (точнее – искомого результата) деятельности, общения и взаимодействия людей с окружающим их миром*» (Дридзе, 2000а: 16). Соответственно, термин «интенциональность» используется для обозначения формулировки «равнодействующей мотивов и целей» конкретного коммуникативного акта.

Еще одно важное положение связано с утверждением тождества между

¹ Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21 июля 2020 года. URL:

<http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728/>
(дата обращения: 14.01.2023).

интенциональностью коммуникативного акта и его смыслом: и то, и другое – *самое главное, что хотел сказать, передать, выразить (или утаить) коммуникатор/автор*, причем и на уровне осознанных целей, и на уровне не всегда осознаваемых мотивов. Смыслом целостных, завершенных коммуникативных актов, следовательно, является интенциональность коммуникатора/автора, реализуемая на виртуальном плане посредством многоуровневых структур взаимоподчиненных коммуникативно-познавательных программ, вершиной которых оказывается авторская интенциональность.

В противоположность постмодернистским идеям, декларирующим многозначность и личностный характер смыслов (Gadamer, 1976; Фуко, 1994), семисоциопсихология рассматривает смысл как константное виртуальное образование, которое в рамках произведения уже материализовалось посредством слов, фраз, прочих выразительных средств и особенностей их взаимодействия между собой; множественны только складывающиеся в результате восприятия личностные «картины мира», которые могут включать понимание авторской интенциональности (речь идет не об обязательном согласии, а только о понимании), а могут и не включать, в силу разных причин, в том числе ментальных особенностей человека.

Назовем типичный состав взаимозависимых уровней мотивационно-целевой структуры (любого целостного, завершенного) коммуникативного акта:

- 1) авторская интенциональность, или смысл;
- 2) тезисы – антитезисы;
- 3) аргументы – контраргументы;
- 4) иллюстрации – контриллюстрации;
- 5) фоны;
- 6) фоны к фонам и т.д.

«Набор» и особенности взаимодействия между собой структурных уровней в каждом отдельном произведении зависят от

воли и решения автора, однако общий принцип внутренней организации (любых целостных, завершенных коммуникативных актов) универсален, по сути дела, это своеобразная «формула понимания» авторской интенциональности (смысла), которая лежит в основе разработанного в рамках семисоциопсихологии метода мотивационно-целевого анализа.

При пользовании этим методом становятся зримыми, то есть отраженными в формализованной схеме, индивидуальные особенности мотивационно-целевой структуры изучаемого произведения, причем «верхушкой» структуры оказывается авторская интенциональность, или латентный смысл. Процедура выделения уровней мотивационно-целевых структур и ментального продвижения к смыслу происходит по принципу абдукции – познавательной процедуры, основанной на ментальном продвижении «снизу-вверх», сопровождаемом выдвижением и опровержением гипотез (Peirce, 1976). Доказательством верности полученных выводов оказывается стройность выделенной мотивационно-целевой структуры и невозможность «выстроить» ее как-то иначе.

Посредством обозначенного метода можно получить также данные об особенностях «преломления» воспринятого произведения в сознании человека. Для этого респонденту предлагается ответить на вопрос анкеты о том, *что именно автор/коммуникатор хотел сказать (выразить, донести)?* Полученная интерпретация представляет собой следы личностных ментальных процессов при «встрече» с анализируемым произведением, которые затем можно сопоставить с (полученной ранее) константной структурой этого же самого произведения и получить представление о степени ее ментального «освоения»: удалось ли респонденту «добраться» до вершины, то есть до смысла? И если нет, то где, на каком уровне структуры произошел ментальный сбой?

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Исследования и эксперименты.* К числу ключевых положений семиосоциопсихологии относится также утверждение о том, что качество понимания в сфере социальной коммуникации зависит от социоментальных особенностей личности. Значение термина «социоментальный» шире традиционной трактовки термина «ментальный»: это не только содержательные или функциональные аспекты сознания (ума), но и аспекты технологические, связанные с привычными для человека или группы приёмами (способами, методами, «технологиями») постижения глубинных смыслов в произведениях, материалах, пропагандистских кампаниях и, в целом, в социокультурной среде (Адамьянц, 2017).

Исходя из особенностей «освоения» в интерпретациях (ответах на специальные вопросы анкеты) константной мотивационно-целевой структуры, различают *адекватное* (по отношению к константному смыслу), *частично адекватное* и *неадекватное понимание*.

При *адекватном* понимании проекция следов ментальных процессов респондента достигает вершины константной мотивационно-целевой структуры, что свидетельствует о понимании респондентом латентного смысла; статус *частично адекватного* понимания получают интерпретации, содержащие пересказ аргументов, иллюстрацией, фактов, но без выхода на мотивационно-целевую доминанту; при *неадекватном* понимании респондент либо вообще ничего не интерпретирует (не может или не хочет), либо «выхватывает» из ткани воспринятого произведения отдельные события, факты и интерпретирует их

безо всякого соотнесения с заданным в анкете вопросом (Адамьянц, 2017).

На протяжении нескольких последних десятилетий (столько времени насчитывают исследования с применением семиосоциопсихологических методов и подходов), число людей, способных к адекватному пониманию воспринятых произведений, оказывается меньшим, чем хотелось бы. Так, по результатам проекта «Общественное мнение», реализованном в 1969-1974 гг. под руководством известного российского социолога Б. А. Грушина, оказалось, что «...в 7 случаях из 10 предъявленные читателям газетные тексты интерпретировались ими неадекватно цели сообщения, так что замысел коммуникатора во всех этих ситуациях оставался нереализованным» (Массовая..., 1980: 242); адекватно понять смысловые особенности предложенного им газетного текста сумели только 14% респондентов (Дридзе, 1984: 172-179).

Процентное значение числа количества респондентов, сумевших дать интерпретацию, адекватную авторской интенциональности, оказывается несколько выше при восприятии произведений художественных жанров.

В 2010 г. адекватное понимание мотивационно-целевой направленности *любимой в детстве сказки и понравившегося произведения* (по собственному выбору) обнаружили 26% респондентов; частично адекватное понимание – 49%; неадекватное – 25%².

В 2013 г. адекватное понимание при интерпретировании *произведения, повлиявшего на мировидение* (по собственному выбору), обнаружили 17% респондентов; частично адекватное – 45%; неадекватное – 37%³.

² Данные проекта РФФИ «Развитие коммуникативных навыков личности в зависимости от степени диалогичности социокультурной среды, 2008-2010 гг.». Опрошено 257 человек (студенты вузов и работающая молодежь); исследование позиционируется как качественное.

³ Данные проекта РФФИ «Качественные индикаторы процессов самоорганизации и самоопределения в социуме, 2011 - 2013 гг.». Опрошено 225 человек (студенты вузов и учащиеся техникумов); исследование позиционируется как качественное.

В 2017 г. адекватное понимание при интерпретировании содержащейся в анкете *притчи* («Мудрый странник») обнаружили 47% респондентов; частично адекватное – 26%; неадекватное – 27%⁴.

Увеличение в социуме (городе, поселке, селе, коллективе, группе и т.д.) числа людей, способных к адекватному пониманию в сфере социальной коммуникации, социально значимо. Комплекс полученных в названных выше исследования данных (использовалась многоуровневая анкета с большим количеством открытых вопросов) зафиксировал *высокий уровень социализации и социальной адаптации респондентов, обнаруживших способность к адекватному пониманию*. По сравнению с респондентами, которым таких способностей обнаружить не удалось, эти люди в массе своей были лучше осведомлены об актуальных проблемах современной России; знали больше персоналий, наименований, событий, фактов; пользовались большим авторитетом в коллективе/группе; чаще обращались к материалам СМИ информационных и общественно-политических жанров, художественной литературе классического уровня и прочей социокультурной продукции; были более ответственны и успешны в учебе или карьере (Адамьянц, 2017).

Возможно ли научить пониманию? Высказанная Т. М. Дридзе идея о возможности массового развития навыков понимания в сфере социальной коммуникации была апробирована в ряде экспериментов, в частности в уже упоминавшемся проекте РФФИ «Задачи и методы социоментального развития современной молодежи: теория, исследования, эксперименты», 2015-2017 гг.».

Эксперимент проходил в студенческих группах в рамках дисциплин по социальной коммуникации. Процедура состояла из двух этапов знакомства с однотипными по степени сложности, объему и жанровой

специфике текстами (для эксперимента были выбраны две притчи и два стихотворения) и последующего задания *сформулировать главное, что автор/коммуникатор хотел сказать, передать, выразить*. В промежутке между первым и вторым этапами анкетирования студенты получили небольшой комплекс сведений об *общих принципах структурой организации любых целостных, завершенных коммуникативных актов*, знакомство с которыми позволяет «выстроить» в уме виртуальную мотивационно-целевую структуру, аналогичную той, что содержится в воспринятом произведении. В процессе эксперимента следовало определить, изменилось ли качество понимания однотипных текстов после знакомства с основными принципами семиоциопсихологии. Все этапы эксперимента прошли 53 студента, обучающихся гуманитарным специальностям в ведущих вузах страны и заинтересованных в оценке и развитии своих навыков понимания.

Полученные результаты показали положительную динамику. Так, при интерпретировании смысловых доминант предложенных студентам стихотворений («Незнакомка» А. Блока и «Послушайте!» В. Маяковского) показатели *адекватного* понимания выросли с 17% до 25%; процентное значение данных о *частично адекватном* понимании выросло с 34% до 43%; соответственно, уменьшились с 49% до 32 % показатели *неадекватного* понимания.

При интерпретировании смысловых доминант предложенных студентам притч («Мудрый странник» и «О встрече с тигром») показатели *адекватного* понимания оказывались стабильно высокими на каждом этапе эксперимента – 57%; процентное значение данных о *частично адекватном* понимании выросло с 20% до 26%; соответственно, уменьшились (с 23% до 17%) показатели *неадекватного* понимания.

⁴ Данные проекта РФФИ «Задачи и методы социоментального развития современной молодежи: теория, исследования, эксперименты, 2015-2017 гг.».

Опрошено 213 человек (студенты вузов и школьники старших классов); исследование позиционируется как качественное.

Заключение (Conclusions). Широкое применение возможностей искусственного интеллекта в России, где одной из главных стратегических целей обозначено гармоничное развитие личности, актуализирует задачу ментального совершенствования и самих людей. Наши соотечественники, проживающие в «умных» городах (поселках, домах и т.д.), в массе своей владеют, конечно же, гораздо большим, нежели в не столь отдаленные времена, объемом знаний, познаний и практических навыков, причем особое место в их «ментальном багаже» занимают навыки практического использования технических изобретений и информационно-коммуникационных технологий: машин, компьютеров, гаджетов и прочих электронных устройств.

Следующим и не менее важным этапом нашего общего ментального совершенствования может и должно стать массовое развитие способностей к пониманию глубинных смыслов в сфере социальной коммуникации. Для реализации этой задачи необходимо включение в стратегические задачи отечественного образования и воспитания не только накопление знаний, компетенций и практических умений, но и развитие ментальной сферы обучающихся.

В настоящее время для знакомства с основными принципами внутренней структурной организации любых произведений/материалов, что позволяет углубленное понимание их латентных смыслов, разработаны учебные программы и учебники (Адамьянц, 2020), которые используются в ряде вузов страны; впереди продолжение работ по созданию программ, учебников и учебных пособий с учетом всех возрастов обучающихся, а также продолжение исследований и экспериментов.

Социальный выигрыш от увеличения в российском обществе людей, способных к адекватному пониманию в сфере социальной коммуникации, бесспорен: только понимающая личность способна противостоять экспансии массовой культуры, потребительской идеологии и прочим методам влияния и воздействия, причем не в силу

указаний «свыше» или установившейся в коллективе или группе «моды», а взвешенно и самостоятельно. Только понимающая личность способна осознанно любить свою страну, свой город (поселок, поселение, село, дом) и всячески способствовать их развитию и процветанию; в таком случае все нюансы смысловых значений терминов «умный город», «умный дом» и т.д. окажутся вполне оправданными.

Список литературы

Адамьянц Т. З. Задачи и методы социоментального развития современной молодежи // Мир психологии. 2017. № 1. С. 69-78.

Адамьянц Т. З. Социальные коммуникации: учебник для вузов (Высшее образование). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт. 2020. URL: <https://urait.ru/bcode/455337> (дата обращения: 17.02.2023).

Акимкин Е. М. Прогнозное социальное проектирование // Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: КРАСАНД, 2015. С. 229-231.

Гуссерль Эд. Амстердамские доклады (II ч.). Перевод А. В. Денежника // Логос. 1994. № 5. С. 7-24.

Дридзе Т. М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в эоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: в 2 кн. М.: 2000 а. Кн. 1. С. 5-42.

Дридзе Т. М. От герменевтики к семиосоциопсихологии: от «творческого» толкования текста к пониманию коммуникативной интенции автора // Социальная коммуникация и социальное управление в эоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: в 2 кн. Кн. 2. М.: ИС РАН. 2000 б. С. 115-137.

Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука. 1984. 267 с.

Массовая информация в советском промышленном городе: Опыт комплексного социологического исследования / Под общ. ред. Б.А. Грушина, Л.А. О니кова. М.: Политиздат, 1980. 446 с.

Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические

проблемы. / Отв. ред. Т. М. Дридзе. Изд. второе, исправленное и дополненное. М.: Наука. 1994. 303 с.

Расходчиков А. Н. Искусственный интеллект и «умный город»: от цифровизации к городу-инновации // Социально-политические науки. 2022. № 4. С. 47-54. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-4-47-54.

Тихонов А. В., Богданов В. С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 74-81. DOI: 10.31857/S013216250008325-0.

Шилова В.А., Богданов В. С. Управление в цифровом обществе (по материалам круглого стола) // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 158-160. DOI: 10.31857/S013216250021653-1.

Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. Пер. с фр. В.П. Визигина и Н.С. Автономовой. СПб. А-сэд. 1994. 405 с.

Яницкий О. Н. Система «человек – жизненная среда» как объект социального воспроизводства // Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. Отв. ред. Т.М. Дридзе. Изд. второе, исправленное и дополненное. М.: Наука. 1994. С. 76-89.

Gadamer H.-G. Philosophical Hermeneutics / Transl. and ed. by. D.E. Linge. Berkeley: Univ. of California Press, 1976. 243 p.

Peirce Ch. Scientific metaphysics // Collected Papers of Charles Peirce, 2 vols. in 1, Vol. 6. The Belknap press of Harvard university press, 1976. 462 p.

References

Adamyants, T. Z. (2017), “Tasks and methods of sociomental development of modern youth”, *The World of psychology*, (1), 69-78. (In Russian)

Adamyants, T. Z. (2020), *Sotsialnye kommunikatsii: uchebnik dlya vuzov* [Social communications: textbook for universities], Higher education. 2nd ed., reprint. and additional, Yurayt, Moscow, Russia [Online], available at: <https://urait.ru/bcode/455337> (Accessed 17 February 2023). (In Russian)

Akimkin, E. M. (2015) “Predictive social design”, *Sotsiologiya upravleniya: Teoretiko-prikladnoy slovar'*, in A. V. Tikhonov, KRASAND Publ., Moscow, Russia, 229-231, DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-4-47-54. (In Russian)

Dridze, T. M. (1984), *Tekstovaya dejatel'nost' v structure sotsial'noj kommunikatsii* [Text activity in the structure of social communication], Nauka, Moscow, Russia, 267. (In Russian)

Dridze, T. M. (2000 a), “Two New Paradigms for Social cognition and Social Practice”, *Sotsial'naja kommunikatsija i sotsial'noe upravlenie v ekoantropotsentricheskoj i semio-sotsiopsihologicheskoy paradigmakh: v 2 knigakh*, kniga 2. [Social communication and social management in ecoanthropocentric and semiosociopsychological paradigms: in 2 books. Book 1], IS RAN, Moscow, Russia, 5-42. (In Russian)

Dridze, T. M. (2000 b), “From Hermeneutics to Semio-sociopsychology: From “Creative” Interpretation of the Text to Understanding the Author's Communicative Intention”, *Sotsial'naja kommunikatsija i sotsial'noe upravlenie v ekoantropotsentricheskoj i semio-sotsiopsihologicheskoy paradigmakh: v 2 knigakh*, kniga 1. [Social communication and social management in ecoanthropocentric and semiosociopsychological paradigms: in 2 books. Book 2], IS RAN, Moscow, Russia, 115-137. (In Russian)

Foucault, M. (1994), *Slova i veschi: Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences], transl. by V.P. Vizgin, N.S. Autonomova, A-cad Publ., St. Petersburg, Russia, 405. (In Russian)

Gadamer, H.-G. (1976), *Philosophical Hermeneutics*, University of California Press, United States, 243.

Husserl, Ed. (1994), “Amsterdam Reports (part II)”, in A. V. Denezkin, *Logos*, (5), 7-24. (In Russian)

Masovaia informatsia v sovetskom promyshlenom gorode: opyt kompleksnogo sotsiologicheskogo issledovaniya (1980), [Mass information in the Soviet industrial city: The experience of a comprehensive sociological study], in B. A. Grushin, L. A. Onikov, Politizdat, Moscow, Russia, 446. (In Russian)

Peirce, Ch. (1976), “Scientific metaphysics”, *Collected Papers of Charles Peirce*, 2 vols. in 1, Vol. 6. The Belknap press of Harvard university press, Cambridge, United States, 462.

Prognoznoe sotsial'noe proektirovanie: teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie problemy (1994), [Predictive social design: theoretical, methodological and methodological problems], in T. M. Dridze, second edition, corrected and supplemented, Nauka, Moscow, Russia, 303. (In Russian)

Rashodchikov, A. N. (2022), “Artificial intelligence and smart city: from digitalization to the

city-innovations”, *Socio-political Sciences*, (4), 47-54. (In Russian)

Shilova, V. A. and Bogdanov, V. S. (2022), “Governance in a digital society (based on the materials of the round table”, *Sociological Studies*, (11), 158-160, DOI 10.31857/S013216250021653-1. (In Russian)

Tikhonov, A. V. and Bogdanov, V. S. (2020), “From «smart regulation» to «smart management»: the social problem of digitalization of feedbacks”, *Sociological Studies*, (1), 74-81. (In Russian)

Yanitsiy, O. N. (1994), “The «human-life environment» system as an object of social reproduction”, *Proгнозное sotsial'noe proektirovanie: teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie problemy* [Predictive social design: theoretical, methodological and methodological problems], in T. M. Dridze, second edition, corrected and supplemented, Nauka, Moscow, Russia, 76-89. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 14 февраля 2023 г. Поступила после доработки 10 марта 2023 г. Принята к печати 15 марта 2023 г.

Received 14 February 2023. Revised 10 March 2023. Accepted 15 March 2023.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Адамьянц Тамара Завеновна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научного исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Tamara Z. Adamyants, Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

УДК: 304.44; 007.3

DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-3

Тулчинский Г. Л.

Прагмасемантика интерактивного брендинга «умного» города

Балтийский федеральный университет им.И.Канта,
улица А. Невского, дом 14, Калининград, 236016, Россия;
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»-Санкт-Петербург
улица Союза Печатников, дом 16, Санкт-Петербург, 190008, Россия
gtul@mail.ru

Аннотация. Региональный бренд суть нематериальный актив, обеспечивающем имиджево-репутационный комплекс привлекательности региона. Статья содержит описание попытки применения современных технологий регионального брендинга как инструмента консолидации власти, бизнеса и общества в стратегии развития региона. В данном случае речь идет о Сыктывкаре, административном центре субъекта РФ Республики Коми. В центре внимания – интерактивные технологии регионального брендинга. Они реализуют на всех этапах брендинга взаимодействие и кооперацию усилий и возможностей всех стейкхолдеров разработки. Опыт разработки ребрендинга г.Сыктывкара опирается на концепцию «прагмасемантики» интерфейса смыслообразования, увязывающего содержания знаковой системы с контекстом социально-культурных практик. Прагмасемантический подход конкретизирует семиосоциопсихологического подхода Т. М. Дридзе в стратегии развития городской среды в применении к аналитическому и проектному содержанию брендинга. Сыктывкар имеет проработанную и утвержденную стратегию до 2035 года, которая нацелена на экономическое, социальное развитие и благоустройство Сыктывкара. Поэтому предложенная разработка нового бренда была ориентирована на использование технологий «умного города». Ключевая роль в проекте играет платформа дополненной реальности «Сыктывкар+», которая имеет точки перехода между онлайн и офлайн-инфраструктурами города. Проект является, по сути, – коммерческим. Он может включать рекламу услуг, товаров, соответствующих компаний, действующих в точках выхода в реальное пространство. Также и работа таких компаний, товары и услуги могут погружаться в контент и выступать его артефактами. Жители города, в том числе семьи – получают удобную среду для пользования городской средой, сервисами, одновременно участвуя в квесте для разнообразия досуга. Бизнес, сфера услуг получают дополнительный ресурс для рекламы и расширения клиентской базы. Приезжие, туристы – получают ознакомительный и туристическо-экскурсионный контент. Проект предполагает расширение – выход за пределы города, включение в него других локаций Республики Коми.

Ключевые слова: брендинг; интерактивная платформа; прагмасемантика; Т. М.Дридзе; умный город

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им.И.Канта.

Информация для цитирования: Тулчинский Г. Л. Прагмасемантика интерактивного брендинга «умного» города // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 1. С. 24-32. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-3

Original article

Grigorii L. Tulchinskii | Pragmasemantics of interactive smart city branding

Immanuel Kant Baltic Federal University,
bld.14, A. Nevsky st., Kaliningrad, 236016, Russia;
National Research University “Higher School of Economics”, St. Petersburg
bld.16, Soyuza Pechstnikov st., St. Petersburg, 190008, Russia
gtul@mail.ru

Abstract. A regional brand is an intangible asset that provides an image-reputation complex of the region's attractiveness. The article contains a description of an attempt to use modern technologies of regional branding as a tool for consolidating government, business and society in the development strategy of the region. In this case, we are talking about Syktyvkar, the administrative center of the constituent entity of the Russian Federation of the Komi Republic. The focus is on interactive technologies of regional branding. They implement at all stages of branding the interaction and cooperation of the efforts and capabilities of all development stakeholders. The experience of developing the rebranding of the city of Syktyvkar is based on the concept of "pragmasemantics" of the meaning-formation interface, linking the content of the sign system with the socio-cultural practices context. The pragmasemantic approach concretizes T.M. Dridze's semio-social-psychological approach in the development strategy of the urban environment as applied to the analytical and design content of branding. Syktyvkar has a developed and approved strategy until 2035, which is aimed at the economic, social development and improvement of Syktyvkar. Therefore, the proposed new brand elaboration was focused on the use of smart city technologies. A key role is played by the Syktyvkar+ augmented reality platform, which has transition points between online and offline infrastructures of the city. The project is essentially commercial. It may include advertising of services, goods, relevant companies operating at points of entry into the real space. Also, the companies work, goods and services can be immersed in content and act as the project artifacts. City residents, including families, get a comfortable environment for using the urban environment, services, while participating in the quest for a variety of leisure activities. Business, service sector receive an additional resource for advertising and expanding the client base. Visitors, tourists get a receive introductory and tourist-excursion content. The project involves expansion - going beyond the city, including other locations of the Komi Republic.

Keywords: branding; interactive platform; pragmasemantics; T. M. Dridze; smart city
Acknowledgements: The work was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00591 “Pragmasemantics as an interface and operational system of meaning formation” at the Immanuel Kant Baltic Federal University.

Information for citation: Tulchinskii, G. L. (2023), “Pragmasemantics of interactive smart city branding”, *Research Result. Sociology and management*, 9(1), 24-32. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-3

Введение (Introduction). В статье идет речь о современных технологиях регионального брендинга как инструменте консолидации власти, бизнеса и общества в стратегии развития региона – в данном случае, города, административного центра субъекта РФ.

Региональный бренд не сводится к яркому логотипу и дополняющему его информационному и оформительскому дизайну. Речь идет о нематериальном активе, обеспечивающем имиджево-репутационный комплекс привлекательности региона. Фактически речь идет о содержании и воплощении социального мифа, лежащего в основе региональной идентичности, как сопричастности славному прошлому, настоящему и будущим перспективам развития. В отличие от товарного, корпоративного и персонального бренда, у регионального бренда нет и не может быть единственного собственника. Идеи и даже разработки региональной администрации, не поддерживаемые бизнесом и общественностью, провисают. Аналогично инициативы делового мира, общественности без поддержки и координации со стороны органов власти также оказываются бесполезными. Как показывает отечественный и зарубежный опыт, в этом своем качестве полноценный региональный бренд является мощным средством консолидации власти, бизнеса (реальных и потенциальных инвесторов) и населения (реальных и потенциальных занятых и жителей, организованной и неорганизованной общественности). (Anholt, 2003; Визгалов, 2011; Динни, 2013; Dinnie, 2013; Тульчинский, 2013).

В этой связи особый интерес представляют интерактивные технологии регионального брендинга, реализующие на всех его этапах – от анализа, выявления проблем и потенциала региона, обобщения идей по их решению и стратегии, выработки мифодизайна и до продвижения и реализации конкретного проекта – взаимодействие и кооперацию усилий и возможностей всех стейкхолдеров, как «интересантов» данной разработки (Kavaratzis, 2012; Kavaratzis,

Kalandides, 2015). Так, поисковая деловая игра является интенсивным интерактивным методом анализа и разработки, позволяющим в интенсивном режиме решить задачи анализа, обсуждения и оценки предлагаемых идей и решений. Одновременно формируются творческие команды, заинтересованные в реализации выработанных предложений и готовых к работе над их реализацией.

Как показывает реальный опыт автора, это сотрудничество может иметь различные организационные формы: как поисковые деловые игры на стадии разработки, так и создание региональных платформ дополненной реальности, создающих инструменты и перспективы эффективной консолидации на материале развития туризма, рекламы, различных сервисов и организации досуга. Использование таких платформ придает интерактивности дополнительные измерения и возможности.

В данной работе описывается опыт разработки ребрендинга г.Сыктывкара. Он опирается на концепцию «прагмасемантики» (Zolyan, 2021: 247-248), как комплекса и интерфейса смыслообразования, увязывающего анализ содержания и значения знаковой системы с контекстом социально-культурной практики его использования. Предпосылки такого подхода были разработаны международным коллективом в рамках исследовательской программы, поддержанной грантом РНФ № 18-18-00442 «Механизмы смыслообразования и текстуализации в нарративных и перформативных дискурсах и практиках» (Золян, Тульчинский, 2022) и продолженной в рамках гранта РНФ № 22-18-00591. Прагмасемантический подход в своем аналитическом и проектном планах ребрендинга является конкретизацией семиосоциопсихологического подхода Т.М.Дридзе в стратегии развития городской среды (Дридзе, 1984; Дридзе, 1994; Дридзе, Акимкин и др., 2005; Тульчинский, 2020).

Разработка проекта ребрендинга Сыктывкара велась по запросу мэрии города при активном участии студентов и

преподавателей Сыктывкарского государственного университета им.П.И.Сорокина и НИУ «Высшая школа экономики»-Санкт-Петербург. Разработка включала концепцию бренда, содержание бренд-месседжа, визуализацию бренда, программу продвижения бренда, выбор методов оценки эффективности разработки и ее реализации. Поскольку Сыктывкар имеет проработанную и утвержденную стратегию до 2035 года, нацеленную на экономическое, социальное развитие и благоустройство Сыктывкара, постольку разработка ребрендинга исходила из ориентации технологического обеспечения на компоненты «умного города».

Методология и методы (Methodology and Methods). Сыктывкар – административный центр Республики Коми, одна из перспективных точек роста РФ. Имеющаяся стратегия его развития нуждается в ее образной конкретизации (Казакова, Горунович, 2018), содержание которой может использоваться в публичном пространстве, организации общественной жизни, позволяя консолидировать усилия власти, бизнеса и общественности на достижение целей стратегии. Такой конкретизацией является технология брендинга, реализация которой включает проектную часть, реализацию, мониторинг и оценку эффективности реализации (Лейман, 2018).

В течение февраля-апреля 2022 г. были осуществлены: (1) сбор и обобщение аналитической информации, необходимой для брендинга; (2) проведена поисковая деловая игра по выработке концепции бренда и его продвижения; (3) по итогам поисковой деловой игры предложены концепция бренда (включая визуализацию) и программа продвижения предложенной концепции.

Анализ специфики города в регионе и РФ, его пространственно-географической характеристики, демографической ситуации, культурно-исторического наследия, промышленности, сферы науки и образования, культуры, спорта позволил сделать несколько обобщающих выводов. Основная

промышленная специализация города – лесопромышленный комплекс, пищевая промышленность и сфера услуг. Существует спрос на рекреационно-туристические услуги, который мог бы удовлетворяться внутри Сыктывкара и его ближайших окрестностей. Анализ текущего портфеля турпродуктов Сыктывкара показывает его несоответствие потребностям современных туристов: преобладают традиционные, нет разнообразия и нетривиальных активностей. Население Сыктывкара по уровню дохода не уступает лидерам СЗФО и отличается хорошей покупательной способностью. Кроме того, доля молодежи и людей среднего возраста среди жителей Сыктывкара выше, чем в среднем по СЗФО. В Сыктывкаре расположен международный Центр финно-угорской культуры, что создает дополнительные перспективы позиционирования и продвижения города в культурно-коммуникативном пространстве.

Город компактен и удобен для жизни. Однако демографическая ситуация в нем неоднозначна. Постоянный приток на обучение студенческой молодежи сопровождается не менее стабильным ее оттоком. В городе сложились дефицит высококвалифицированных рабочих кадров, низкий уровень развития малого и среднего предпринимательства. Природно-климатические особенности города неоднозначны для развития традиционных форм природного и культурального туризма. Вместе с тем, Сыктывкар – промышленная, научно-образовательная, медицинская, культурная и спортивная столица большого северного региона, а культура коми – очень самобытна. С Сыктывкаром связаны биографии известных ученых, писателей, художников, политиков, предпринимателей, религиозных деятелей, спортсменов. Для города характерны отсутствие значимых социально-трудовых конфликтов, гармонично развивающиеся межнациональные отношения, надежная работа объектов социально-культурной инфраструктуры (здравоохранения, образования, культуры, гостинично-

ресторанного сервиса, социального обслуживания населения). Все это обеспечивает существенный потенциал привлекательности, нуждающийся в технологической систематизации, интеграции информационно-коммуникативных связей.

В настоящее время городу остро не хватает понятных карьерных перспектив для молодых людей, медиапредставленности города, «романтизации» жизни городе в медиа, общественном восприятии, современных социально-культурных практик, туристических активностей.

Администрацией города был разработан и представлен в Сколково предварительный проект брендинга города «Сыктывкар-столица леса», который делает акцент на позиционировании города как современной региональной столицы, центре компетенций в деревянном многоквартирном домостроении и глубокой переработке леса, благоустроенности и экологичности города. Город уже приступил к формированию 12-ти кварталов для деревянного домостроения. Ведется переселение, выкуп, снос ветхого жилфонда. Внесены изменения в градостроительную документацию. Это будут современные жилые кварталы с необходимой инфраструктурой.

Главная роль в идентификация бренда Сыктывкара отводится горожанам. Местные жители, сложившиеся культура и традиции, отражают уникальность территории, на которой они проживают. Необходимо учитывать их культуру, образ жизни при выстраивании бренда города и вовлекать в процесс создания бренда. Жителям города хочется думать, что их город особенный. Тогда они будут ощущать себя уникальными и транслировать это жителям других регионов.

В ребрендинге заинтересованы администрация города и местные предприниматели, потенциальные инвесторы и приезжие по трудовым мотивам, приезжающие на учебу в вузы города молодые люди и организаторы туризма.

**Научные результаты и дискуссия
(Research Results and Discussion).**

Интерактивная стадия разработки. В режиме двухдневной поисковой деловой игры, в которой принимали участие представители администрации, общественности города, эксперты и студенты-старшекурсники (по специальностям государственно-муниципальное управление, урбанистика, связи с общественностью, дизайн) были выявлены трудности и перспективы брендинга Сыктывкара, ограничения предложенного администрацией ребрендинга, возможность расширения подхода.

Прежде всего, это неоднозначность ключевой идеи. С одной стороны, это экологическая ориентация, благоустройство. С другой – необходимость отстраиваться по идентификатору «лес» от других эко-городов-конкурентов, проблемы лесопереработки для окружающей среды, результаты опросов жителей города, не все из которых связывают свою жизнь и перспективы с лесом. Несоответствие транслируемого бренда «столица леса» и лесоперерабатывающей деятельности в регионе могут привести к негативной реакции общественности. В городе широко представлены крупные предприятия, научные и образовательные организации и учреждения, не связанные с лесным кластером. Акцентирование одного кластера (например, столица леса) исключает другие черты города и сегменты групп влияния и целевых групп брендинга.

Необходимо решить целый комплекс вызовов. Главное – снять стигму «провинциального города» и реализовать конкурентное преимущество Сыктывкара перед другими эко-городами – возможность интеграции концептов «столичности» Сыктывкара, как лесопромышленного комплекса и эко-проекты («Сыктывкар – столица леса»), как центра науки и образования», культуры Коми («Столица финно-угорского мира»), делового, спортивного и прочего туризма. Ребрендинг должен быть не столько затратным, сколько коммерческим проектом. Немаловажно также решить проблему, типичную для сыредобывающих регионов: отношения основных источников регионального бюджета, каковыми в Коми

являются компании, размещенные в Воркуте, Инте, Ухте, Усинске), и мэрии города – регионального административного центра, активно расходующего региональный бюджет. Очевидные возможности может дать также использование технологий «умного города».

Поэтому в ходе и по итогам поисковой деловой игры возникла расширенная идея бренда Сыктывкара, как точки входа (портала) в республику и культуру Коми с условным бренд-месседжем: «Сыктывкар – войти [врата] в Коми». Цель такого ребрендинга – вовлечь в бренд, его продвижение и использование население города (включая молодежь, высококвалифицированных специалистов), деловой мир, организованную общественность, туристов, гостей города. Концепция захватывает несколько уникальных сфер республики и города: культурную идентичность – коми народ, коми культура, коми еда, декоративно-прикладное искусство (мозаика, барельеф), уникальную природу (заказники, парки, леса). Сыктывкар как столица, из которой начинается знакомство туристов с Коми, а для местного населения – новые рабочие места.

Целевую аудиторию ребрендинга при этом составляют: местные жители (организованная и неорганизованная общественность, инициативные группы, которые вовлекаются участвуют в развитии бренда города); туристы (российские и зарубежные); инвесторы, заинтересованные в развитии проектов по ряду направлений. К таким направлениям относятся: благоустройство города (озеленение, сохранение лесопарковых зон, развитие инфраструктуры и рекламная реформа); культура и досуг (мероприятия и фестивали, гастрономия коми); природа (мероприятия направлены на раскрытие особенностей лесов, рек, флоры и фауны); спорт (развитие лыжного спорта, хайкинг, бенди).

Формат реализации и продвижения ребрендинга – интерактивная платформа «умного города».

Ключевую роль в проекте играет технология его реализации и продвижения. В

качестве таковой была предложена платформа дополненной реальности «Сыктывкар+» с точками перехода между онлайн и офлайн-инфраструктурами города (квест-гид по Сыктывкару, далее – по региону).

В основе контента – синтез нарративов, связанных с экономикой, социальной сферой, культурой и историей Сыктывкара, связью проекта с местными традициями, желание видеть город экологичным, связанным с лесом. Виртуальный и реальный город будут соединяться в нескольких интерактивных точках: транспортных узлах, учебных и административных, деловых центрах; гостиницах, торгово-развлекательных центрах, музеях, выставочных павильонах; базах отдыха, театрах; парках, на заправках, автомойках и т.д.

Каждая интерактивная локация может включать место встречи для разных акторов, места для контактов с администрацией города, места обучения ремеслам (чеканка, кузня, гончарное производство, кожевенное и т.п. с производством сувениров на память), лектории, траектории (возможно использование аниматоров и аудио-гидов), экскурсий, проложенных по городу между этими местами, места для отдыха, гостиницы, рестораны, кафе и прочая инфраструктура.

Проект могут обслуживать как реальные работники, так и Non-Player Character (НПС – компьютерные персонажи, ведущие, модели представителей города, как живущих, так и исторических). Турист через мобильное приложение взаимодействует с виртуальными героями, которые дают задания.

За прохождение маршрута игрок получает очки/монеты/жетоны. Определенная сумма таких баллов поощряется статусом или дает скидки в реальных организациях Сыктывкара. У игроков должна быть возможность эволюции и роста, как пределах игровых зон, так и удаленно от Сыктывкара. Взаимодействия между гостями и жителями, возможность собирать команды игровых и неигровых персонажей.

Проект допускает динамическую/сезонную систему изменений интерактивных программ; туристических маршрутов, мас-совых праздников, фестивалей, исторических реконструкций, местных видов спорта (гонки на собачьих упряжках и т.п.).

Медиа-дизайн проекта предполагает единую стилистику, реализующую и продвигающую айдентiku бренда города. Проект является, по сути, коммерческим. Он может включать рекламу услуг, товаров, соответствующих компаний, действующих в точках выхода в реальное пространство. Также и работа таких компаний, товары и услуги могут погружаться в контент и выступать его артефактами.

Жители города, в том числе семьи – получают удобную среду для пользования городской средой, сервисами, одновременно участвуя в квесте для разнообразия досуга. Бизнес, сфера услуг получают дополнительный ресурс для рекламы и расширения клиентской базы. Приезжие, туристы – получают ознакомительный и туристическо-экскурсионный контент.

Заключение (Conclusions). Проект может предполагать расширение – выход за пределы города, включение в него этнокультурного парка в Ыбе, других локаций.

Создание серий взаимосвязанных компьютерных игр, сериалов мультфильмов и кино, написание большого объема различных по жанрам историй и романов, в основе которых будет РПГ. Создание культурной музыки, которую бы слушали фанаты, создание сети «клубов фанатов бренда».

Интерактивная платформа дает возможность конструктивно и экономно использовать традиционные формы продвижения бренда, такие как: социальные сети; региональные СМИ (ТВ и радио); сотрудничество с инфлюенсерами; событийный календарь; сувенирная продукция и полиграфия; и печатная продукция; легендирование (сторителлинг); визуализацию бренда, внедрение айдентики в офлайн и онлайн-среду Сыктывкара.

Предложенный подход позволяет обеспечить: привлечение креативных специалистов (медиадизайнеров, историков, искусствоведов, краеведов, журналистов, блогеров и т.д.); организацию клиентского пути по городу, погружения в его среду и пользование ею; повысить медиа-представленность города; создать единый непротиворечивый образ онлайн и офлайн-пространства города; конструктивно внедрить дизайн-код во внешнюю среду города.

В результате интерактивная платформа дополненной реальности «Сыктывкар+» может предстать не только саморазвивающейся средой развития города, постоянного взаимодействия власти, бизнеса и общественности – как в самом городе, так и в регионе, стране и не только, но и интерфейсом осмысления и переосмысления проблем и перспектив, воплощения их в знаково-символическом формате. Предложенная по итогам поисковой деловой игры дорожная карта реализации проекта дает ясное представление о необходимых для этого поэтапных организационных шагах.

Список литературы

- Визгалов, Д. В. Брендинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011. 160 с.
- Динни К. (ред.) Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 336 с.
- Дридзе Т. М. (отв.ред.) Прогнозное социальное проектирование: Теоретико-методологические и методические проблемы. М.: Наука, 1994. 304 с.
- Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М.: Наука, 1984. 268 с.
- Дридзе Т. М., Акимкин Е. М. и др. Социально обоснованное градостроительство в режиме прогнозного проектирования: от социальной диагностики к профилактике конфликтных ситуаций и конструктивному диалогу заинтересованных сторон. М.: Ин-т муницип. упр., 2005. 492 с.
- Золян С. Т., Тульчинский Г. Л. (ред.) Между миром и языком: текст и смысл в

коммуникативном контексте. Коллективная монография. Калининград: БФУ, 2022. 435 с.

Казакова К. А., Горунович А. И. Использование визуальных средств коммуникации в продвижении бренда территории (на примере Республики Коми) // Знак. Проблемное поле медиаобразования. 2018. № 1(27). С. 158-170.

Лейман И. И. Возможности и направления формирования бренда территории (На примере Республики Коми) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2018. Т.12, № 4. С.106-108.

Тулчинский Г. Л. Коммуникация, смысл, город: перечитывая Т. М. Дридзе // Коммуникации. Медиа. Дизайн, 2020. Т. 5, №3. С.103-111.

Тулчинский Г. Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. СПб: СПб ГУ, 2013. 280 с.

Anholt, S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. New York: Palgrave Macmillan, 2003. 134 p.

Dinnie, K. City Branding: Theory and Cases. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 269 p.

Kavaratzis, M. From “necessary evil” to necessity: stakeholders' involvement in place branding // Journal of Place Management and Development. 2012. Vol. 5, № 1. P. 7-19.

Kavaratzis, M. Kalandides A. Rethinking the place brand: The interactional formation of place brands and the role of participatory place branding // Environment and Planning. 2015. № 47. P. 1368-1382.

Zolyan S. On pragma-semantics of expressives. Between words and actions. //Studies at the Grammar-Discourse Interface /ed. by A.Haselow, S.Hancil. Amsterdam: J.Benjamins Publ., 2021. P.245-271.

References

Vizgalov, D. V. (2011), *Brending goroda* [City branding], Institut ekonomiki goroda, Moscow, Russia. (In Russian)

Dinnie, K. (ed) (2013), *Brending territorij. Luchshie mirovye praktiki* [Territory branding. The best world practices], Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, Russia. (In Russian)

Dridze, T. M. (ed.) (1994), *Proгнозное social'noe proektirovanie: Teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie problem* [Prognostic projecting: Theoretical, Methodological and

Methodical Problems], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)

Dridze, T. M., (1984), *Tekstovaja dejatel'nost' v structure social'noj kommunikatsii. Problemy semiosociopsikhologii* [Text activity in the structure of social communication. Problems of semiosocial psychology], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)

Dridze, T. M., Akimkin, E. M. and others, (2005), *Social'no obosnovannoe gradoustrojsvo v rzhime prognoznogo proektirovaniya: ot social'noj diagnostiki k profikaktike konfliktnykh situatsij i konstruktivnomu dialogu zainteresovannykh storon* [Socially justified urban planning in the mode of prognostic projecting: from social diagnostics to the prevention of conflict situations and a constructive dialogue of stakeholders], IMU, Moscow, Russia. (In Russian)

Zolyan, S. T., Tulchinskii, G. L., (ed.) (2022), *Mezhdumiroj I jazykom: tekst I jazyk v kommunikativnom kontekste* [Between the world and language: text and meaning in a communicative context. Collective monograph], BFU, Kaliningrad, Russia. (In Russian)

Kazakova, K. A., Gorunovich, A. I. (2018), “The use of visual means of communication in promoting the territory brand on the example of the Komi Republic”, *Znak. Problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign. Problem field of mediaeducation], 1 (27), 158-170. (In Russian)

Leyman, I. I. (2018), “Opportunities and directions for the formation of a territory brand (on the example of the Komi Republic)”, *Sovremennye problemy servisa i turizma* [Modern problems of service and tourism], 12(4), 106-108. (In Russian)

Tulchinskii, G. L. (2020), “Communication, meaning, city: rereading Dridze”, *Kommunikatsii. Media. Dizajn* [Communications. Media. Design], 5(3), 103-111. (In Russian)

Tulchinskii, G. L. (2013), *Total Branding: Mifodizajn postinformatsionnogo obshchestva. Brendy i ikh rol' v soivremennom buznese i kul'ture* [Total Branding: mythodesign of the post-information society. Brands and their role in modern business and culture], SPbGU, St.Petersburg, Russia. (In Russian)

Anholt, S. (2003), *Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions*, Palgrave Macmillan, New York, USA.

Dinnie, K. (2013), *City Branding: Theory and Cases*, Palgrave Macmillan, New York, USA.

Kavaratzis, M. (2012), “From “necessary evil” to necessity: stakeholders' involvement in

place branding”, *Journal of Place Management and Development*, 5(1), 7-19.

Kavaratzis, M. Kalandides, A. (2015), “Re-thinking the place brand: The interactional formation of place brands and the role of participatory place branding”, *Environment and Planning*, 47, 1368-1382.

Zolyan, S. (2021), “On pragma-semantics of expressives. Between words and actions”, *Studies at the Grammar-Discourse Interface* /ed. by A. Haselow, S. Hancil, J. Benjamins Publ., Amsterdam, 245-271.

*Статья поступила в редакцию 10 января 2023 г.
Поступила после доработки 01 марта 2023 г.
Принята к печати 15 марта 2023 г.
Received 10 January 2023. Revised 01 March 2023. Accepted 15 March 2023.*

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Тульчинский Григорий Львович, доктор философских наук профессор, научный сотрудник БФУ им. И. Канта, профессор НИУ «Высшая школа экономики»-Санкт-Петербург, Россия.

Grigorii L. Tulchinskii, Doctor of Philosophy, professor, researcher at Immanuel Kant Baltic Federal University; Professor at National Research University “Higher School of Economics”, St. Petersburg, Russia.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Research article

УДК. 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-4

Mahmudul
Hasan Laskar
Ankita Sharma

**Inequality in objective quality of life between affluent city
dwellers and slum dwellers in India: a case study
in Guwahati city**

University of Science and Technology, Meghalaya, India
hasanlaskaramu@gmail.com
ankitasharma7564@gmail.com

Abstract. The quality of life of people in any society determines social well-being. Objective quality of life is often regarded as a determinant of subjective quality of life. Subjective quality of life largely depends on material conditions other subjective factors too play an important role. Urban India is economically and technologically advanced but the constant growth of slum areas indicates an uneven impact of development on the living condition of people. The present study has divided the urban population into affluent city dwellers and slum dwellers. It has been found that quality of life in slums is very deplorable. The study sets the objectives to assess the inequality in the quality of life among affluent city dwellers and slum dwellers. The study has applied qualitative methods of data collection from the field. Data has been collected from Guwahati city of Assam.

Keywords: Quality of life; Social Well-being; Slum; City; Inequality in living standard

Information for citation: Laskar, M. H., Sharma, A. (2023), "Inequality in objective quality of life between affluent city dwellers and slum dwellers in India: a case study in Guwahati city", *Research Result. Sociology and management*, 9 (1), С. 33-44. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-4

Исследовательская статья

Махмудул
Хасан Ласкар
Анкита Шарма

**Неравенство в объективном качестве жизни между
богатыми городскими жителями и обитателями трущоб
в Индии: исследование кейс-стади в городе Гувахати**

Университет науки и техники, Мегхалая, Индия
hasanlaskaramu@gmail.com
ankitasharma7564@gmail.com

Аннотация. Качество жизни людей в любом обществе определяет социальное благополучие. Объективное качество жизни часто рассматривается как фактор, определяющий субъективное качество жизни. Субъективное качество жизни во

многое зависит от материальных условий, другие субъективные факторы также играют важную роль. В части городов Индия является экономически и технологически развитой страной, но постоянный рост трущоб указывает на неравномерное воздействие городского развития на условия жизни людей. В настоящем исследовании городское население было разделено на обеспеченных городских жителей и обитателей трущоб. Было установлено, что качество жизни в трущобах очень плачевное. Целью исследования является оценка неравенства в качестве жизни между богатыми городскими жителями и обитателями трущоб. В исследовании были применены качественные методы сбора данных на местах. Данные были собраны из города Гувахати, штат Ассам.

Ключевые слова: качество жизни; социальное благополучие; трущобы, город, неравенство в уровне жизни

Информация для цитирования: Ласкар М. Х., Шарма А. Неравенство в объективном качестве жизни между богатыми городскими жителями и обитателями трущоб в Индии: исследование кейс-стади в городе Гувахати // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 1, 33-44. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-4

Introduction. Quality of life is an expansive complex idea that generally incorporates subjective and objective assessments of both positive and pessimistic parts of life. Social well-being has two different dimensions: objective social well-being and subjective social well-being that focuses on quality of life and living standard among people of different nations and societies. The objective social well-being includes material resources such as income, food, and housing as well as other quality of life factors such as education, health, political rights, freedom, social integration. Subjective social well-being places a strong emphasis on people's own assessments of their lives, particularly their level of life satisfaction. Quality of life of the people includes both material conditions as well as happiness. The term 'quality of life' is frequently used in the context of work to describe having the time and resources to pursue what a person enjoys. Poor quality of life results from a job that pays well but necessitates so many working hours that the employee is unable to enjoy any of the income. Another factor affecting the quality of life is when a job gives the employee time to enjoy life but prevents them from doing so because they are too exhausted, hurt, stressed out, or in some other way unable to appreciate their pay. In this situation, a trade-off must be made between improving future quality of life and

compromising present quality. There are two kinds of quality of life study: individual quality of life and quality of life of collectivities such as class, community, gender and society as a whole. Quality of life in urban India is not equally maintained due to unequal material opportunities and capability of different sections of people. Ruut Veenhoven's (2000, 2012) and Amartya Sen's (1993) theoretical framework suggests that livability and life-ability (Veenhoven, 2000) and capability (Sen, 1993) are essential pre-conditions of quality of life in any society. So the assessment of quality of life in urban India needs to apply these theoretical frameworks. Capability and ability to use the available resources is determining condition of the quality of life. Livability of a place in term of its environment and material condition has the utmost importance in maintaining quality of life that also determines one's life-ability.

The study sets the objectives to assess the inequality in the quality of life among affluent city dwellers and slum dwellers.

Methodology: The study involves empirical evaluation of slums and affluent places in Guwahati city of Assam, India. Qualitative data has been collected from a selected sample of households. A sample of 60 households has been taken for structured interviews. 30 from slums and 30 from affluent areas were taken.

Methodology and methods. Quality of life has been a subject of assessment and evaluation in the disciplines of Psychology, Economics, Sociology, Health and Management. There is a different focus on quality of life by various disciplines. Two most prominent approaches like, social indicators (Mitchell, 1933; Bauer, 1966; Cohen and Olson, 1969) and Human Development (Haq, 2003; Sen, 2000) are developed for assessing national well-being or social well-being. These approaches of assessing social well-being in a nation emphasize on the quality of life of the humans and social health of the nation. Ruut Veenhoven (2000) theorized quality of life in more sociological and psychological term. Object of evaluation in 'quality of life' is 'life' that is life of an individual or quality of life of

an individual. Quality of life of collectivises like women, class and even entire humanity can also be measured. The term 'quality of life' does not just refer to human life rather refers to the life of all creatures (Veenhoven, 2000: 2). There are two dimensions of quality of life: 'chances and outcome' and 'outer and inner qualities'. 'Chances and outcomes' is the distinction between opportunities for a good life and the good life itself. It is also called the difference between potentiality and actuality. Chances (opportunities) and outcomes (results) may be related but not the same. One may be failed in realizing chances (opportunities), whereas, someone may achieve a lot in spite of poor opportunities. Outer and inner qualities are concerned with qualities of the environment and the individual's own self.

Table 1

Framework of Quality of life

	Outer qualities	Inner qualities
Life chances	Livability of environment	Life-ability of the person
Life results	Utility of life	Appreciation of life

Source: Veenhoven, 2000.

The present study mainly focused on life chances (opportunities): livability and life-ability of urban India. Livability here includes environment, economic opportunity, educational and health facilities. In terms of livability, city and towns are divided within them between advanced livable zones and poor livable zones. These are termed in this study as affluent areas and slums. Life-ability of the person in this study focuses on how affluent city dwellers and slum dwellers lead their life.

Amartya Sen's capability approach is suitable to examine the issue of inequality in quality of life in India. The notion of equality, which is one of the determining conditions of social well-being has many connotations in economic theoretical perspectives like utilitarianism of Jeremy Bentham (2000), Rawlsian (1999) primary goods and Sen's (1979) capability equality. Sen (1979) argued that concepts of 'utilitarianism' and 'primary goods' are ignorant of most essential notion "basic capabilities". "Basic capabilities" means that a person is able to do certain basic things: ability to

move, ability to meet one's nutritional requirements, ability to be clothed and sheltered, the power to participate in the social life of the community. Sen (1979) interpreted 'needs' as basic capabilities and emphasized on "basic capability equality" in society. He further said that the concept of 'need' is not inclusive as it's coverage through the information on primary goods and utility is not adequate (Sen, 1979: 217-219). The capability approach is freedom based, which see individual's advantage in term of his capability to do things he or she has reason to value. An Individual's advantage is lower if he has less capability to achieve things that he has reason to value. The capability approach focuses on the freedom that a person actually has to do things or he values doing or being (Sen, 2009: 231-232). The capability approach evaluates the advantage of a person in terms of his or her actual ability to achieve various valuable functionings as part of living. Functioning refers to a certain condition of a person and the various things he or she does in leading a life. The capability approach

contents that living is a combination of various doings and maintaining quality of life that can be assessed in terms of the capability to achieve valuable functionings. Elementary functionings are being adequately nourished, being in good health, etc., and complex functionings are achieving self-respect or being socially integrated (Sen, 1993: 30-31). Evaluative exercise by capability approach is carried out by distinguishing two kinds of questions: What are the objects of value? (2) How valuable are the respective objects? The capability approach focuses on the identification of objects of value and considers evaluative space in terms of functionings and capabilities to function. It is different from utilitarian analysis which uses individual utilities such as pleasures, happiness, or desire fulfilment as evaluative space (Sen, 1993: p-32).

Research Results and Discussion.

Quality of life inequality in Urban India. A developing society like India has progressed remarkably in its economy, but the overall quality of life is still poor. Particularly, India's objective quality of life is deplorable. Livability and life-ability in India are not up to the mark, so people's overall life satisfaction has gone down, though not worse. People are looking to fulfilling the 'conditions' of the best possible life. India needs to improve its 'livability' and 'life-ability' in a manner that people's capability and opportunity can be equivalent. Objective quality of life that is 'livability' and 'life-ability' of a society determines people's subjective life satisfaction or happiness. But capability inequality prevails in India which put an obstacle to attaining overall quality of life.

India's modern development process has been instituted through industrialization, commercialization of agriculture, mining and the conservation of forests. Modern economic development started by the colonial policy was a shift from subsistence economy to the capitalist economy. Agrarian land ownership systems such as Zamindari, Mahalwari and Ryotwari marked the beginning of the commercialization of agricultural production. This modern development brought considerable transformation in the economy. But there was also rise

in the problems such as socio-economic disparities between rich-poor, depeasantisation and alienation of peasants and displacement of labourers. India's industrial development in the post-independent era remarkably modernized infrastructure facilities, manufacturing establishments and agriculture. Land reform and green revolution marked the positive shift in the poverty alleviation and reducing unemployment. So, India during the 1960s and 70s, got transformative shift in power and energy, agricultural production, irrigation, transport communication and manufacturing industries. India's development process got momentum shift in 1991 because of Liberalization, Privatization and Globalization (LPG) policy that remarkably transformed the investment policy, production pattern and market condition. Beginning of 2000 was another landmark for India's development, as the service sector revolution brought by Web 2.0 (advanced WWW) and digitalization brought by internet revolution. Digitalization gained much height in the development of services.

In order to understand the quality of life inequality in urban India, exploring the condition of slums is necessary. Slum manifest the extreme form of urban poverty and poor quality of life. Slums are characterized by extreme level of over-crowding, poor sanitation, unhealthy and dehumanizing living conditions. Slum dwellers lack access to basic facilities of life such as proper housing, safe drinking water, sanitation, drainage, solid waste management, internal and connecting roads, street lighting, education and healthcare. Most of these slums are located in environmentally fragile and critical zones like flood, disaster and land slide prone areas, which makes dwellers vulnerable (Slums in India A Statistical Compendium, 2011). In India, slum population is 49% of the total urban population (World Bank). According to global slum population data in 2001, most of the slum dwellers in South Asia are residents of India. It was around 63% (170 million) that accounted for 17% of the total slum population of the world (World Bank, 2008: 7). In the states of Andhra Pradesh, Chhattisgarh, Madhya Pradesh, Odisha, West

Bengal, Maharashtra, more than 1 in 5 urban households lives in slum. Maharashtra has the

highest number of slum blocks: 21,000, out of total 1 lakh slum blocks in India (Shrinivasan, 2013).

Table 2

Proportion of Slum Households in Metro Cities

City	Proportion of slum households (%)
Greater Mumbai	41.3
Kolkata	29.6
Chennai	28.5
Delhi	14.6
Bengaluru	8.5

Source: Census, 2011.

Mumbai has the highest numbers of slum households. Recent data from Delhi Urban Shelter Improvement Board (DUSIB) shows that there are 675 slums in Delhi. Slum Redevelopment Authority (SRA), Mumbai,

Government of Maharashtra reported that Mumbai has a total of 2,400 slums. According to the Economic Survey of Delhi (2020-21), the National Capital Territory of Delhi covers an area of 1,483 square kilometres¹.

Table 3

Urban Poverty in various regions of the World

Region	Number of urban poor (in millions) "\$1/day"	Number of urban poor (in millions) "\$2/day"	Urban Share of the Poor \$1.08/day	Urban Share of the Poor \$2.15/day	Urban Share of the population
East Asia and Pacific	16	126	6.7	15.1	38.8
China	4	53	2.2	9.5	37.7
Eastern Europe and Central Asia	2	32	33.4	49.9	63.5
Latin America and Caribbean	38	111	59.0	65.6	76.2
Middle East and North Africa	1	20	19.9	29.3	55.8
South Asia	135	297	24.9	25.2	27.8
India	116	236	26.0	26.0	28.1
Sub-Saharan Africa	99	168	30.2	31.1	35.2
Total	291	752	24.6	26.4	42.3

Source: World Bank Report, 2008.

South Asia has the highest number of urban poor population in the world: 135 million \$1/day and 296 million \$2/day, 2002. World's five megacities are there in South Asia, where a major concentration of urban poor is found. The cities of Mumbai, Delhi, Calcutta, Dhaka and Karachi have 18.8 million, 16 million, 14.5

million, 13 million, and 12.2 million urban poor respectively. These cities have large number of slums, which has become a major challenge of city management and dealing with urban poverty. India alone shares 17% of the total slum dwellers of the world (World Bank, 2008).

¹ The Economic Times. Slums in Mumbai and 675 in Delhi: Government in Lok Sabha. URL: [https://economictimes.indiatimes.com/news/india/2400-slums-in-](https://economictimes.indiatimes.com/news/india/2400-slums-in-mumbai-and-675-in-delhi-government-in-lok-sabha/articleshow/96432644.cms)

[mumbai-and-675-in-delhi-government-in-lok-sabha/articleshow/96432644.cms](https://economictimes.indiatimes.com/news/india/2400-slums-in-mumbai-and-675-in-delhi-government-in-lok-sabha/articleshow/96432644.cms) (accessed 22 December 2022).

In urban India, particularly in large cities, we see a clear difference in the living standard of people in terms of income, housing, car, education, health, and so on. All the cities today have large numbers of apartments, sophisticated residential areas, corporate offices, advanced hospitals, modern schools and educational institutions but the question is whether all have equal access or all have equal capability in access. Within these cities, the slum is an area where, houses, hospitals, toilets, drain, educational institutions etc. are in a very deplorable state.

As per the urban slum report: Mumbai, condition of sanitation is very pathetic as 73% of slums depend on community toilets, whereas, 28% slums have open defecation, 0.7% of slums have toilets on payment and individual toilets are there only in 1% slums. Slum dwellers need to be in cue to use toilets and the privacy of women is compromised. Toilets are very poorly managed, so it leads to an unhygienic environment. Women and small

children often face difficulty in using such poor toilets. There is also the issue of drainage, garbage collection and waste management in slums. Drainage is there but most of these are blocked and inadequate garbage bins make the slum more deplorable. Most of the slum areas have dumping zone of urban waste, so dwellers are living with such pollution and unhealthy environment (Risbud, 2003, p-7). Educational attainment is very poor in slum though children attend nearby Municipal Corporation School. Older generations over the age of 50 have no formal education. Post school education can only be afforded by financially sound slum dwellers. Health condition of slum dwellers is another major concern, as there are cases of frequent diseases like malaria, dysentery, cholera, jaundice and typhoid. These are mainly because of the poor environmental condition of slums (Risbud, 2003, p-8).

The present study developed the conceptual framework of evaluating quality of life inequality in Indian context.

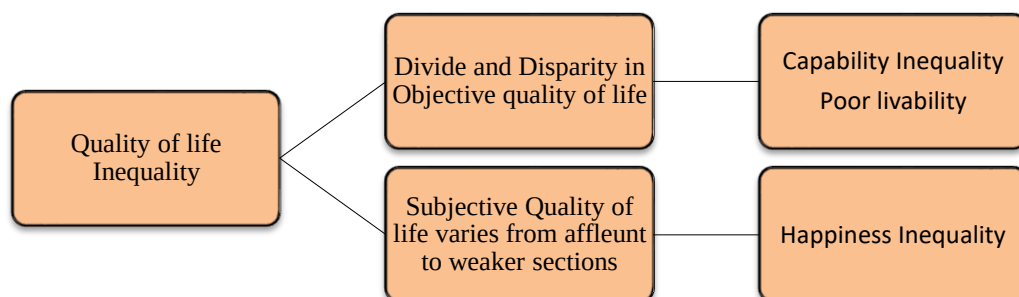

Fig. 1. Quality of life inequality in Urban India (Source: Field Study in Guwahati)

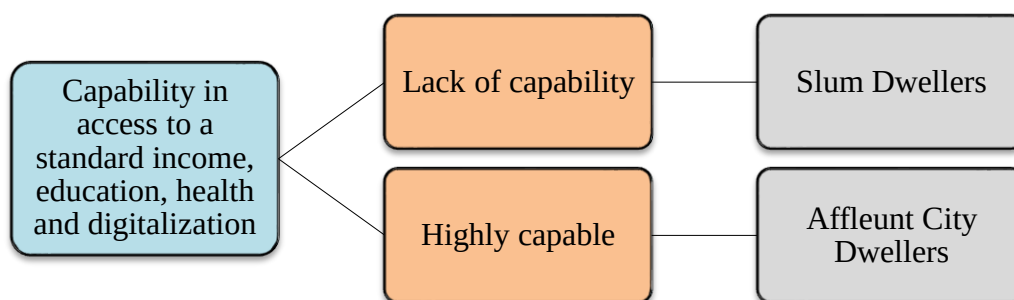

Fig. 2. Capability Inequality in Urban India (Source: Field Study in Guwahati)

Inequality in Quality of life has two dimensions: divide and disparity in material conditions and inequality in subjective quality of life. This inequality in quality of life is the ultimate result of capability inequality and poor livability in the case of material condition and happiness inequality in the case of subjective quality of life.

Evaluation of Capability and Quality of life in Guwahati City

Income Indicator. Those who live in slums typically lack literacy. They are thus involved in low-level economic activity. They make less money than other people. Due to lower income levels, individuals typically don't have access to nutritious meals. Children in slums suffer from malnutrition. People's development is greatly influenced by their

income. No one is able to live a healthy life without a sufficient income. Good health, quality educational opportunities, and the living standards of slum inhabitants must be improved. Slum dwellers have made a substantial contribution to the economy of any city by offering labour at a reasonable price for both formal and informal sectors of the economy. We can cripple the slum residents' ability to work by implementing skills development programs. Health and income are correlated because good income ensures spending for effective health benefits (Table 4).

The data shows that the majority of the slum respondents earn between 3000-5000 per month and not more than 10000. Most of the affluent section earns more than 100000 (Table 5).

Table 4

Income level of people from Affluent places and slums

Places of living	Income			
	3000-5000	5000-10000	50000-100000	Above 100000
Slums	19	11	--	--
Affluent	--	--	12	18

Source: Field study in Guwahati, Assam.

Table 5

Occupation of Slum and City Dwellers

Places of living	Occupation					
	Daily wage labour	Monthly wage labour	Doctor	Professors/ Teachers	Officers (state/central/ Defence)	Business
Slums	23	7	--	--	--	--
Affluent	--	--	3	8	10	9

Source: Field study in Guwahati, Assam

The data shows that slum dwellers are daily and monthly wage labourer, and affluent city dwellers are doing highly rewarded professional jobs. Occupation and job is closely linked to educational attainment. So professional jobs among affluent city dwellers indicate higher educational attainment. But due to poor educational attainment, slum dwellers are mostly involved in daily wage labour in formal and informal sectors (Table 6).

The data shows that slum dwellers have 100-500 rupees expenditure per day and majority among affluent section have above 1500 rupees expenditure per day. Expenditure determines one's capacity to bear the expenses (Fig. 3).

Life satisfaction level among slum dwellers is lower than affluent city dwellers. Economic condition determines overall life satisfaction.

Table 6

Expenditure of Slum and City Dwellers				
Places of living	Daily Expenditure			
	100-500	500-1000	1000-1500	Above 1500
Slums	30	--	--	--
Affluent	--	3	9	18

Source: Field study in Guwahati, Assam

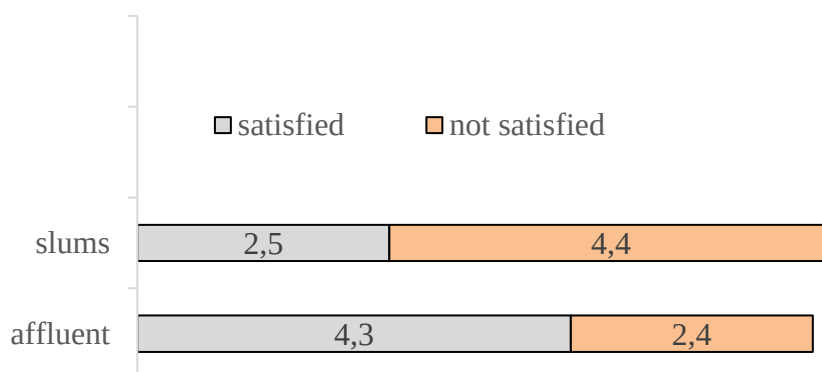

Fig. 3. Economic Condition and life satisfaction (0-10) (Source: Field study in Guwahati, Assam)

Education Indicator. We can better comprehend societal disparity and inequality in the quality of life by examining the educational attainment of affluent and weaker sections. The issue of income inequality in the urban area is not new but the capability to earn among weaker sections is a matter of concern. People can become economically stable through a strong, accessible education system, which enables them to actively participate in economic growth. In reality, a country's success depends

to a considerable extent on its capacity to develop the skills and abilities of its constantly expanding population, particularly when that population primarily consists of youths (Table 7).

The data shows that most of the slum dwellers are illiterate. Those who have studied, attained till class VIII only. Whereas most affluent people have done their masters and some of them have completed their doctorate degrees as well (Table 8).

Table 7

Educational Attainment of Slum and City Dwellers						
Places of living	Highest level of education					
	Illiterate	Class V-VIII	Class VIII-XII	Bachelors	Masters	Ph.d
Slums	21	9	--	--	--	--
Affluent	--	--	--	9	18	3

Source: Field study in Guwahati, Assam.

Table 8

Type of School from which children of Slum and Affluent Areas are imparting education

Places of living	Type of Schools	
	Government	Private
Slums	9	--
Affluent	18	12

Source: Field study in Guwahati, Assam.

Most of the respondents from both slums and affluent areas have studied in government schools. According to the respondents from the affluent section, they have utilized their educational skills in a rational way. But slum dwellers have not been able to utilize their educational skill. Respondents from both the section agreed upon supporting their next generation to attain higher education but the unavailability of resources in the slum area is a major concern. The condition of the schools is the main issue in slums. These schools have too many students but there is an absence of requisite infrastructure. As a result, children struggle to attend and get a proper learning scope. Also, a lot of teachers in the slums lack the necessary training and credentials. As a result, they are unable to give their kids a quality education.

Health Indicator. For a variety of reasons, the health of the slum population is very important. Slums won't disappear anytime soon. Slum conditions will progressively impact national and urban health metrics. Slum dwellers frequently reside in an unclean and unsanitary environment. In states of India,

particularly in the slum areas (where we conducted our research), recurrent floods cause calamity because houses are submerged in flood-water, which spreads a variety of contagious diseases. The poor's migration from the countryside to cities also increases the population of urban slums, which leads to scarcity in access to basic public services like power, education, and drinkable water. So, the living conditions and public health of slum dwellers are worst. Poor housing conditions have an adverse effect on mental health and stress levels. Crowding, pollution, noise, poor lighting, restricted access to green spaces, and other slum-related environmental problems can increase mental health conditions, such as depression, anxiety, violence, and other social dysfunctions (Table 9).

The data shows that slum dwellers cannot bear their health expenses and seek help from nearby government hospitals. But still, they are not getting enough attention from the government hospitals, and their treatment gets delayed every time 9 (Table 10).

Table 9

Capability of spending for health facilities

	Capable for medical expenses	
	Yes	No
Slums	--	30
Affluent	30	--

Source: Field study in Guwahati, Assam.

Work-related stress and anxiety among Slum and City Dwellers

Places of living	Workload and pressure	
	Yes	No
Slums	13	17
Affluent	27	3

Source: Field study in Guwahati, Assam.

The work-related stress and anxiety are higher among affluent people. It may be because of the extreme level of work pressure at workplace, lack of family bonds and inability of spending personal time. Slum dwellers face less work-related stress and anxiety rather they

feel physical pressure and exhaustion while performing risky jobs (Table 11).

Consumption of alcohol is higher in the affluent section. According to them, they consume it mostly on weekends to celebrate the break from a hectic schedule and also to release stress (Fig. 4).

Table 11

Consumption of Alcohol and tobacco

Places of living	Use of Alcohol/ Tobacco	
	Yes	No
Slums	11	19
Affluent	22	8

Source: Field study in Guwahati, Assam.

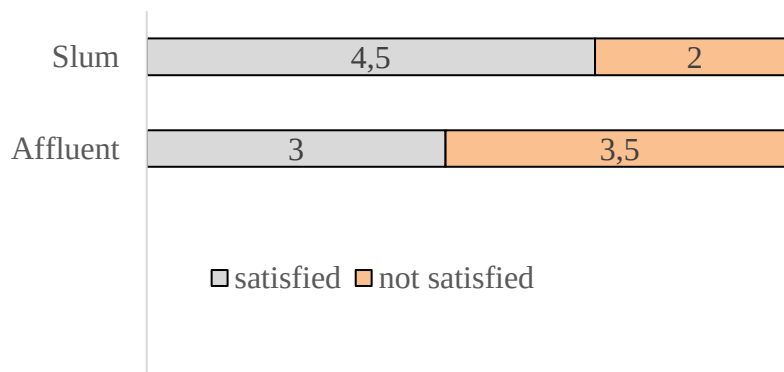

Fig. 4. Health Satisfaction level among Slum and City Dwellers over the past one month
(Source: Field study in Guwahati, Assam)

Digital Access Indicator. More direct technological influence is being felt in everyday life. Smartphones have taken on the role of the city's keys by providing millions of people with rapid access to information on transit, traffic, health services, safety alerts, and local news. To make better decisions and enhance

the quality of life, smart cities use data and digital technologies. Agencies are now able to follow events as they develop, comprehend how demand patterns are evolving and changing in contemporary times, and respond immediately with an affordable solution.

Table 12

Access to Digital Devices

Places of living	Use of electronic devices	
	Yes	No
Slums	20	10
Affluent	30	--

Source: Field study in Guwahati, Assam.

The data shows that most of the respondents from both slums and affluent sections use electronic devices and mainly mobile phones. The use of laptops, computers, tablets, etc is

seen only in affluent sections (Table 13).

Most of the respondents of the affluent section are in social media and they use other platforms such as Google, Email etc (Table 14).

Table 13

Use of social media

Places of living	Use of social media	
	Yes	No
Slums	12	18
Affluent	24	6

Source: Field study in Guwahati, Assam.

Table 14

Access to e-learning platform and resources

Places of living	Use of e-learning platforms	
	Yes	No
Slums	--	30
Affluent	22	8

Source: Field study in Guwahati, Assam

None of the respondents from the slum area use e-learning platforms. However, most of the respondents from the affluent section use e-learning platforms such as Unacademy, Byjus etc.

Still, there are people who can't access the internet as they don't have smartphones, laptops, gadgets, and other mandatory devices. Therefore, a digital divide is explicitly emerging in India, which might result in massive gaps in access to the internet in the age of a network society. The huge cost of access to and the use of new technology will set the stage for a digital divide i.e., digital discrimination. Digital illiteracy is also on the constant rise in India.

Conclusion. Urbanization in India no doubt has transformed the development pattern but it led to the emergence of socio-economic disparity in urban India. Slum in urban India is a major concern because of their poor quality of life. On the other side, smart cities and metro cities are making remarkable progress in economic development. Large-scale rural-urban migration created the problem of overcrowding and housing because poor migrants cannot afford the costly houses and apartments. As a result, certain areas of poor living conditions have come up in each Indian city, which is termed as slum. We have found a clear distinction between affluent areas of the city and slums in terms of quality of life. So, it's not simply inequality of income but rather inequality in the quality of life. The present study mainly focused on the objective quality of life and it can be concluded that material condition is a major determinant of subjective quality of life or happiness.

Reference

- Bentham, J. (2000), *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*, Batoche Books.
- Baker, J. L. (2008), *Urban Poverty: A Global View*, The World Bank.
- Rawls, J. (1999), *A Theory of Justice*, Harvard university press.
- Risbud, N. (2003), *The case of Mumbai, India*, School of Planning and Architecture, New Delhi.
- Sen, A. (22nd May 1979), *Equality of What?* (Lecture), The Tanner Lecture On Human Values, Stanford University.
- Sen, A. (1993), *Capability and Well-Being*. In Nussbaum. Martha and Sen. Amartya (Ed.), *The Quality of Life*, 30-53.
- Sen, A. (2009), *The Idea of Justice*, The Belknap Press of Harvard University Press.
- OECD (2011), *Compendium of OECD Well-Being Indicators*. OECD Publishing.
- OECD (2019), *Society at a Glance 2019: OECD Social Indicators*. OECD Publishing [Online], available at: https://doi.org/10.1787/soc_glance-2019-en (Accessed 22 December 2022).
- Shrinivasan, R. (2013), *17% of urban India lives in slums: Census*. Mar 22, 2013, [Online], available at: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/17-of-urban-india-lives-in-slums-census/articleshow/19118219.cms> (Accessed 22 December 2022).
- Veenhoven, R. (2008), *Sociological Theories Of Subjective Well-Being*. In Michael Eid & Randy Larsen (Eds), *The Science of Subjective Well-being: A tribute to Ed Diener*, Guilford Publications.

Received 15 February 2023. Revised 05 March 2023. Accepted 12 March 2023.

Статья поступила в редакцию 15 февраля 2023 г. Поступила после доработки 05 марта 2023 г. Принята к печати 12 марта 2023 г.

Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare. Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Mahmudul Hasan Laskar, Ph.D, Assistant Professor, Department of Sociology, University of Science and Technology, Meghalaya, India.
Махмудул Хасан Ласкар, Ph.D, доцент кафедры

социологии Университета науки и техники, Мегхалая, Индия.

Ankita Sharma, MA Sociology, Department of Sociology, University of Science and Technology, Meghalaya, India.

Анкита Шарма, магистр социологии, факультет социологии, Университет науки и технологии, Мегхалая, Индия.

УДК 330.342.24

DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-5

Заборова Е. Н.

Последствия реализации теории и практики
«Умный город»: к постановке проблемы

Уральский государственный экономический университет,
улица 8 Марта/Народной Воли, 62/45, Екатеринбург, 620144, Россия
ezaborova@yandex.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена тремя обстоятельствами: продолжающимся процессом урбанизации, развитием нового витка научно-технического прогресса, курсом нашего государства на внедрение в практику программ цифрового общества. Все эти фундаментальные процессы отражаются в концепции, получившей название «умный город». Процессы, происходящие под влиянием информационной революции, оцениваются как синергетические или самоорганизующиеся, нарастает масштаб виртуальной реальности, идет процесс изменения физической, психической и интеллектуальной природы человека. Методологической основой статьи выступают работы отечественных и зарубежных авторов, концепты «умный город», «цифровая революция». Последствия цифровой революции затронут все сферы города и город в целом как социальный феномен. Концепция умного города проявится в сфере городского управления (требуется отказ от традиционных форм и методов менеджмента), в экономике появляются новые институты (платформенные компании, представляющие собой сетевые бизнес-модели), изменяются функции города (нивелирование определяющего значения пространственной закреплённости), резко возрастает роль человека в функционировании и развитии города. При всей вариативности событий ясно, что теория и практика умного города должна привести к появлению новой парадигмы – новым образцам мышления, стереотипам, позволяющим стремиться к устойчивости развития систем. Новые процессы потребуют адаптации всех городских социальных групп, прежде всего – городских управленцев. Потребуется модификация практики социализации человека с учетом внедрения новых информационных технологий.

Ключевые слова: город; цифровая революция; умный город; тенденции развития

Информация для цитирования: Заборова Е. Н. Последствия реализации теории и практики «Умный город»: к постановке проблемы // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 1. С. 45-55. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-5

Elena N. Zaborova

Consequences of the implementation of the theory and practice of “Smart City”: to the statement of the problem

Ural State University of Economics,
bld. 62/45, 8 Marta/Narodnaya Volya St., Yekaterinburg, 620144, Russia
ezaborova@yandex.ru

Abstract. The relevance of the article is due to three circumstances: the ongoing process of urbanization, the development of a new round of scientific and technological progress, the course of our state to put into practice the programs of the digital society. All these fundamental processes are reflected in the concept called smart city. The processes taking place under the influence of the information revolution are evaluated as synergetic or self-organizing, the scale of virtual reality is increasing, the process of changing the physical, mental and intellectual nature of a person is underway. The methodological basis of the article is the work of domestic and foreign authors, the concepts of smart city, digital revolution. The consequences of the digital revolution will affect all areas of the city and the city as a whole as a social phenomenon. The concept of a smart city will manifest itself in the field of urban management (it requires the rejection of traditional forms and methods of management), new institutions appear in the economy (platform companies representing network business models), the functions of the city are changing (leveling the determining value of spatial anchoring),

Keywords: city; digital revolution; smart city; development trends

Information for citation: Zaborova, E. N. (2023), “Consequences of the implementation of the theory and practice of “Smart City”: to the statement of the problem”, *Research Result. Sociology and management*, 9 (1), 45-55. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-5

Введение (Introduction). Идея под названием «умный город» имела своими предпосылками архитектурные проекты, реализованные в 70-е годы в городах Запада (архитекторы Род Хакни, Кристофер Дэй) (Глазычев, 2011: 373). Новый виток развития идеи наблюдается с конца 1990-х годов как отражение двух процессов – урбанизации и цифровой революции.

Урбанизация (процесс увеличения численности городского населения и распространения городского образа жизни на другие типы поселений) в наши дни активно разворачивается на планете (Галич, 2000) и изучается как советскими, так и зарубежными учеными (Bertinelli, 2004; Davis, 2011; Haughton, 1997; Yang, 2013). Сегодня, согласно данным Программы Организации Объединенных Наций Хабитат, уже 55% жителей Земли проживает в

городах, урбанизационные процессы захватывают все больше стран. Одновременно мы являемся свидетелями развития нового витка научно-технического прогресса. В нашу информационно-цифровую эпоху он проявляет себя как информационно-цифровая революция (Кастельс, 2000). Ее характеризует резкий скачок роста информации, сопровождающийся кратно возросшими возможностями ее сбора, обработки, хранения благодаря появлению компьютеров и новых цифровых технологий. Информационно-цифровая революция затрагивает все сферы общества, в том числе и город как наиболее крупное социально-пространственное образование, созданное человечеством в ходе его исторического развития. В отношении общества в целом она отражается в теории гуманитарно-технологической революции (Иванов, Малинецкий,

2018), в отношении к городу воплощает себя как концепция, получившая название «умный город».

Умный город проявляет себя как в технико-технологическом изменении городской среды, так и в модификации самих горожан, их социально-биологической природы и повседневности. Эти изменения могут иметь как положительные последствия, так и несут в себе новые угрозы и проблемы, требующие тщательного научного изучения.

Методология и методы (Methodology and Methods). Идея умного города проявляет себя и как теоретическая концепция (теория) и как практика (Антюфеев, 2019; Боженков, 2012; Сергеева, 2012). Как практические мероприятия в наиболее выраженном виде она реализуется в Южной Корее (опыт города Сонго), в ОАЭ (Масдар), Португалии (План-ИТ Вэллей). Инициаторами всех этих проектов выступают частные компании, реализующие свои финансово-экономические интересы в увязке с окружающей экологической и социальной средой поселения. В России идея умного города находит отражение в частичных инновациях, реализуемых в отдельных сегментах городской жизни – на транспорте, в сфере строительства и ЖКХ, государственного и муниципального управления (проекты «Электронное правительство», «Активный горожанин» и др.) Наиболее комплексное воплощение идея нашла в создании нового города Иннополиса, расположенного в Верхнеуслонском районе Республики Татарстан в месте слияния двух рек – Волги и Свияги. Это первый российский город для ИТ-специалистов.

В теоретическом плане идея умного города также не обошла вниманием исследователей – сегодня этой проблеме посвящены работы многих ученых, проводятся конференции, пишутся диссертации (Фомин, 2021; Gibson, 1992; Giffinger, 2010; Harrison, 2010; Mitton, 2012; Washburn, 2010). В настоящее время нет общепринятого понятия «умный город», ученые

обсуждают этот термин и смежные с ним понятия. Так, как справедливо отмечает Глазычев В.Л., перевод термина «умный город» не совсем точный, ибо «smart» означает «хитроумный», «ловкий». Кроме того, если есть отдельные умные города, то также есть и «dumb city», то есть отсталый город (Глазычев, 2011: 348). В зарубежной литературе предпринимаются попытки установить различия между такими понятиями, как цифровой город, интеллектуальный город и умный город. Цифровой город означает такой город, в котором все коммуникационные процессы и технологии переведены в цифровую форму. Интеллектуальный город – это цифровой город, в котором решения принимаются при помощи искусственного интеллекта. Умный город – это интеллектуальный город, ориентированный на практическое воплощение информационных технологий в повседневную жизнь горожан и город как систему (Yin, et al, 2015). На наш взгляд, умный город – это отражение в городском пространстве очередной технической революции, которая сопровождается переходом от индустриальной к постиндустриальной стадии развития общества, проявление цифровой революции периода цифровой эпохи.

За время своего существования человечество пережило несколько научно-технических революций (Павличенко, 2021). Первая научная революция XVII-XVIII веков утвердила роль науки как ключевого метода познания, привела к ее институализации. Вторая научно-техническая революция начала XIX века превратила науку в непосредственную производительную силу, научные знания начали активно внедряться в практику, произошел переход от аграрной экономики к индустриальной, ручной труд стал замещаться трудом машины. Процессы, происходящие в современном обществе, оцениваются учеными как третья научно-техническая революция или цифровая революция. Сегодня мы находимся в преддверии Четвертой промышленной революции, предполагающей применение «Индустрии 4.0», означающей

повсеместное внедрение киберфизических систем во все сферы и все виды жизнедеятельности человека (Шваб, 2016). Она выражается в интернете вещей и больших данных, многомерной печати и печатной электронике, блокчейне и искусственном интеллекте, нейротехнологиях и биотехнологиях, генной инженерии, конвергенции информационных и телекоммуникационных технологий. На место таких драйверов экономического развития как энергетика, металлургия, машиностроение и сельское хозяйство встают IT, био- и нанотехнологии, наука и образование (Roco, Bainbridge, 2003). О стремительности внедрения концепции умного города свидетельствует тот факт, что недавно Организация Connectivity Standards Alliance (CSA) опубликовала спецификацию стандарта умного дома Matter 1.0 и открыла программу сертификации продуктов. Данный стандарт позволит объединить в системе умного дома устройства разных производителей, а потребитель перестанет думать о его настройке и подборе совместимых компонентов.

Явные информационно-технические достижения цивилизации определяют тот факт, что большинство ученых исследуют умный город в контексте таких процессов как техническая инфраструктура, системная интеграция, обработка данных и т.п. (Yin et al., 2015), пространственное структурирование городской среды (Puissant et al., 2005; Deng, 2005; Herold, 2003). Однако пристального изучения также требуют процессы влияния цифровой революции на его жителей, горожан и человека как целостного социально-биологического существа (Liu, 2014).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Четвертая технологическая революция имеет ряд отличительных качеств, которые проявляются в городской среде.

Во-первых, процессы, происходящие под влиянием революции, оцениваются как синергетические или самоорганизующиеся (автор термина – Герман Хакен), что означает появление новых качеств, свойств у

системы, возникновение новых характеристик, которыми отдельные элементы не обладают (Капица, Курдюмов, Малинецкий, 2003). Это не просто усложнение процессов, но и одновременно нелинейный характер их прохождения. Увеличивается взаимосвязь и усиливается скорость процессов что, применительно к умному городу, создает новые, более неоднозначные условия для его управления (Schwab, Malleret, 2020; Ильинович, 2021).

Во-вторых, нарастает масштаб виртуальной реальности, которая становится неотъемлемой частью нашей жизни. Виртуальность присутствовала и ранее среди видов деятельности человека. Так, например, денежный обмен можно рассматривать как виртуальный процесс, когда обмен бумажными или металлическими знаками на самом деле подразумевал обмен стоимостью товаров и услуг. Но сегодня такого рода виртуальная деятельность входит во все виды, затрагивает всю повседневную жизнедеятельность людей (Патрушев, 2011). Городское пространство оцифровывается. Изменяется пространственно-временное поведение горожанина – он все более погружается в виртуальную реальность. Более половины человечества используют интернет, работают миллионы роботов, практикуется дистанционный труд, дистанционное медицинское консультирование, удаленное участие в научных, спортивных, культурных мероприятиях. Повседневная жизнедеятельность уже не требует непосредственного пространственного присутствия, время на ее выполнение сокращается за счет перемещения. Этот процесс прямо влияет на классические функции города, его историческую роль.

Последствием цифровой революции является изменение физической, психической и интеллектуальной природы человека. Медики и психологи акцентируют внимание на таких реальных процессах как ухудшение долговременной памяти, компьютерную зависимость, цифровой (виртуальный) аутизм, информационную интоксикацию (Shaffer, 2000). Уже сегодня люди

спокойно воспринимают замену некоторых органов на искусственные (зубные импланты, сердечные клапаны и пр.). Есть вероятность, что в будущем люди также примут и возможность усиления своих умственных способностей через имплантацию соответствующих элементов в мозг. Возможно, нас ожидает превращение человека в биоробота, получеловека, напичканного различного рода чипами. При этом возрастает угроза внешнего контроля над человеком, манипуляции над его сознанием и поведением.

Высока вероятность изменения способа мышления. Уже сегодня педагоги и психологи фиксируют наличие клипового мышления у молодежи (Shestopalova, 2022). Обилие информации и невозможность ее логического объяснения приведет к когнитивной революции – замене знаково-логического мышления на пространственно-образное. При этом одни специалисты отмечают, что такой переход отнюдь не означает возврата человечества к первобытной ситуации, когда пространственно-образное мышление было более развито, чем логическое, но что «это выбор эволюции в понятии доминирования способов обработки информации в результате изменения внешних условий» (Здорова, 2022: 62). Другие же считают, что происходят нейрофизиологические и биохимические изменения головного мозга и человек постепенно теряет способность к построению сложных интеллектуальных систем, ухудшается долговременная память, атрофируются зоны мозга, ответственные за мышление (Горбачева, 2014).

Виртуализация городского пространства может привести к кризису идентичности, усилению отчужденности. Уже сегодня нарастает новый вид социального неравенства – компьютерное неравенство. Также отмечается, что очевидное следствие такого хода событий – рост материального расслоения социума и распространение зоны бедности (Гринберг, 2019). Умные вещи-помощники, облегчая труд и жизнь человека, делают его человеком ленивым,

что приводит к угрозе изменения мотивации – лишает человека потребности в развитии умственной деятельности и творческой активности (Рязанов, 2019).

Новая информационно-технологическая революция имеет и другие отличительные качественные признаки. Однако и уже названные (синергетичность процессов, виртуальность и изменение биопсихической природы человека) находят отражение в концепции «умного города» и позволяют оценить ее последствия.

В настоящее время ни у кого, ни в России, ни в мире нет понимания того, куда идет человечество и каким будет будущее (Бондаренко, 2019: 203). О последствиях реализации теории и практики умного города можно говорить лишь вероятно, отталкиваясь от экстраполяции уже выявленных трендов и на основе интуиции. Здесь всегда сохраняется элемент непредсказуемости.

С уверенностью можно сказать, что последствия затронут все сферы города и город в целом как социальный феномен (Заборова, 2021). Также ясно, что цифровая революция, наряду с положительными последствиями, имеет и колоссальные отрицательные, вплоть до угроз существования человечества (Dreyer, 2006).

Последствия умного города проявятся в сфере городского управления (Акимкин, Шилова, 2015). В настоящее время во многих городах страны разработаны стратегические планы, которые реализуются через ряд программ и проектов. Жизнь в современном мире меняется очень быстро, что приводит к поиску новых технологий городского управления. Высказывается мнение, что требуется «Отказ от традиционных форм и методов менеджмента, например, проектного управления, которое не позволяет принимать оперативные управленческие решения» (Кочетков, 2019: 332). Также необходимо изменение базовых принципов планирования: синергетический подход требует сценарного варианта стратегического планирования, когда предполагается, что может возникнуть точка

бифуркации и возможны несколько путей развития. Возрастает роль социальных акторов в управлении (Анисимов, 2013; Yacobs, 1961). В концепции умного города особый акцент делается на указание необходимости консенсуса между всеми акторами муниципального управления – населением, бизнесом, властью и их активного включения в процессы управления городом (Вяткина, 2011; Реутов, 2020; Bourdieu, 2005; Putnam, 2000).

Изменяются функции города. Как отмечает Ф.Э. Кэрнкросс в книге «Исчезновение расстояний» (Cairncross, 1997), осевой тенденцией современных процессов является нивелирование определяющего значения пространственной закреплённости деятельности, что означает отсутствие необходимости пребывания в самом городе и ликвидацию пространственного закрепления функций города.

Высказываются мнения, что изменится роль экономики – её место займет ноономика – неэкономический способ организации хозяйственной деятельности. Человек выходит из непосредственного производства, производственная деятельность будет регулироваться людьми извне, как внешняя по отношению к ним сфера. «Критериям экономической рациональности и обслуживающим их инструментам (вроде объема ВВП) суждено отойти на второй план, а то и вовсе остаться в прошлом» (Бодрунов, 2019: 4). В экономике появляются новые институты – платформенные компании, представляющие собой сетевые бизнес-модели. Эти компании отличаются от классических, так как они не инвестируют в объекты недвижимости и в штатных работников, но концентрируют усилия на сетевом взаимодействии между потребителем и производителем. В результате некоторые экономические законы перестают работать в условиях цифровизации (Орехов, Блинникова, Каранашев 2021; Кочетков, 2019).

На протяжении длительной истории человечества важнейшей функцией города была торгово-промышленная. Города

выступали центрами локализации промышленных предприятий и центрами торговли. Нарастающий тренд в сетевом взаимодействии приводит к усилению дистанционного труда и формированию фирм в виде сетевых платформ, уже не требующих локализации в пространстве города. Банковская система ранее других практически превратилась в виртуальную, все более активно перемещается в интернет-торговлю. Аналогичные процессы происходят и в других сферах жизни города (в образовании, культурно-развлекательной сфере и пр.) (Якутин, 2017).

Нельзя сказать, что у человечества полностью исчезнет необходимость в реальном взаимодействии. Наоборот, как показывает опыт пандемии COVID-19, люди, будучи существами коллективными, нуждаются в живом общении, и когда появилась возможность, они стали активно посещать массовые мероприятия. Однако заметное смещение активности горожан в сторону виртуальной деятельности нельзя не заметить. Функции города все более теряют свою пространственную закреплённость, что может означать изменение роли города как пространственно-территориального центра.

Как изменится городской человек? Сегодня ученые отмечают резкое возрастание роли человека в функционировании и развитии города. Эта черта проявляет себя двояко: с одной стороны, возрастает ответственность человека за принимаемые решения. От того, какие ориентиры выбирает человек и какие варианты он отвергает, несомненно, в дальнейшем будет зависеть не только судьба городов, но и жизни на планете. «Развитие науки и технологий привело к ситуации, в которой сознательно или неосознанно будет сделан выбор последующей траектории развития, выбор будущего. Количественные изменения у нас на глазах переходят в качественные» (Иванов, Малинецкий, 2019: 79). С другой, все большую популярность приобретает идея ориентации города на человека, его потребности и интересы (Харви, 2018).

Человечество вплотную подошло к парадигме развития «экономика для человека». В свое время СССР ставил такую задачу и пытался ее решить. Сегодня мы вновь, но уже на новом технологическом витке, возвращаемся к этой мысли. Это и реализация идеи Дж. Джекобс, отмечавшей важность создания среды, способствующей налаживанию соседских связей, и концепция 15-минутного города Дж. Морено, согласно которой целесообразно формировать такую городскую среду, в которой все основные ежедневные потребности человека могут быть удовлетворены в радиусе пешеходной или велосипедной доступности. К этой же группе относится большой пул экологических теорий и практик, увязывающих функционирование города с решением экологических проблем.

Наряду с теориями, считающими, что наша траектория – это превращение в биороботов, существуют и другие мнения. Авторы, оценивая перспективы развития человека, настаивают на том, что наш путь – это ограничение наших потребностей, прежде всего ложных (симулякров), человек должен развиваться духовно. Люди не будут производить ничего лишнего, будут сохранять ресурсы и высвободят свободное время для собственного совершенствования. «Подлинная разумность может происходить только из внутреннего самоограничения, препятствующего совершению негативных поступков и ориентирующего человека в позитивном направлении» (Бодрунов, 2019: 8). Высшая цель человека – стать совершенным в физическом, интеллектуальном и духовном плане.

В любом случае мы будем свидетелями новых качественных изменений в социокультурных ориентациях людей, и, возможно, в изменении его психики и даже биологии. Внедрение новых технологий требует от человека приобретения новых знаний и навыков, а их быстрая смена – готовности к быстрой адаптации, переключению, что, в свою очередь, требует от человека хорошего здоровья и крепкой нервной системы.

Заключение (Conclusions). Мы рассмотрели некоторые из представленных в научной литературе вариантов последствий реализации теории умного города. Остается дискуссионным вопрос о самом понятии «умный город», требует особого внимания не только технологические изменения городской среды, но и изменение самого горожанина как целостного социально-биологического организма. Потеря городом своих территориально закрепленных функций может иметь своим следствием перемещение населения в пригород. Шанс для реновации получают малые города страны. Новые процессы потребуют адаптации всех городских социальных групп, прежде всего – городских управленцев. Предполагаем, что потребуются модификация практики социализации человека с учетом внедрения новых информационных технологий. Возрастет ценность прямого взаимодействия ученика с учителем.

При всей вариативности событий ясно, что теория и практика умного города должна привести, согласно Б. Куну, к появлению новой парадигмы – новым образцам мышления, стереотипам, позволяющим стремиться к устойчивости развития систем.

Если события будут развиваться столь же интенсивно, то существует вероятность перехода от антропоцентричной к роботцентричной цивилизации. Ее последствия трудно прогнозируемы.

Список литературы

Акимкин Е. М., Шилова В. А. Проблемы управления развитием городов в региональном аспекте // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / отв. ред. В. В. Маркин. М.: Новый хронограф, 2015. С. 259-288.

Анисимов О. С. Сплочение инновационных сил «умного города» // Управление городом: теория и практика. 2013. № 1(8). С. 11-18.

Антюфеев А. В., Птичникова Г. А. Умный город, архитектура и человек // Социология города. 2019. № 2. С. 6-13.

Бодрунов С. Д. Реиндустриализация в условиях новой технологической революции:

дорога в будущее // Управленец. 2019. Т. 10, № 5. С. 2-8.

Боженев С. А. «Умный город» в стратегии развития г. Белгорода // Управление городом: теория и практика. 2012. № 1(4). С. 3-10.

Бондаренко В. М. Перспективы грядущих социально-экономических трансформаций в условиях реализации возможностей технологической революции индустрии 4.0 // Длинные волны, современная экономика и перспективы грядущих трансформаций в XXI веке / под ред. Л.Е. Гринина. М.: Учитель, 2019. С. 195-214.

Вяткина Б.М. Принципы демократизации в управлении развитием города // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2014. № 2 (7). С. 67-75.

Вздорова Л. П. Шестой технологический уклад: когнитивная революция // Символ науки: международный научный журнал. 2022. № 9-1. С. 60-62.

Галич З. Н. Урбанизация и мегаполизация как глобальный процесс // Экономические и социальные проблемы России. 2000. № 1. С. 7-21.

Глазычев В. Л. Город без границ. М.: Территория будущего. 2011. 400 с.

Горбачева А. Г. Человеческий интеллект: возможные изменения под влиянием информационных технологий и высокотехнологичных устройств // Идеи и идеалы. 2014. № 1(19). С. 135-142.

Гринберг Р. С. Технологические революции и социум: мировой тренд и российская специфика // Экономическое возрождение России. 2019. № 1 (59). С. 17-22.

Забонова Е. Н. Будущее городов в информационно-цифровую эпоху // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 2. С. 124-134.

Иванов В. В., Малинецкий Г. Г. Философские основания гуманитарно-технологической революции // Философские науки. 2019. Т. 62, № 4. С. 76-95.

Ильянович Е. Б. Наука и техника на горизонте четвертой технологической революции современной техногенной цивилизации // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 21, № 4. С. 100-110.

Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика. Общество. Культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. 3-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2003. 288 с.

Кочетков Е. П. Цифровая трансформация экономики и технологические революции: вызовы для текущей парадигмы менеджмента и антикризисного управления // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2019. № 4. С. 330-334.

Орехов В. Д., Блинникова А. В., Каранашев А. Х. Исследование генезиса инновационных продуктов и профессий будущего в условиях технологических революций // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2021. № 3. С. 143-156.

Павличенко А. В. Технологические революции и их влияние на развитие экономики // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 1, № 7. С. 465-470.

Патрушев В. И. Взаимосвязь научно-технической, информационной, социально-технологической и вернадскианской революций: социальные последствия и перспективы // Материалы Ивановских чтений. 2011. № 1 (1). С. 8-23.

Реутов Е. В. Ответственное участие в делах местного сообщества как фактор развития местного самоуправления // Управление городом: теория и практика. 2020. № 1 (35). С. 8-13.

Рязанов В. Т. Новая технологическая революция: ожидание и варианты будущей модели экономики // Экономическое возрождение России. 2019. № 4 (62). С. 43-51.

Сергеева Т. С. «Умный город» как тенденция // Управление городом: теория и практика. 2012. № 1 (4). С. 46-51.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.

Харви Д. Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 458 с.

Фомин Р. В. «Умный город» как прогрессивная форма пространственно-экономической трансформации в регионе: концепция, инструментарий, эффективность: дис. ... канд. экон. наук. Белгород, 2021. 185 с.

Якутин Ю. В. Российская экономика: стратегия цифровой трансформации (к конструктивной критике правительственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации») // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2017. № 4. С. 27-52.

Bourdieu P. The Forms of Capital // Economic Sociology. 2005. № 3. P. 60-74.

Cairncross F. The Death of Distance: How the Communication Revolution is changing our lives. Boston: Harvard Business School Press, 1997. 230 p.

Converging technologies for improving human performance: nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science / ed. by M. Roco, W. Bainbridge. Boston: Kluwer, 2003. 467 p.

Davis K. The urbanization of the human population // The city reader. 1997. № 5. Pp. 20-30.

Deng Y. S., Wang K., Hong Y., & Q, Y. G. Spatio-temporal dynamics and evolution of land use change and landscape pattern in response to rapid urbanization // Landscape and urban planning. 2009. Vol. 92. № 3-4. Pp. 187-198.

Dreyer K. Y., Hirschhorn D. S., Thrall Y. H., & PACS M. A guide to the digital revolution. New York: Springer, 2006.

Gibson D. V., Kozmetsky G., Raymond W. Smilor, eds. The technopolis phenomenon: Smart cities, fast systems, global networks, Rowman & Littlefield, 1992.

Giffinger R. and Haindlmaier G. Smart cities ranking: an effective instrument for the positioning of the cities? // ACE: architecture, city and environment. 2010. Vol. 4. № 12. Pp.7-26.

Jacobs Y. The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House, 1961. 458 p.

Haughton, G. Developing sustainable urban development models // Cities. 1997. Vol. 14. № 4. Pp. 189-195.

Harrison Colin, et al. Foundations for smarter cities // IBM Journal of research and development. 2010. Vol. 54. № 4. Pp.1-16.

Liu P., Peng Z. Chinas smart city pilots: A progress report // Computer. 2013. Vol. 47. № 10. Pp. 72-81.

Mitton N., Papavassiliou S., Puliafito A., & Trivedi K. S. Combining Cloud and sensors in a smart city environment // EURASIP journal on Wireless Communications and Networking. 2012. № 1. Pp. 1-10.

Herold M., Liu X., & Clarke K. C. Spatial metrics and image texture for mapping urban land use // Photogrammetric Engineering & Remote Sensing. 2003. Vol. 69. № 9. Pp. 991-1001.

Puissant A, Hirsch Y, Weber C. The utility of texture analysis to improve perpixel

classification for high to very high spatial resolution imagery // Int J Remote Sens. 2005. № 26. Pp.733-745.

Putnam R. D. Bowling alone: The Collapse and Revival of American Community. New York, Simon & Schuster, 2000. 541 p.

Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset. Geneva: Forum Publishing, 2020. 110 p.

Shaffer, H. Y., Hall, M. N., & Bilt, Y. V. "Computer addiction": a critical consideration // American journal of Orthopsychiatry. 2000. Vol. 70. № 2. Pp.162-168.

Shestopalova, O. P., Goncharova, T. Y. The phenomenon of "clip thinking" in the educational and cognitive activities of students of natural and physical-mathematical educational profile // In Journal of Physics: Conference Series. 2022. Vol. 2288. № 1. P.012036.

Washburn D., Sindhu U., Balaouras S., Dines R. A., Hayes N. & Nelson L. E. Helping CIOs understand "smart city" initiatives // Growth. 2009. Vol. 17. № 2. Pp.1-17.

Yang X. Y. Chinas rapid urbanization // Science. 2013. Vol. 342. № 6156. Pp. 310-310.

Yin C. T. et al. A literature survey on smart cities // Sci. China Inf. Sci. 2015. Vol. 58. № 10. Pp. 1-18.

References

Akimkin, E. and Shilova, V. (2015), "Problems of urban development management in the regional aspect", In Markin, V. V. (ed.), *Regionalnaya sotsiologiya: problemy konsolidatsii sotsialnogo prostranstva Rossii* [Regional Sociology: problems of consolidation of the social space of Russia], New Chronograph, Moscow, Russia, 259-288. (In Russian)

Anisimov, O. (2013), "Combining innovative forces of the smart city", *City Management: Theory and Practice*, 1 (8), 11-18. (In Russian)

Antyufeyev, A. V. and Ptichnikova, G. A. (2019), "Smart city, architecture and man", *Sociology of the City*, 2, 6-13. (In Russian)

Bodrunov, S. D. (2019), "Reindustrialization in the conditions of a new technological revolution: the road to the future", *The Manager*, 10 (5), 2-8. (In Russian)

Bozhenov, S. A. (2012), "Smart city in the development strategy of Belgorod", *City Management: Theory and Practice*, 1 (4), 3-10. (In Russian)

Bondarenko, V. M. (2019), "Prospects of future socio-economic transformations in the

conditions of realization of the possibilities of the technological revolution of industry 4.0", In Grinina, L. E. (ed.), *Dlinnye volny, sovremennaya ekonomika i perspektivy gryadushhih transformatsiy v XXI veke* [Long waves, modern economy and prospects of future transformations in the XXI century], Uchitel, Moscow, Russia, 195-214. (In Russian)

Vyatkina, B. M. (2014), "Principles of democratization in city development management", *Proceedings of Universities. Investment. Construction. Real estate*, 2 (7), 67-75. (In Russian)

Zdorova, L. P. (2022), "Sixth technological order: cognitive revolution", *Symbol of Science: International Scientific Journal*, 9-1, 60-62. (In Russian)

Galich, Z. N. (2000), "Urbanization and megapolization as a global process", *Economic and Social Problems of Russia*, 1, 7-21. (In Russian)

Glazyshev, V. L. (2011), *Gorod bez granits* [City without Borders], Territory of the future, Moscow, Russia. (In Russian)

Gorbacheva, A. G. (2014), "Human intelligence: possible changes under the influence of information technologies and high-tech devices", *Ideas and Ideals*, 1 (19), 135-142. (In Russian)

Grinberg, R. S. (2019), "Technological revolutions and society: global trend and Russian specialization", *The Economic Revival of Russia*, 1 (59), 17-22. (In Russian)

Zaborova, E. N. (2021), "The future of cities in the information and digital age", *Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences*, 2, 124-134. (In Russian)

Ivanov, V. V. and Malinetsky, G. G. (2019), "Philosophical foundations of the humanitarian and technological revolution", *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 62 (4), 76-95. (In Russian)

Ilyanovich, E. B. (2021), "Science and technology on the horizon of the fourth technological revolution of modern technological civilization", *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*, 21 (4), 100-110. (In Russian)

Castells, M. (2000), *Informatsionnaya epoha. Ekonomika. Obshchestvo* [The Information Age: Economy, Society and Culture], Vysshaya shkola ekonomiki, Moscow, Russia. (In Russian)

Kapitsa, S. P., Kurdyumov, S. P. and Malinetsky, G. G. (2003), *Sinergetika i prognozy budushhego* [Synergetics and Forecasts of the Future], Editorial Board URSS, Moscow, Russia. (In Russian)

Kochetkov, E. P. (2019), "Digital transformation of the economy and technological revolutions: challenges for the current paradigm of management and crisis management", *Strategic Decisions and Risk Management*, 4, 330-334. (In Russian)

Orekhov, V. D., Blinnikova, A. V. and Karanashev, A. Kh. (2021), "A study of the genesis of innovative products and professions of the future in the conditions of technological revolutions", *Bulletin of North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov*, 3, 143-156. (In Russian)

Pavlichenko, A. V. (2021), "Technological revolutions and their impact on economic development", *Theory of Law and Interstate Relations*, 1 (7), 465-470. (In Russian)

Patrushev, V. I. (2011), "Interrelation of scientific-technical, informational, socio-technological and Vernadsky revolution: social consequences and prospects", *Materialy Ivanovskikh chteniy* [Materials of Ivanovo Readings], 1 (1), 8-23. (In Russian)

Reutov, E. V. (2020), "Responsible participation in the affairs of the local community as a factor in the development of local self-government", *City Management: Theory and Practice*, 1 (35), 8-13. (In Russian)

Ryazanov, V. T. (2019), "The new technological revolution: expectations and options for the future model of the economy", *The Economic Revival of Russia*, 4 (62), 43-51. (In Russian)

Sergeeva, T. S. (2012), "Smart city as a trend", *City management: theory and practice*, 1 (4), 46-51. (In Russian)

Schwab, K. (2016), *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution], Eksmo, Moscow, Russia. (In Russian)

Harvey, D. (2018), *Sotsialnaya spravedlivost i gorod* [Social Justice and the City], New Literary Review, Moscow, Russia. (In Russian)

Fomin, R. V. (2021), "Smart city as a progressive form of spatial and economic transformation in the region: concept, tools, efficiency", Ph.D. Thesis, Belgorod, Russia. (In Russian)

Yakutin, Yu. V. (2017), "Russian economy: strategy of digital transformation (to constructive criticism of the government program Digital Economy of the Russian Federation)", *Management and Business Administration*, 4, 27-52. (In Russian)

Bourdieu P. (2005), *The Forms of Capital*, *Economic Sociology*, (3), 60-74.

Cairncross F. (1997), *The Death of Distance: How the Communication Revolution is changing our lives*, Harvard Business School Press, 230 p.

Converging technologies for improving human performance: nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science (2003), ed. by M. Roco, W. Bainbridge, Kluwer, Boston, 467.

Davis, K. (1997), The urbanization of the human population, *The city reader*, (5), 20-30.

Deng, Y. S., Wang, K., Hong, Y., & Qi, Y. G. (2009), Spatio-temporal dynamics and evolution of land use change and landscape pattern in response to rapid urbanization, *Landscape and urban planning*, 92(3-4), 187-198.

Dreyer, K. Y., Hirschhorn, D. S., Thrall, Y. H., & Pacs, M. (2006), *A guide to the digital revolution*, Springer, New York.

Gibson, D. V., Kozmetsky, G., Raymond, W. S., eds., (1992), *The technopolis phenomenon: Smart cities, fast systems, global networks*, Rowman & Littlefield.

Giffinger, R. and Haindlmaier G. (2010), Smart cities ranking: an effective instrument for the positioning of the cities?, *ACE: architecture, city and environment*, 4 (12), 7-26.

Yacobs Y. (1961), *The Death and Life of Great American Cities*, Random House, New York, 458.

Haughton, G. (1997), Developing sustainable urban development models, *Cities*, 14 (4), 189-195.

Harrison, C. et al. (2010), Foundations for smarter cities, *IBM Journal of research and development*, 54 (4), 1-16.

Liu, P., & Peng, Z. (2013), Chinas smart city pilots: A progress report, *Computer*, 47 (10), 72-81.

Mitton, N., Papavassiliou, S., Puliafito, A., & Trivedi, K. S. (2012), Combining Cloud and sensors in a smart city environment, *EURASIP journal on Wireless Communications and Networking*, (1), 1-10.

Herold, M., Liu, X., & Clarke, K. C. (2003), Spatial metrics and image texture for mapping urban land use, *Photogrammetric Engineering & Remote Sensing*, 69(9), 991-1001.

Puissant, A., Hirsch, Y., Weber, C. (2005), The utility of texture analysis to improve perpixel

classification for high to very high spatial resolution imagery, *Int J Remote Sens*, (26), 733-745.

Putnam, R. D. (2000), *Bowling alone: The Collapse and Revival of American Community*, Simon & Schuster, New York, 541.

Schwab, K., Malleret, T. (2020), *COVID-19: The Great Reset*, Forum Publishing, Geneva, 110.

Shaffer, H. Y., Hall, M. N., & Bilt, Y. V. (2000), Computer addiction": a critical consideration, *American journal of Orthopsychiatry*, 70 (2), 162-168.

Shestopalova, O. P., & Goncharova, T. Y. (2022), The phenomenon of "clip thinking" in the educational and cognitive activities of students of natural and physical-mathematical educational profile, *In Journal of Physics: Conference Series*, 2288 (1), 012036.

Washburn, D., Sindhu, U., Balaouras, S., Dines, R. A., Hayes, N., & Nelson, L. E. (2009), Helping CIOs understand "smart city" initiatives, *Growth*, 17 (2), 1-17.

Yang, X. Y. (2013), Chinas rapid urbanization, *Science*, 342(6156), 310-310.

Yin, C. T. et al. (2015), A literature survey on smart cities, *Sci. China Inf. Sci.*, 58 (10), 1-18.

Статья поступила в редакцию 07 февраля 2023 г. Поступила после доработки 01 марта 2023 г. Принята к печати 15 марта 2023 г.

Received 07 February 2023. Revised 01 March 2023. Accepted 15 March 2023.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Заборова Елена Николаевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и прикладной социологии Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия

Elena N. Zaborova, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Economic Theory and Applied Sociology, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia.

УДК 338.28:316.422 (470.45)

DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-6

Дроздова Ю. А.

Реализация концепции «Умный город» в оценках населения (на примере Волгограда)

Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
улица Гагарина, дом 8, Волгоград, 400066, Россия
juliadrozdova@mail.ru

Аннотация. *Актуальность.* Современным городам в индустриально развитых странах необходимо новое управление с использованием цифровых технологий, интеллектуальных систем, которые направлены не только на создание комфортных условий для жизнедеятельности людей, но и на обеспечение экологических условий проживания, снижение загрязнения природы. На решение данных задач направлена концепция «умного города», которая является объектом социолого-управленческих теоретических и прикладных исследований. *Научная проблема.* На данный момент в ряде регионов России реализуются крупные градостроительные проекты, основанные на реализации концепции «умного города». Волгоград, как город – миллионер, является одним из городов, включенных в реализацию государственного проекта по созданию «умной городской среды». Через призму оценок горожан выявлены и проанализированы направления развития концепции «умного города» в Волгограде и проблемы их реализации, приоритеты в развитии экономического пространства города, осведомленность жителей о проводимой инновационной политике, конкурентные преимущества города Волгограда способные положительно повлиять на его социально-экономическое развитие. *Методы.* Исследование, проведенное в январе – марте 2022 года, основано на использовании комбинированной социологической стратегии, включающей анкетный опрос жителей Волгограда (n=300, on-line опрос методом доступного случая) и экспертное интервью с должностными лицами администрации Волгограда (N=15), участвующими в реализации концепции «умный город» на территории муниципального образования. *Научные результаты.* Как показало проведенное исследование, осведомленность волгоградцев о реализации концепции «умного города» можно оценить, как среднюю. Некоторое представление о концепции «Умный город» имеют, что-то слышали о реализуемых программах 38,6% респондентов; о программах цифровизации знают 37,1% опрошенных, при этом 24,3% участников опроса ничего не слышали о таких проектах. Опрос населения и мнение экспертов о промежуточных результатах реализации концепции «умного города» в социальном пространстве Волгограда показали, что на сегодняшний день наиболее распространенной целью использования цифровых технологий у респондентов являются услуги для личного пользования, которые редко касаются взаимодействия с органами власти. Основной причиной такого распределения является проблема качества предоставляемых цифровых услуг и средняя компетентность пользователей, в том числе, государственных /муниципальных служащих. *Выводы.* Реализация концепции «Умный город» направлена, в том числе, на совершенствование электронного

взаимодействия власти и общества в системе функционально-ролевой коммуникации «власть – население». Для построения эффективного диалога необходимо улучшать имидж муниципальных /государственных органов управления в глазах горожан и преодолевать негативные явления (барьеры) в использовании отдельных порталов, а также повышать компетентность и заинтересованность представителей органов муниципального/государственного управления в формировании «умного города». Приоритетными направлениями в развитии «умного города» респонденты считают формирование комфортной среды проживания, модернизацию транспортной системы, внедрение информационных технологий.

Ключевые слова: «умный город»; цифровизация; социальное пространство; комфортная среда; пространственно-временной континуум

Информация для цитирования: Дроздова Ю. А. Реализация концепции «Умный город» в оценках населения (на примере Волгограда) // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 1. С. 56-67. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-6

Research article

Julia A. Drozdova

Implementation of the Smart City concept in population estimates (on the example of Volgograd)

Volgograd Institute of Management, Affiliate of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Faculty of State and Municipal Administration
bld. 8, Gagarin St., Volgograd, 400066, Russia
juliadrozdova@mail.ru

Abstract. Relevance. The concept of smart city consists in managing cities in a modern way using the latest technology, including digital technologies. Reducing the level of environmental pollution is also an integral part of the smart city concept. The implementation of the concept of smart city is one of the growth areas in urban development in industrialized countries. This warrants theoretical and applied interest in the study of this growth line of urban development. **Scientific problem.** Major urban development projects based on the smart city concept are currently being implemented in a number of regions of Russia. Volgograd is one of the cities included in the implementation of the governmental project to create a smart urban environment. The paper identifies and analyzes the main directions of the development of the concept of a smart city in Volgograd and the problems of their implementation, priorities in the development of the city's economic space, awareness of residents about the ongoing innovation policy, competitive advantages of the city of Volgograd that can positively affect its socio-economic development. **Methods.** With the participation of the author, a sociological study was conducted in January-March 2022, which is based on the use of a mixed sociological strategy: a questionnaire survey of Volgograd residents (n=300, on-line survey using the available case method) and an expert interview with officials of the Volgograd administration (N =15). **Research results.** A survey of the population and the opinion of experts on the intermediate results of the implementation of the smart city concept in the social space of Volgograd showed that residents assess their awareness of this project as average (38.6% of respondents), 67.1% of respondents are active, confident, routine Internet users preferring to communicate with the

authorities in an electronic format entirely or partly. *Conclusions.* According to respondents, priority areas in the development of a smart city include formation of a comfortable living environment, modernization of the transport system, increasing the competence and interest of representatives of municipal / state administration bodies in the formation of a smart city.

Key words: smart city, digitalization, social space, comfortable environment, space-time continuum.

Information for citation: Drozdova, J. A. (2023), "Implementation of the Smart City concept in population estimates (on the example of Volgograd)", *Research Result. Sociology and management*, 9 (1), 56-67. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-6

Введение (Introduction). Использование современных компьютерных цифровых информационных технологий способствует формированию принципиально новой автоматизированной «нервной системы» общества и создает новое цифровое пространство, как в отдельных городах (муниципальный уровень управления), так и на глобальном уровне. В рамках концепции Общества 5.0 (суперинтеллектуального общества) набирает популярность идея о социальном управлении с применением технологий «умного города» (Василенко, 2019: 67). «Умный город» представляет новую форму организации управленческой деятельности на муниципальном уровне, что находит отражение в документах стратегического планирования. Однако реализация концепции «Умный город» в Российской Федерации сталкивается с рядом коммуникативных проблем, возникающих в следствие слабой информированности населения об электронных услугах и современных технологиях, призванных снизить энергозатраты, обеспечить основные направления развития городских территорий – ресурсообеспеченность, транспорт, энергетику, образование, здравоохранение, образование. Также барьерами реализации концепции «умный город» является, на наш взгляд, низкий уровень цифровой грамотности, недостаточность опыта использования информационно-цифровых технологий в профессиональной сфере государственных и муниципальных структур. Кроме этого, одним из барьеров, влияющих на формирование «умного пространства», является

неравномерное развитие инфраструктуры российских регионов и городов.

Также следует отметить отсутствие комплексного поэтапного внедрения информационно-коммуникативных технологий в повседневные практики горожан, что приводит к риску образования некомпетентных кадров в работе с данными технологиями на государственных, региональных и муниципальных уровнях, что вызывает слабую заинтересованность субъектов цифровизации в развитии данного направления и указывает на ограничения для перехода к цифровому обществу, управлению городами в условиях цифровой трансформации.

Дополнительным фактором, актуализирующим реализацию концепции «умный город» является воздействие технологий, используемых в экономике стран мира, на экологию городов. Концепция «умный город» направлена на улучшение качества жизни людей, обеспечение экологической безопасности, сохранение и приумножение природных ресурсов. Преодоление «неравенства регионов» за счет внедрения «умных технологий» создаст основу устойчивого развития российских территорий.

Каждое городское сообщество участвует во внедрении умных технологий в определенном пространственно-временном континууме на основе исторических, культурных ценностей территории, местных проблем, знаний, владения цифровыми технологиями и организации коммуникации в системе «власть – население».

Говоря о городском управлении, цифровизация, конечно, открывает новые

возможности: разобраться в обращениях граждан и ответить на них не формально, а в отношении каждого жилого здания и района, провести персонализированное онлайн-голосование, принять управленческие решения в интересах населения, обеспечить комфорт и качество его жизни. Чтобы это можно было сделать реальным на муниципальном и государственном уровнях должна развиваться и поддерживаться сфера IT-технологий среди не только крупных компаний, но мелких предприятий. Необходимо аккумулировать все возможные человеческие ресурсы, которые будут способны создать единую архитектуру нового цифрового города, обеспечить устойчивое развитие российских территорий.

Методология и методы (Methodology and Methods). Города в современном мире становятся основными точками развития. В них концентрируются управленческие, финансовые и человеческие ресурсы, создаются предпосылки для постиндустриального урбанистического развития.

В настоящее время «город» как объект исследования присутствует во множестве исследований и можно сказать, что все они носят междисциплинарный характер. Так, среди современных отечественных исследователей вопросы развития городской среды и управления в пространственно-временном континууме города рассматривали В. Глазычев (Глазычев, 1995), Г. О. Перов (Перов, 2019), И. А. Свиридов (Свиридов, 2019), – современной организации городской среды и реновации российских городов; В. Вахштайн анализировал повседневные практики в городской среде (Вахштайн, 2011).

Среди зарубежных исследований особый интерес представляют исследования о городах в эпоху урбанизации, информатизации и глобализации (М. Вебер (Вебер, 2001), Г. Зиммель (Зиммель, 2018), Р. Парк (Парк, 1999), К. Линч (Линч, 1982), Л. Вирт (Вирт, 2016), А. Амин, Н. Триверт (Amin, Thrift, 2002), М. Кастельс (Кастельс, 2000), I. Capdevila (Capdevila, 2015).

Именно множественность точек зрения, аспектов развития городов и социальных процессов, придают ценность городским исследованиям, имеющим междисциплинарный характер, находящимся на стыке экономики, социологии города, культурологии, краеведения, теории расселения, территориального планирования, социальной экологии, урбанистики, социологии управления и исследований в области государственного и муниципального управления.

В каждом из указанных научных направлений присутствуют теоретические обоснования понятия «город» и попытки определить сущность города через собственное понимание «города», «городской среды», «городской жизни», как тождественных/ нетождественных смысловых конструкций и нарративов. Целостное понимание города определяется с помощью, определенных в каждом конкретном случае, ценностных ключевых элементов: ландшафта, архитектуры, типов социального поведения, особенностей расселения, рутинных практик, сообществ и многих других.

Этим обстоятельством также обусловлено большое количество определений города. В соответствии с социолого-управленческим подходом в исследовании городов, мы определяем городскую среду как социальное пространство взаимодействия и коммуникации основных субъектов управления – органов государственной и муниципальной власти и населения; где органами государственного и муниципального управления осуществляются социальные преобразования для создания комфортных и безопасных условия для жизнедеятельности населения – цифровизация, создание информационной инфраструктуры, общественных пространств, транспортных инноваций, подготовка и развитие кадров для цифровой экономики и другие.

Информационный потенциал города определяет самоорганизующиеся импульсы интенсивного развития общества, в настоящее время это связано с развитием

цифровых технологий, что значительно усиливает потенциал города. «Умный город» во всей сложности определяется совокупностью его элементов, как модели, которая формирует новые связи и влияет на новые отношения в пространственно-временном континууме города и региона.

В научной литературе, посвященной исследованиям «умных городов» можно выделить несколько направлений, которые рассматривают различные аспекты формирования, развития городских пространств с использованием цифровых технологий. Вопросы применения цифровых технологий в сфере экономики с подробным рассмотрением этапов, структуры цифровизации городского пространства представлены в работах А. И. Артемовой (Артемова, 2019), О. Е. Акимовой, С. К. Волкова, И. М. Кузлаевой (Акимова, Волков, Кузлаева, 2019), М. И. Барабановой, В. В. Трофимова, Е. В. Трофимовой (Барабанова, Трофимов, Трофимова, 2018), В. А. Вайпана (Вайпан, 2018), Т. Н. Юдиной (Юдина, 2017), Н. Л. Шарандиной (Шарандина, 2018).

Кафедрой социологии, общей и юридической психологии Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС было проведено в январе – марте 2022 года социологическое исследование основанное на использовании комбинированной социологической стратегии, включающей анкетный опрос жителей Волгограда (n=300, on-line опрос методом доступного случая) и экспертное интервью с должностными лицами администрации Волгограда (N=15), участвующими в реализации концепции «умный город» на территории муниципального образования.

В проведенном анкетном опросе приняли участие 300 человек, в возрасте от 18 лет до 65 лет, проживающие в Волгограде. Среди них 162 женщины и 138 мужчин, из которых в исследовании приняли участие жители г. Волгограда в возрасте от 18 до 65 лет. Результат подсчета значений линейных

распределений по возрасту: 18-24 лет – 10 % от общего числа респондентов, 25-31 года – 13,3 % респондентов, 32-38 лет – 23% респондентов, 39-45 лет – 10% респондентов, 46-52 лет – 17 % респондентов, 53-59 лет – 10% респондентов, 60 лет и старше – 16,7 % от общего числа респондентов.

Экспертами стали представители органов государственной и муниципальной области, IT-специалисты, обеспечивающие внедрение, контроль реализации Приказа Минстроя России от 25.12.2020 N 866/пр «Об утверждении Концепции проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город»¹ в Волгограде.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). С 2019 года Волгоград принимает участие в реализации ведомственного проекта «Умный город» на территории городского округа. На период 2019-2024 годов определены девять направлений изменения городской среды: «нормативное регулирование цифровой среды; городское управление; умное жилищно-коммунальное хозяйство; инновации для городской среды; умный городской транспорт; интеллектуальные системы общественной безопасности; интеллектуальные системы экологической безопасности; туризм и сервис; информационная инфраструктура»².

Планом мероприятий (дорожной картой) о реализации ведомственного проекта «Умный город», утвержденным на тот период главой Волгограда

В. В. Лихачевым 24 июля 2019 года, предусмотрено исполнение 53 мероприятий по указанным сферам; прогнозируемый объем финансирования на пять лет составит 4,4 млрд. рублей.

В рамках проведенных мероприятий была создана информационная система «Технический учет объектов дорожно-транспортной инфраструктуры»; внедрен единый диспетчерский центр, позволяющий вести комплексное управление

¹ Приказ Минстроя России от 25.12.2020 г. №8 66 «Об утверждении Концепции проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город» // СПС

КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.11.2022).

² Там же.

элементами производственно-технической системы тепло-, водоснабжения и водоотведения Волгограда в целях оперативного учета влияния отдельных ее элементов на эффективную работу в целом; установлены и используются электронные средства «гибкого» контроля коммунальных ресурсов с учетом объема потребления, температуры воздуха; ситуационной адаптации этих систем на основе анализа данных; полностью внедрены энергосберегающие технологии в наружном (уличном) освещении. В Волгограде, как и в других городах появилась подсветка административных и иных муниципальных зданий с применением регулирования яркости освещения и автоматическим отключением в зависимости от времени суток и погодных условий; аналитика «больших данных» о функционировании городского хозяйства позволяет прогнозировать и моделировать сценарии управления городскими территориями.

Волгоград включен Минстроем в десятку крупнейших городов России по уровню цифровизации городского хозяйства. «Индекс «IQ городов» разработан в 2019 году и рассчитывается для 203 городов, которые участвуют в проекте Минстроя РФ»³. Оценка уровня цифровизации городского хозяйства регионов за 2021 год «производилась по 47 показателям, разделенным на 10 направлений: городское управление, умное ЖКХ, инновации для городской среды, умный городской транспорт, туризм и сервис, интеллектуальные системы общественной и экологической безопасности, экономическое состояние и инвестиционный климат, инфраструктура сетей связи и интеллектуальные системы социальных услуг»⁴.

По итогам 2021 года первые строчки рейтинга «IQ городов» в категории «Крупнейшие города» заняли Москва и Санкт-Петербург, а Волгоград поднялся на 7-е место за счет внедрения современных цифровых

и инженерных решений в работу городской и коммунальной инфраструктуры.

С 2019 года показатели индекса «IQ городов» улучшаются Волгоградом из года в год. «В 2021 году в Волгограде была организована работа муниципального центра управления транспортом как части интеллектуальной транспортной системы региона, установлено порядка 60 систем автоматического регулирования потока транспортных средств – система «Умный светофор», что позволяет оперативно получать данные о дорожно-транспортной ситуации в любой части города, корректировать работу светофорных объектов для управления транспортными потоками, включая работу городского общественного транспорта, – объясняют позиции города в рейтинге в администрации Волгограда. – Кроме того, продолжилось наращивание системы видеонаблюдения в общественно значимых местах – еще 94 уличные камеры были подключены к комплексной информационной системе видеонаблюдения региона»⁵.

В 2021 году в Волгограде было установлено 16 стационарных комплексов фотовидеофиксации нарушений ПДД. Продолжается замена ламп накаливания на городских объектах наружного освещения на современные светодиодные светильники, а в сфере ЖКХ в Волгограде активно внедряют системы электронного учета коммунальных ресурсов, которые дистанционно передают показания счетчиков в ресурсоснабжающие организации. Работа Волгограда по цифровизации городского хозяйства по итогам 2021 удостоилась специального кубка Минстроя России.

Но, как показало социологическое исследование, проведенное в январе – марте 2022 года Волгоградским институтом управления – филиалом ФГБОУ ВО РАН-ХиГС, информированность волгоградцев о реализации концепции «умного города»

³ Минстрой России включил Волгоград в топ-10 «умных» городов// Высота 102. 22.07.2022. URL: <https://v102.ru/news/109406.html> (дата обращения 13.11.22).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

можно оценить, как среднюю, недостаточным является и опыт взаимодействия населения с органами государственной и муниципальной власти с использованием цифровых технологий. На вопрос: «Имеете ли Вы личный опыт обращения в органы государственной власти через Портал Государственных услуг Волгограда?», – были получены следующие ответы: 38,6% респондентов выбрали вариант ответа: «Да, и это позитивный опыт», 24,3% опрошенных не имеют опыта, но хотели бы попробовать, 20% респондентов не имеют опыта и пробовать не хотят, и 15,7% горожан связали подобные попытки с негативным опытом.

Как отметил эксперт в интервью, *«Конечно, все люди разные, но сейчас, как я думаю, век информационных технологий, поэтому люди предпочитают обращаться полностью в электронном виде. Потому что это удобно, быстро, никуда не нужно идти, и в связи с эпидемиологической ситуацией безопаснее»* (эксперт 2, администрация Волгограда).

В ходе исследования нам удалось выяснить, какими категориями услуг опрошенные горожане пользуются через Единый портал. Наиболее популярной категорией является «Налоги и сборы» (18,7% респондентов). Второй по распространённости категорией является «Услуги МВД/ГИБДД» (10,3% респондентов). Данная категория включает в себя услуги проверки и оплаты штрафов через портал, постановки транспортного средства на учёт, получения или замены водительского удостоверения. Третьей по распространённости является категория «Здравоохранение и медицина». Услуги данной категории позволяют записаться на приём к врачу, выбрав подходящую дату и время, прикрепиться к детской и взрослой поликлиникам, оформить полис ОМС и др.

То, что современные цифровые технологии широко используются в нашей повседневной жизни подтвердили данные опроса горожан, где «86,1%» респондентов пользуются поисковыми системами каждый день. Это говорит еще о том, что увеличивается

объем запросов и информации, что влечет за собой необходимость совершенствования баз данных и систем их хранения, так как любые цифровые технологии энергозатратные, что приводит к риску сбоя работы цифровых систем и приложений и затрудняет коммуникацию между пользователями и ресурсами в пространстве «умного города».

Стоит заметить, что существующий уровень компетенции горожан в вопросах поиска информации достаточно высок: 46,1% респондентов ответило, что согласны с утверждением: «Я легко и быстро нахожу необходимую мне информацию в Интернете» и 51,1% участников опроса «скорее согласны» с данным утверждением.

Но, к сожалению, имеющиеся цифровые технологии работают не всегда эффективно: *«В теории можно подать онлайн – заявку на субсидии, но вы попробуйте, ради интереса, заполнить онлайн форму на портале «ГосУслуг». Кроме того, что сама по себе форма очень сложная и запутанная, так еще, если у вас нет ЭЦП, вы не сможете подать заявку, если у вас она все-таки есть, то это еще не значит, что вы сможете дойти до конца формы! Мы тысячу раз говорили своим программистам, чтобы они исправили графу о составе семьи, ведь есть люди, у которых кроме их самих никого нет, но программа не пропускает одного члена семьи и просит заполнить остальных. Если у вас получилось сделать и это, то, когда форма придет к нам, то мы не сможем с ней работать, потому что программа будет говорить, что существует некая ошибка и запрос не проходит обработку! Мы звоним в технический отдел, ругаемся с ними, но ничего не происходит! В общем, если захотите подать документы на субсидии, лучше всего будет сделать это через «Мои документы» или можно сразу к нам»* (эксперт, государственное учреждение).

В результате анализа реализации концепции «умный город» в Волгограде было выявлено, что наиболее востребованными для граждан в текущих социальных

условиях являются сервисы здравоохранения и медицины, сервисы безопасного города и электронные услуги для пассажиров общественного транспорта. Однако распределение ответов на вопрос об уровне материально-технической оснащённости данных сфер имеет иной вид. В более 50% случаев респонденты оценивают материально-техническую оснащённость городских ресурсов как «высокую», в связи с чем острой

является проблема нехватки компетентных кадров, способных использовать цифровое оборудование, качественно оказывать услуги, управлять цифровой средой «умного города». И она должна решаться в первую очередь, так как это формирует серьёзный коммуникативный риск: отсутствие человеческого капитала может привести к замедлению реализации концепции «умного города» (Таблица).

Таблица

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы оцениваете уровень цифровой грамотности (компетентности) у работников следующих сфер?», %
следующих сфер?», %

Table

Distribution of answers to the question: How do you assess the level of digital literacy among employees in the following areas? (%)

Сфера деятельности / Field of activity		Уровень цифровой компетентности / Level of digital literacy					
		Низкий/ Low	Ниже среднего / Below average	Средний / Me- dium	Выше сред- него / Above average	Высо- кий/ High	Затруд- няюсь от- ветить/ Unde- cided
1	Промышленность / Industry	16.1	17.9	34.7	7.1	0.8	23.4
2	Сельское, лесное хозяйство / Agriculture, forestry	26.3	22.6	25.3	3.9	0	21.8
3	Строительство / Construction	11.3	23.4	32.4	6.3	2.4	24.2
4	Недвижимость / Real estate	7.4	10.8	35.5	17.4	6.3	22.6
5	Транспорт / Transport	8.2	17.1	35.5	14.2	3.9	21.1
6	Связь и телекоммуникации / Communications and telecom- munications	6.3	5.5	26.6	24.7	21.3	15.5
7	Информационно цифровые технологии / Digital and infor- mation technology	6.3	7.9	19.5	23.2	26.8	16.3
8	Средства Массовой Информа- ции / Mass media	7.9	5.5	22.6	23.9	23.7	16.3
9	Финансы, кредит, страхование / Finance, credit, insurance	7.6	8.7	26.1	24.7	18.2	14.7
10	Оптовая, розничная торговля / Wholesale, retail trade	8.4	14.7	32.9	19.7	5.5	18.7
11	Общественное питание / Cater- ing	13.2	16.8	37.1	9.5	5.5	17.9
12	Жилищно-коммунальное хо- зяйство, бытовое обслужива- ние / Housing and communal ser- vices	16.1	26.6	30.8	8.7	2.4	15.5
13	Органы государственного и муниципального управления /	15.8	17.4	33.2	10.3	5.5	17.9

Сфера деятельности / Field of activity		Уровень цифровой компетентности / Level of digital literacy					
		Низкий/ Low	Ниже среднего / Below average	Средний / Me- dium	Выше сред- него / Above average	Высо- кий/ High	Затруд- няюсь от- ветить/ Unde- cided
	State run public and municipal authorities						
14	Юриспруденция, адвокатура / Law	9.5	11.1	32.4	17.4	9.5	20.3
15	Здравоохранение, социальное обеспечение / Health care, social security	17.4	26.8	30.0	7.9	3.2	14.7
16	Образование, культура, искусство, наука / Education, culture, art, science	10.8	17.4	31.1	16.6	7.9	16.3
17	В сфере туризма / In the field of tourism	7.6	11.8	29.5	19.7	14.2	17.1
18	Армия. правоохранительные органы / Army, law enforcement	12.4	21.3	26.6	9.2	6.3	24.2

Таким образом, мы видим, что реализация концепции «умный город» сталкивается с множеством препятствий на этапе применения цифровых технологий в различных сферах жизнедеятельности горожан, чрезвычайно важным, на наш взгляд, является уровень цифровой грамотности субъектов управления, так как «умный город» предполагает использование инновационных технологий, улучшающих функциональность городов. Авторское исследование показало на сегодняшний момент средний уровень компетентности представителей органов государственной и муниципальной власти и управления, ответственных за создание «умного города», в оценках горожан, принявших участие в опросе.

Создание комфортных условия для проживания – приоритетная задача в концепции «умного города». В ходе социологического исследования мы спросили у жителей города, насколько Волгоград комфортен для проживания. Большая часть горожан, принявшая участие в исследовании, считает город Волгоград частично комфортным, отмечая имеющиеся проблемы (41,4%). Только 7,1% респондентов считают

Волгоград «максимально некомфортным» городом.

Основными направлениями стратегии развития Волгограда до 2035 года, участники опроса считают необходимость таких направлений, как: модернизация транспортной системы (44,3%), формирование комфортной среды проживания (54,3%) и повышение эффективности и качества услуг ЖКХ (45,7%) Также респондентам был задан открытый вопрос: «Каким бы Вы хотели видеть Волгоград через 10-15 лет? Что обязательно должно быть в городе к 2035 году? Опишите, пожалуйста, в нескольких словах». Большинство жителей – участников опроса отметило: необходимость появления новых рабочих мест, повышения качества жизни, комфортности городской среды, улучшения качества дорог и модернизации транспортной системы.

Проанализировав направления реализации концепции «Умный город» в Волгограде, мы выработали несколько рекомендаций эффективного использования технологий «умного города»: повышение уровня цифровых компетенций среди всех субъектов коммуникации; сотрудничество государственного аппарата и коммерческой и бизнес структур по обеспечению

материально техническими ресурсами «умного города»; разработка практико-применимого нового цифрового законодательства, обеспечивающего безопасность и надежность в работе с «большими данными»; унификация государственных баз данных и государственных платформ взаимодействия; аккумуляция всех человеческих ресурсов от рядового пользователя до высших руководителей, которые будут способны создать единую архитектуру нового цифрового городского пространства.

В городские проекты Волгограда следует включать мероприятия по цифровизации отраслей городского хозяйства, направленные на создание «Умного города», по следующим направлениям: жилищно-коммунальное хозяйство, особенно актуален цифровой контроль и управление инженерной инфраструктурой на муниципальных территориях; охрана окружающей среды; благоустройство городской среды, создание общественных пространств; улучшение работы транспорта, дорожных перевозок. Также необходимо создание единой интегрированной цифровой платформы управления ресурсами и сервисами города для грамотного управления городским хозяйством. Актуальным является вовлечение граждан в жизнь города, его управление через онлайн-ресурс «Активный горожанин».

Таким образом, основными проблемами в реализации концепции «умный город» в Волгограде является уровень качества жизни, который участники опроса оценили, как средний. Удовлетворительно оценили горожане и комфортность городской среды, состояние дорог, работу общественного транспорта, а также благоустройство городской среды, в особенности – пешеходной инфраструктуры. Практические рекомендации, направленные на достижение главных целей реализации концепции «Умного города», заключаются также в создании комфортных условий для жизни горожан, цифровой трансформации управления городским хозяйством, что обеспечит конкурентоспособность городов России, будет

способствовать преодолению неравенства в разрыве территорий между столичными центрами и провинциальными городами.

Заключение (Conclusions). Реализация концепции «Умного города» является одной из приоритетных целей для экономически развитых стран. Наиболее распространенными характеристиками «умного города», встречающимися в литературе и в разработанных нормативно-правовых документах являются: «мониторинг окружающей среды, обучение, интеллект, управление ресурсами (людьми, инфраструктурой), инновационность, сетевое взаимодействие, применение ИКТ-технологий и адаптация к окружающей среде, комфортность и безопасность» (Вайпан, 2018: 13).

Степень реализации концепции «умный город» в Волгограде население и эксперты оценивают, как среднюю. Приоритетными направлениями в развитии «умного города» респонденты считают формирование комфортной среды проживания, модернизацию транспортной системы, внедрение информационных технологий в систему ЖКХ, повышение цифровой компетентности специалистов во всех областях городского хозяйства.

Для горожан важно решение городских проблем: от улучшения состояния дорог в Волгограде и благоустройства дворовых территорий, до обеспеченности рабочими местами и повышения уровня заработной платы, – что вследствие депрессивной траектории социально-экономического развития Волгограда оценивается как проблемное и затрудняет формирование «умного города», комфортного и экологически безопасного.

Создание новых возможностей для удовлетворения коллективных потребностей городского населения за счет внедрения «умных» технологий, позволит увязывать развитие всех элементов городского пространства. Трансформация городского пространства в результате использования цифровых технологий должна привести к улучшению качества услуг, предоставляемых жителям, экономии финансовых,

временных ресурсов, росту социальных ресурсов (человеческого и социального капиталов, доверия населения к власти, активности горожан, имиджа города), что является необходимыми условиями развития пространственно-временного континуума «умного города».

Проведенное исследование не претендует на исчерпывающее решение поставленной проблемы. Накопленный теоретический и практический материал требует дальнейшей проработки, более пристального внимания и детального изучения со стороны ученых, общественности, органов власти и формирует актуальную повестку дня в государственном и муниципальном управлении.

Список литературы

Акимова О. Е., Волков С. К., Кузлаева И. М. Уникальные преимущества применения концепции «умный город» в контексте развития современного экономико-стратегического планирования // Креативная экономика. 2019. Т. 13. № 8. С. 1521-1528.

Артемова А. И., Нурмухаметов Р. К. Концепция «умный город»: сущность и содержание // Вестник Тульского филиала Финансового университета. 2019. № 1. С. 53-61.

Барabanова М. И., Трофимов В. В., Трофимова Е. В. Цифровая экономика и «Университет 4.0» // Журнал правовых и экономических исследований. 2018. № 1. С. 178-184.

Вайпан В. А. Правовое регулирование цифровой экономики // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 1. С. 12-17.

Василенко И. А. «Умный город» в цифровом обществе 5.0: социально-политические и гуманитарные риски цифровизации общественного пространства // Власть. 2019. № 5. С. 67-73.

Вахштайн В. С. Социология повседневности и теория фреймов. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. 334 с.

Вебер М. История хозяйства. Город. Пер. с нем. под ред. И. Гревса. М.: КАНОН-пресс Ц: Кучково поле, 2001. С. 113-127.

Вирт Л. Урбанизм как образ жизни. Пер. с англ. М.: Strelka Press, 2016. 108 с.

Глазычев В. Л. Городская среда. Технология развития: настольная книга академии городской среды. URL: http://www.glazychhev.ru/books/gorodskaya_sreda/gorodskaya_sreda.htm (дата обращения 12.11.22).

Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М.: Strelka Press, 2018. 106 с.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

Линч К. Образ города. Перевод с англ. В. Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.

Парк Р. Экология человека // Теория общества: фундаментальные проблемы. Под ред. А. Ф. Филиппова. М.: Канон-пресс-Ц, 1999. С. 384-400.

Перов Г. О. Особенности формирования экономической системы «умных городов» // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2019. № 2 (66). С. 141-146.

Приоритетные направления внедрения технологий умного города в российских городах: экспертно-аналитический доклад. Москва, 2018. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/bdc/bdc711b002e9651fb2763d98c7f7daa6.pdf> (дата обращения 12.11.22).

Свиридов И. А. О некоторых особенностях современной организации реновации российских городов // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 158-164.

Шарандина Н. Л. Цифровая экономика как приоритетная национальная цель развития Российской Федерации: правовой аспект // Финансовое право. 2018. № 9. С. 17-21.

Юдина Т. Н. Цифровизация как тенденция современного развития экономики Российской Федерации: PRO Y CONTRA // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. С.139-143.

Amin A., Thrift N. Cities: Reimagining the urban // USA, Maiden, MA, Blackwell Publishers Inc., 2002. 192 с.

Capdevila I. Smart city or smart citizens? The Barcelona case // Journal of Strategy and Management. 2015. Vol. 8. № 3. P. 266-282.

References

Akimova, O. E., Volkov S. K. and Kuzlaeva I. M. (2019), "Unique advantages of using the "smart city" concept in the context of developing

modern economic and strategic planning”, *Creative economy*, 13 (8), 1521-1528. (In Russian)

Artemova, A. I. and Nurmuhametov R. K. (2019), “Smart city concept: essence and content”, *Vestnik Tul'skogo filiala Finansovogo universiteta*, 1, 53-61. (In Russian)

Barabanova, M. I., Trofimov V. V. and Trofimova E. V. (2018), “Digital economy and University 4.0”, *Journal of Legal and Economic Studies*, 1, 178-184. (In Russian)

Vajpan, V. A. (2018), “Legal regulation of digital economy”, *Business law. “Law and business”*, 1, 12-17. (In Russian)

Vasilenko, I. A. (2019), “Smart city in digital society 5.0: sociopolitical and humanitarian risks of digitalizing the public space”, *Vlast'*, 5, 67-73. (In Russian)

Vahshtajn, V. S. (2011), *Sotsiologija povsednevnosti i teorija freimov* [Sociology of everyday life and frame theory], European University at St-Petersburg Publishers, St-Petersburg, Russia. (In Russian)

Weber, M. (2001), *Istorija khozjajstva* [General History of Economy], transl. by I. Grevs, KANON-press C: Kuchkovo pole, Moscow, Russia. (In Russian)

Wirth, L. (2016), *Urbanizm kak obraz zhizni* [Urbanism as a way of life], transl. from English, Strelka Press, Moscow, Russia. (In Russian)

Glazychev, V. L. *Gorodskaja sreda. Tekhnologija razvitija: nastol'naja kniga akademii gorodskoj sredy* [Urban environment. Development technology: handbook of urban environment academy], [Online], available at: http://www.glazychev.ru/books/gorodskaya_sreda/gorodskaya_sreda.htm (Accessed 12 November 22). (In Russian)

Simmel, G. (2018), *Bol'shie goroda i dukhovnaja zhizn'* [Big cities and spiritual life], Strelka Press, Moscow, Russia. (In Russian)

Castels, M. (2000), *Informatsionnaja epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The information age: economy, society and culture], GU VShJe, Moscow, Russia. (In Russian)

Lynch, K. (1982), *Obraz goroda* [The image of the city], Transl. from English by V. L. Glazychev, Strojizdat, Moscow, Russia. (In Russian)

Park R. (1999), “Human ecology”, *Ekologija cheloveka* [Theory of society: fundamental problems], Kanon-press-C, Moscow, Russia, 384-400. (In Russian)

Perov, G. O. (2019), “Specifics of formation of smart city economic systems”, *Vestnik of Rostov*

State Economic University (RINH), 2 (66), 141-146. (In Russian)

Prioritetnye napravlenija vnedrenija tekhnologij umnogo goroda v rossijskih gorodah: ekspertno-analiticheskij doklad [Focal areas for implementing smart city technology in Russian cities] (2018), [Online], available at: <https://www.csr.ru/up-load/iblock/bdc/bdc711b002e9651fb2763d98c7f7daa6.pdf> (Accessed 12 November 22). (In Russian)

Sviridov, I. A. (2019), “On some specifics of current approach to renovation of Russian cities”, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, 21 (2), 158-164. (In Russian)

Sharandina, N. L. (2018), “Digital economy as priority target of national development of Russian Federation: legal aspect”, *Financial law*, 9, 17-21. (In Russian)

Yudina, T. N. (2017), “Digitalization as a current developmental trend in the Russian Federation: pro et contra”, *State and municipal administration scientific notes*, 139-143. (In Russian)

Amin, A. and Thrift, N. (2002), *Cities: Reimagining the urban*, Blackwell Publishers Inc., Maiden, USA.

Capdevila, I. (2015), “Smart city or smart citizens? The Barcelona case”, *Journal of Strategy and Management*, 8 (3), 266-282.

Статья поступила в редакцию 27 февраля 2023 г. Поступила после доработки 10 марта 2023 г. Принята к печати 15 марта 2023 г.
Received 27 February 2023. Revised 10 March 2023. Accepted 15 March 2023.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Дроздова Юлия Алексеевна, кандидат социальных наук, доцент, Декан факультета государственного и муниципального управления Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Волгоград, Россия.

Julia A. Drozdova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Public and Municipal Administration, Volgograd Institute of Management, Affiliate of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia.

УДК. 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-7

Петухов Р. В.

Восстановление доверия к органам местного самоуправления как задача для технологических решений «умного города»

Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН

улица Большая Андроньевская, дом 5, строение 1, Москва, 109544, Россия,
petukhovrv@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается возможность восстановления доверия к органам местного самоуправления с помощью технологий «умного города». Эти технологические решения активно внедряются в практику управления и хозяйствования российских городов, но основные акценты пока делаются на цифровой модернизации городского хозяйства, а не на социально значимых проблемах, которые могли бы быть решены с помощью современных информационно-коммуникационных технологиях. По мнению автора, одной из таких проблем может стать низкий уровень доверия к местным властям. С опорой на данные всероссийских опросов общественного мнения, проводимых Институтом социологии ФНИСЦ РАН, в статье показывается, что на протяжении последних 8 лет доверие к органам местного самоуправления находится на крайне низком уровне. По мнению автора, основной причиной этому является отчуждение муниципальной власти от граждан. Технологии «умного города» могут помочь в преодолении этого отчуждения. С их помощью можно обеспечить открытость и доступность органов местного самоуправления для граждан.

Ключевые слова: умный город, институциональное доверие, доверие органам местного самоуправления, гражданское участие

Информация для цитирования: Петухов Р. В. Восстановление доверия к органам местного самоуправления как задача для технологических решений «умного города» // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 1. С. 68-81. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-7

Research article

Roman V. Petukhov

Restoring trust in local self-governments as a challenge for smart city technologies

Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences

bld. 5/1, Bolshaya Andronovskaya St., Moscow, 109544, Russia
petukhovrv@yandex.ru

Abstract. The article discusses the possibility of restoring trust in local self-government with the help of smart city technologies. These technological solutions are being actively implemented in the practice of governance and management of Russian cities.

However, the main attention is paid to the digital modernization of the urban economy, and not to socially significant problems which can be solved with the help of modern information and communication technologies. According to the author, one of such problems may be a low level of trust in local authorities. Based on the data of the All-Russian public opinion polls conducted by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, the article shows that over the past 8 years, trust in local self-government bodies has been at an extremely low level. The main reason for this is the alienation of municipal authorities from citizens. It is possible to overcome this alienation with the help of smart city technologies. On their basis, it is possible to provide openness and accessibility of local self-government bodies for citizens.

Keywords: smart city; institutional trust; trust in local self-governments; civic participation

Information for citation: Petukhov, R. V. (2023), "Restoring trust in local self-governments as a challenge for smart city technologies", *Research Result. Sociology and management*, 9 (1), 68-81. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-7

Введение (Introduction). Двигаясь в общемировом тренде российские города внедряют технологические решения «умного города» (smart city). Передовиками внедрения «умных» технологий являются обе столицы и города-миллионники (Веселова, Хацкелевич, Ежова, 2018: 80). Это не удивительно, так как этот процесс требует довольно высокого уровня финансовой и технологической обеспеченности, который есть далеко не в каждом российском городе. Тем не менее, по состоянию на начало 2021 г. в ведомственном проекте Министерства строительства Российской Федерации «Умный город» участвовало 209 городов, находящихся на разных этапах цифровизации городского хозяйства и управления (Круглый стол..., 2021: 40).

Есть все основания полагать, что в дальнейшем число городов и территорий, реализующих разнообразные цифровые проекты будет только увеличиваться. Последние несколько десятилетий стали наглядным свидетельством того, как быстро меняется внутреннее содержание и устройство городов (Кастельс, 2000: 363, 374), а также их роль в глобальной экономике (Sassen, 2000: 33). Эти процессы порождают новые вызовы, справиться с которыми невозможно без изменения подходов к городскому управлению и хозяйствованию. Технологические решения «умного города» кажутся одним из наиболее

перспективных направлений городского развития, т.к. позволяют более осмысленно, эффективно, экономично и экологично управлять различными сферами жизни города (Harrison, Donnelly, 2011: 2-3, Купряновский, Буланча, Кононов и др., 2016: 42, Хацкелевич, Ежова, 2018: 78).

Методология и методы (Methodology and Methods). На данный момент в российской научной литературе имеется несколько подходов к определению понятия «умный город», которые условно можно разделить на две групп, в первой из которых превалирует хозяйственно-городской взгляд на это явление, а во второй – информационно-технологический (Подробнее см.: Дрожжинов. Купряновский, Намиот и др., 2017: 20 и Макаренко, Логиновская, 2019: 165-167). Автору настоящей статьи ближе всего подход, предложенный профессором С. Н. Максимовым, который полагает, что «на наиболее абстрактном уровне парадигма «умного города» представляется, во-первых, как современный, новаторский способ достижения высокого качества жизни городского сообщества, а, во-вторых, как явление системное, интегрирующее в рамках единого городского пространства такие направления как: 1) умная экономика; 2) умная мобильность; 3) умная среда; 4) умные люди; 5) умная жизнь; 6) умное управление» (Максимов, 2017: 117).

Несмотря на всю перспективность концепции «умного города», исследования, проводимые как зарубежными (Ahvenniemi, Huovila, Pinto-Seppä & Airaksinen, 2017: 242), так и российскими специалистами (Бойкова, Ильина, Салазкин, 2016: 67, Максимов, 2017: 117) показывают, что пока соответствующие проекты сфокусированы преимущественно на решении задач цифровой модернизации материально-технической базы городского управления. Стратегические задачи, связанные с повышением качества жизни горожан, а также обеспечение устойчивого развития городов и других территорий, пока остаются лишь бумажными декларациями. Другими словами, технологии «умного города» внедряются ради внедрения технологий «умного города». При этом, цели, которые должны быть достигнуты с помощью этого инструментария, описываются в общих терминах и довольно абстрактно.

В настоящей статье предлагается посмотреть на «умный город» не с технологической, а с социальной точки зрения. Для этого предлагается поставить во главу угла вопрос о том, какие общественно значимые цели могут быть решены с помощью внедрения соответствующих технологических решений. Если исходить из того, что технологии «умного города» являются инструментом развития, то следует согласиться со специалистами, полагающими что с помощью этих технологии необходимо решать, прежде всего, социально-экономические проблемы и обеспечивать в городах высокое качество жизни (Ганин, Ганин, 2014: 126, Аргунов, 2016: 16, Камолов, Корнеева, 2018: 110-111).

Однако, это тоже довольно абстрактно. Среди российских авторов наиболее точно основную идею концепции «умного города» определил упоминавшийся выше С. Н. Максимов. По его мнению, целью «умного города» является формирование городского сообщества, способного самостоятельно генерировать и реализовывать новые идеи и технологии, а также договариваться внутри и во вне себя об их

практическом внедрении (Максимов 2017, 118). Представляется, что для полной реализации потенциала концепции «умного города» необходимо переходить от постановки технических задач, связанных с внедрением соответствующих технологий, к социально-экономическим.

Конечно, довольно сложно думать о том, какие социальные, экономические и, возможно, политические проблемы могут быть решены с помощью технологий «умного города», когда цифровая модернизация сама по себе является серьезным вызовом. Однако если предположить, что этот барьер уже преодолен и «умные» технологии успешно внедряются по всей стране, то какие социальные, экономические, политические проблемы могут быть решены с их помощью? Выбор велик, так как у современных городов много серьезных проблем. В настоящей статье предлагается подумать о возможности использования этих технологий для восстановления доверия к органам местного самоуправления.

Доверие как основа политического капитала местной власти. Почему именно эта проблема должна быть названа в качестве одной из задач реализации проектов «умного города»? Значимость доверия для общественного развития хорошо известна. Общества с развитой культурой доверия и способностью к ассоциации оказываются более богатыми и развитыми по сравнению со странами, жители которых не доверяют друг другу и своим институтам (Фукуяма, 2004: 36). Такие общества более устойчивы и проходят через социально-экономические и политические кризисы с меньшими потерями (Асемоглу, Робинсон, 2015: 182). Доверие является одной из базовых составляющих политического капитала любых властных институтов (Бурдые, 1993: 209). По мнению П.М. Козыревой, высокий уровень институционального доверия отражает готовность различных слоев населения к конструктивному сотрудничеству с соответствующими институтами и их представителями, что расширяет социальную базу их поддержки (Козырева, 2011:

23). В отличие от электоральных рейтингов, высокий уровень доверия к органам или к отдельным представителям власти указывает не столько на их популярность и известность, сколько на готовность граждан к конструктивному и легальному взаимодействию с ними. В обратной ситуации, когда доверие к властным институтам разрушается (термин П. Штомпки), их политический капитал девальвируется, а социальная база поддержки сокращается. Другими словами, жители будут уклоняться от взаимодействия с городскими властями, если не доверяют институту органов местного самоуправления.

Можно ли управлять современным городом без опоры на его жителей? Наверно это возможно. Ведь история знает много примеров вертикального организованного городского управления, подчиненного воле единоличного управляющего. Однако, без доверия вряд ли получится сформировать «умное» городское сообщество, способное генерировать новые идеи и смыслы, а самое главное договариваться об их внедрении. Неудивительно, что концепция «умного города» предусматривает активное участие жителей в управлении городскими делами (Ганин, Ганин, 2014: 133, Матова, 2019). Такие проекты, как район Сонгдо в пригороде Сеула, являются наглядной иллюстрацией того, что без широкого общественного обсуждения управленцы и профессионалы в сфере градостроительства не могут создать по-настоящему востребованный людьми «умный город» (Василенок, 2018: 14, Антюфеев,

Птичникова, 2019: 10-11, Сизова, 2022). Соответственно, высокий уровень доверия к местным властям должен рассматриваться как важное условие успешности внедрения технологий «умного города» в конкретных муниципальных образованиях. Причем эта задача важна, как в ближайшей перспективе (об этом подробнее ниже), так и для достижения долгосрочных целей формирования «умных» городских сообществ.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Доверие к местным властям в современной России.* Для современной России проблема обеспечения высокого уровня доверия к местным (в том числе и городским) властям, крайне актуальна. Согласно данным всероссийских опросов общественного мнения, проводимых Институтом социологии ФНИСЦ РАН¹ (Рисунок 1), уровень доверия к органам местного самоуправления находится на низком уровне на протяжении уже почти десяти лет (как минимум с 2014 г.). На момент начала наблюдений доля недоверяющих муниципальной власти уже была больше доли доверяющих им (40% против 34% соответственно). В 2016 г. ситуация заметно ухудшилась – органам местного самоуправления не доверяло 54% опрошенных, а доверял – лишь 20%. В 2017 г. процент недоверяющих снизился на 5 п.п., однако, уже следующем году опрос показал, что местным властям не доверяют более половины опрошенных. На этом уровне недоверие оставалось до 2021 г.², когда замеры стали проводиться по измененной методологии³.

¹ В настоящей работе использованы данные мониторингового исследования «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», проводившегося Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2014-2018 гг. и включавшего девять волн опросов общественного мнения, проводившихся по общероссийской выборке (N = 4000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения, а также данные всероссийских опросов

общественного мнения (N = 2000), проводивших в июне 2019 г., в сентябре 2020 г. и в марте 2021 г.

² Следует отметить, что показатель доверия на протяжении всего рассматриваемого периода вел себя зеркально относительно недоверия, а вот доля затрудняющихся с ответом практически не изменялась, находясь в пределах четверти опрошенных.

³ В отличие от опросов предыдущих лет, в 2021 г. респонденты, отвечая на вопрос о доверии или не доверии институтам российской публичной власти, не могли выбрать вариант «затрудняюсь ответить».

Рис. 1. Динамика изменения доверия и недоверия органам местного самоуправления, в %, 2014–2020 гг.

Fig. 1. Dynamics of changes in trust and distrust of local self-government bodies, in %, 2014-2020

Опрос, проведенный Институтом социологии в апреле 2021 г., показал, что органам местного самоуправления доверяют 37% респондентов, а не доверяло 63%. При этом, если сравнить разницу между не доверяющими и доверяющими органам местного самоуправления в 2020 и 2021 гг., то можно заметить, что она осталась практически неизменной – 27 и 26 п.п., соответственно. Отсутствие в анкете варианта ответа «затрудняюсь ответить» заставило респондентов более однозначно сформулировать свое отношение к местной власти.

Анализ распределения доверяющих и недоверяющих органам местного самоуправления среди респондентов из различных типов поселений показал, что разрушение доверия особенно сильно в мегаполисах, в которых местным властям доверяют только 26% опрошенных. В городах – административных центрах субъектов Российской Федерации, районных центрах, иных городах и поселках городского типа соотношение «доверяющих» и «не

доверяющих» органам местного самоуправления, не отличается от среднего по выборке. А вот в сельской местности муниципальным властям доверяют 42% респондентов, что на 5 п.п. больше, чем в среднем по выборке. Низкий уровень доверия, является не только свидетельством кризиса существующей в современной России модели организации местной власти¹, но и препятствием для формирования «умных» городских сообществ. В условиях отсутствия доверия между гражданами и муниципальными властями невозможен конструктивный диалог, являющийся конститутивным условием подлинного «умного» города. Следовательно, без восстановления доверия к местным властям вряд ли возможно ожидать появления полноценных «умных городов». Однако, особенность этой технологии такова, что при правильном и последовательном их внедрении доверие между обществом и муниципальной властью неизбежно должно начать восстанавливаться.

¹ Подробнее о разрушении доверия к органам местного самоуправления и кризисе существующей модели организации местной власти см. след. работы

автора настоящей статьи: Петухов, 2017, Петухов, 2018 и Петухов, 2020.

Таблица 1

Доверие и недоверие органам местного самоуправления
в зависимости от типа населенного пункта, в %, март 2021 г.

Table 1

Trust and distrust of local self-government bodies, depending on the type of settlement, in %, March 2021

Вы в целом доверяете или не доверяете органам местного самоуправления? / Do you generally trust or distrust local self-governments?	Тип населенного пункта / Type of locality					В среднем по выборке / The average of the sample
	Мегалополисы / megalopolis	Областные, краевые, республиканские центры / Regional centers	Районные центры, города не являющиеся районными / District centers, non-district cities	ПГТ / urban - type settlements	Села / Villages	
Доверяют органам местного самоуправления / Trusting LSG bodies	26	38	37	32	42	37
Не доверяют органам местного самоуправления / Distrustful of LSG bodies	74	62	63	67	57	63

«Умные» технологии управления и институциональное доверие. Как отмечает Петр Штомпка, доверие всегда реляционно и тот, на кого оно направлено (адресат доверия), не может его успешно удерживать, не выполняя ожидаемых от него действий (Штомпка 2012: 149). Причем это не обязательно должно быть прямое ответное действие в пользу доверяющего. В случае, когда адресатом доверия является институт, ожидаемым действием является исполнение им своих функциональных обязанностей. Для городской власти основной функциональной обязанностью является управление городом в интересах его жителей. Технологии «умного города» в данном случае могут оказать значительную помощь в сборе и обработке данных о потребностях жителей города, а

также помочь в подготовке и реализации управленческих решений.

Соответствующие технологии уже внедряются в практику управления российскими городами. Однако они пока слабо влияют на отношения между властью и горожанами. И для этого есть целый ряд причин, основной из которых является то, что новые технологии внедряются при сохранении общей отчужденности муниципальных властей от граждан (Петухов, 2017: 68). Например, переход администрации муниципального образования на электронный документооборот должен положительным образом сказаться на времени рассмотрения обращений граждан. Но заявитель по конкретному делу вряд ли положительно оценит соответствующую систему, если

получит формальную и бессодержательную отписку.

Более того, есть цифровые технологии, неправильное внедрение которых может существенно ухудшить отношения между городскими властями и горожанами. К примеру, в последнее время в практике муниципального управления получили широкое распространение программные комплексы, позволяющие мониторить социальные сети и находить в них критические замечания о работе городского хозяйства (системы инцидент-менеджмента). Предполагается, что полученная таким образом информация должна стать основанием для принятия решений по их оперативному устранению. И, действительно, в большинстве случаев это именно так и работает. Однако, если задуматься, то сутью этой технологии негласное наблюдение за горожанами. Такое подглядывание, даже если оно используется в благих целях, вряд ли может

повысить доверие жителей к городским властям. В этом плане гораздо более «здоровыми» являются цифровые сервисы (например, московский «Активный гражданин» или подмосковный «Добродел»), позволяющие жителям по своей инициативе обращать внимание соответствующих служб на проблемы в городском хозяйстве.

Количественно оценить дистанцию между гражданами и органами местного самоуправления довольно сложно, но в качестве ориентира можно использовать данные вышеуказанного опроса Института социологии ФНИСЦ РАН. В соответствии с ними 78% респондентов полагает, что у россиян нет возможности влиять на политику муниципальных (городских) властей (см. рис. 2). Противоположной точки зрения придерживаются 22% опрошенных и лишь 4% из них безусловно согласны с тем, что граждане могут влиять на местную власть.

Рис. 2. Оценка возможности российских граждан влиять на политику муниципальных (городских) властей, в %, 2021 г.

Fig. 2. Assessment of the ability of Russian citizens to influence the policy of municipal (city) authorities, in %, 2021

Потенциал «умных» технологий в преодолении отчужденности местной власти. Как можно изменить эту ситуацию с помощью технологий «умного города»?

Представляется, что для преодоления отчужденности органов местного самоуправления и восстановления к ним общественного доверия необходимы технологические

решения, позволяющие гражданам, с одной стороны, получать больше разнообразной информации о деятельности властей, а, с другой стороны, формировать опыт непосредственного взаимодействия с их представителями. Исследования показывают, что важнейшей основой доверительного отношения является информация об адресате доверия. Она может быть получена как из непосредственного опыта взаимодействия с ним (на органы власти и другие организации экстраполируется опыт взаимодействия с их представителями), так и из опосредованных источников, таких как средства массовой информации (Штопка, 2012: 166). Решение о доверии или не доверии индивидуальному или коллективному адресату строится на оценке его (1) репутации, (2) актуальных достижений, а также (3) характеристик

доступных непосредственному наблюдению (образ) (Штопка, 2012: 182).

Анализ данных опросов общественного мнения также показывает, что для россиян крайне важна информационная и коммуникационная доступность муниципальных властей. Так, например, согласно данным опроса, проведенного ИС ФНИСЦ РАН весной 2021 г. (см. рис. 3), более половины респондентов отметили, что доступность органов власти должна выражаться в открытости информации об их деятельности и возможности личного общения граждан с ее представителями. В свою очередь, для трети респондентов доступность власти заключается в готовности ее представителей дискутировать с инициативными гражданами, а также в открытости информации об их биографии, доходах и недвижимости.

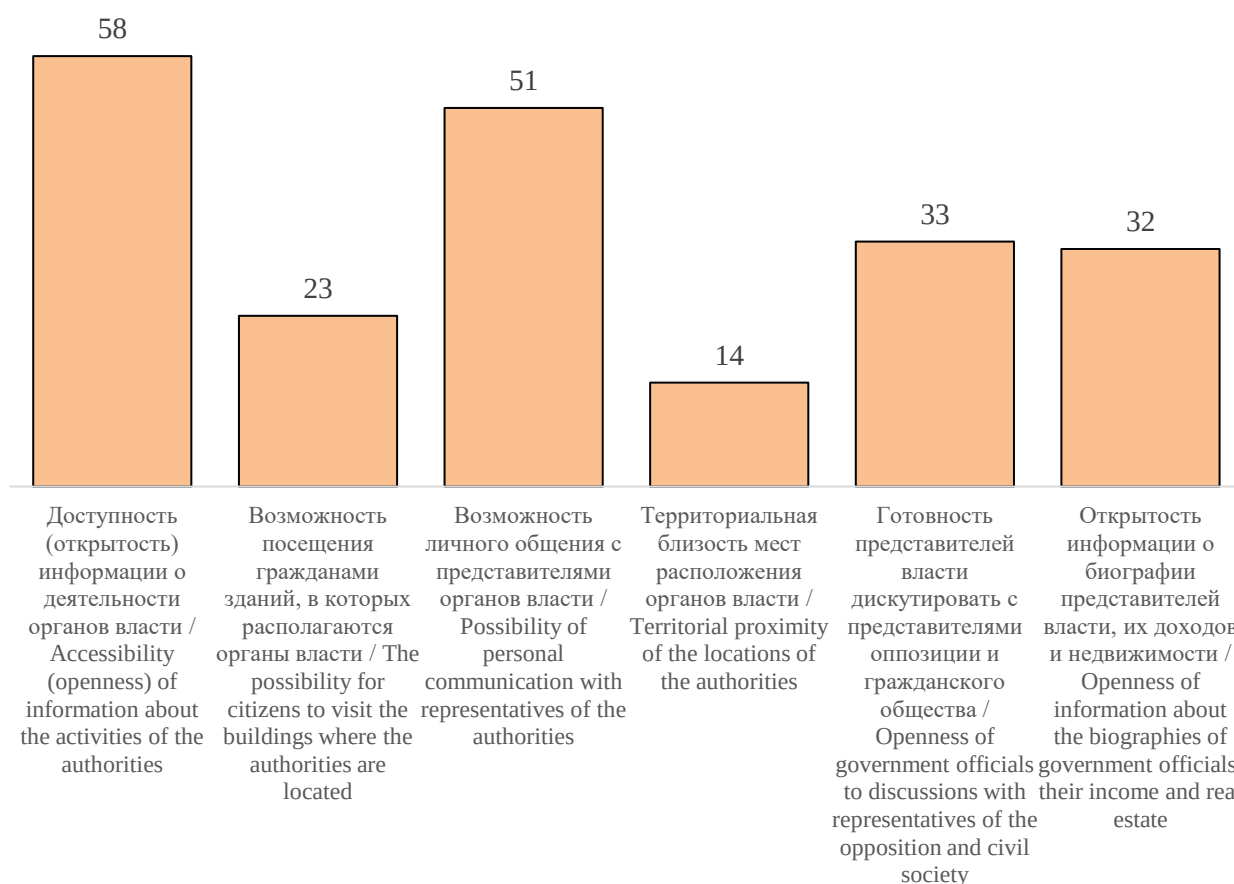

Рис. 3. Распределение мнений о том, в чем должна заключаться доступность органов власти, в %, март 2021¹

Fig. 3. Distribution of opinions on what should be the accessibility of authorities, in %, March 2021

¹ Респонденты могли выбрать не более 3-х вариантов ответа.

Территориальная доступность органов власти и возможность личного посещения зданий, в которых они размещаются, важна только для 14% и 23% опрошенных, соответственно. С определенными оговорками это можно трактовать как готовность россиян коммуницировать с представителями власти не только в физическом, но и в

цифровом пространстве. Именно такие технологии и должны предлагаться в рамках развития концепции «умного города». Их сутью должно стать повышение информационной прозрачности и коммуникационной открытости государственного и муниципального управления.

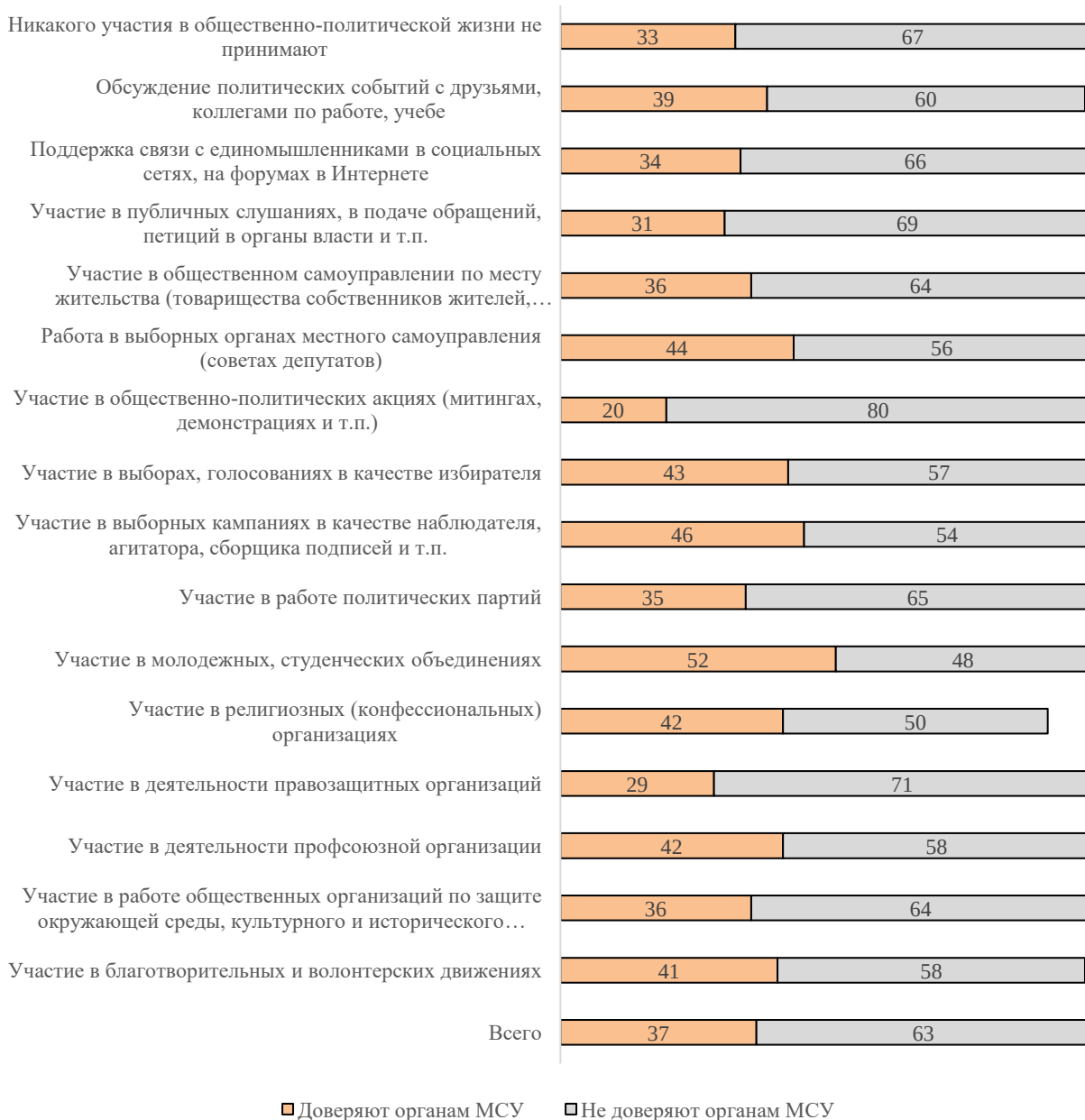

Рис. 4. Влияние опыта гражданского участия на доверие / недоверие органам местного самоуправления, в %, март 2021 г.

Fig. 4. The impact of the experience of civic participation on trust and distrust of local governments, in %, March 2021

Процитируем Петра Штомпку, который очень емко характеризует условия поддержания доверительных отношений между властью и обществом:

«Публичные институты, организации, чиновники, исполняющие публичные роли, экспертные технические системы можно сделать более прозрачными, а отсюда – на вид более дружественными, посредством легкодоступных средств массовой информации, публикаций, открытой информационной политики. Такие решения дают возможность подвергать мир институций и организаций строгому контролю. Аналогично анонимность и дистанция порождают недоверие, поскольку блокируют доступ к существенной информации и не дают возможности оценить достоверность» (Штомпка 2012: 206-207).

Однако, технологии «умного города» должны предоставлять возможности не только для пассивного потребления информации о деятельности местного самоуправления. Такие отчеты и сегодня публикуются в средствах массовой информации. Но создавать площадки для конструктивного взаимодействия между гражданским обществом и местной властью. Шагом в этом направлении являются упоминавшиеся выше проекты типа «Активного гражданина» и «Добродела». Однако, «умные» технологии должно создавать условия не только для оправки жалоб и получение на

них ответов, но и для непосредственного взаимодействия активистов и представителей муниципальной власти при решении конкретных проблемы.

О потенциале различных форм гражданской активности можно судить по данным опросов общественного мнения, проводимых Институтом социологии ФНИСЦ РАН. Как видно на рис. 4, доверительно к органам местного самоуправления чаще склонны относиться те, кто имеет опыт участия в неконфликтных формах взаимодействия между активистами и представителями власти.

Формы гражданского участия можно разделить на три группы в зависимости от того, как опыт участия в них влияет на доверие местным властям (см. Таблицу 2). Наиболее позитивно на доверие к органам местного самоуправления влияет опыт участия в молодежных и студенческих объединениях. Среди респондентов, заявивших о наличии такого опыта, 52% доверяет муниципальным властям, что на 15 п.п. больше, чем в среднем по выборке (37%). В свою очередь, меньше всего доверяющих органам местного самоуправления среди опрошенных, имевших опыт участия в таких общественно-политических акциях, как митинги, демонстрации и т.п. В этой группе муниципалитетам доверяют всего 20%, что на 17 п.п. меньше, чем в среднем по выборке.

Таблица 2

Распределение форм гражданского участия в зависимости от влияния на доверие к местной власти, март 2021 г.

Table 2

Distribution of forms of civic participation depending on the impact on trust in local authorities, March 2021

Формы гражданского участия / Forms of civic participation		
положительно влияющие на доверие к местной власти / forms that positively affect the trust in local authorities	отрицательно влияющие на доверие к местной власти / forms that negatively affect the trust in local authorities	практически не влияющие на доверие к местной власти / forms that practically do not affect the credibility of local authorities
участия в молодежных и студенческих объединениях (+15	участие в общественно-политических акциях (митингах, демонстрациях и т.п.) (- 17 п.п.) / participation in social and	участие в работе общественных организаций по защите окружающей среды, культурного и исторического наследия

п.п.) / participation in youth and student associations (+15 pp.) наблюдателем в выборах разного уровня (+ 9 п.п.) / observer in elections of different levels (+ 9 pp.) работы в выборных органах местного самоуправления (+ 7 п.п.) / work in elected local self-government bodies (+ 7 p.p.) голосования на выборах (+ 6 п.п.) / voting in elections (+ 6 p.p.) участие в религиозных (конфессиональных) организациях (+ 5 п.п.) / participation in religious (confessional) organizations (+ 5 p.p.) участие в профсоюзных организациях (+ 5 п.п.) / participation in trade union organizations (+ 5 p.p.) участие в благотворительных и волонтерских движениях (+4 п.п.) / participation in charity and volunteer movements (+4 p.p.) обсуждении политических событий с друзьями, коллегами по работе, учебе (+ 2 п.п.) / discussing political events with friends, colleagues at work, studies (+ 2 p.p.)	political actions (rallies, demonstrations, etc.) (- 17 p.p.) участие в деятельности правозащитных организаций (- 8 п.п.) / participation in the activities of human rights organizations (- 8 p.p.) участие в публичных слушаниях, в подаче обращений, петиций в органы власти и т.п. (- 6 п.п.) / participation in public hearings, in the submission of appeals, petitions to authorities, etc. (- 6 p.p.) отсутствие какого-либо опыта участия в общественно-политической жизни (- 4 п.п.) / lack of any experience of participation in public and political life (- 4 p.p.)	(- 1 п.п.) / participation in the work of public organizations for the protection of the environment, cultural and historical heritage (- 1 p.p.) общественное самоуправление по месту жительства (ТСЖ, ТОСы, инициативные группы жильцов и т.д.) (- 1 п.п.) / public self-government at the place of residence (homeowners' associations, organizations of territorial public self-government, initiative groups of residents, etc.) (- 1 p.p.) участие в работе политических партий (- 2 п.п.) / participation in the work of political parties (- 2 p.p.) поддержка связи с единомышленниками в социальных сетях, на форумах в Интернете (- 3 п.п.) / support communication with like-minded people in social networks, on Internet forums (- 3 p.p.)
---	--	--

Трактуя приведенные выше данные, можно предположить, что на формирование доверительного отношения к органам местного самоуправления положительно влияет возможность «своими глазами» увидеть, как они работают и чем занимаются. По крайней мере, именно участники разнообразных молодежных движений, наблюдатели на выборах и люди, избравшиеся местными депутатами, больше всего соприкасаются с повседневностью органов местного самоуправления. В свою очередь,

опыт участия (даже единичный) в конфликтных ситуациях между гражданами и представителями власти способен заложить основу для долговременного недоверия. Это крайне важно учитывать при проектировании и внедрении «умных» технологий в практику муниципального управления. Первоначально такие решения должны опираться на конструктивные формы участия, но идеале их целью должно стать изменение отношения к власти участников

конфликтных форм гражданской активности.

Заключение (Conclusions). Подводя итоги, следует еще раз отметить, что технологии «умного города» в современной России потенциально могут решить крайне важную проблему разрушения доверия к муниципальным властям. Основной причиной низкого уровня доверия органам местного самоуправления является их отчужденность от общества. Поэтому цифровизация управленческих процессов на муниципальном уровне не сможет изменить отношения между органами власти и гражданами, если изначально не будет нацелена на сокращение дистанции между ними. Представляется, что для преодоления существующей отчужденности и восстановления доверия к местным властям необходимы технологические решения, во-первых, делающие открытой и доступной информацию о ключевых задачах развития муниципального образования, во-вторых, обеспечивающие прозрачность процесса текущего управления муниципалитетом, в-третьих, создающие условия для индивидуального и коллективного участия граждан в разработке, обсуждении и принятии ключевых решений.

В завершении следует отметить, что «умный город», как и любая иная технология, может приносить обществу не только пользу, но и вред. Поэтому крайне важно, чтобы внедрение технологичных решений и изменение управленческих практик осуществлялось ради решения четко определенных задач и служило цели повышения качества жизни в российских городах.

Список литературы

- Антюфеев А. В., Птичникова Г. А. Умный город, архитектура и человек // Социология города. 2019. № 2. С. 6-13.
- Аргунова М. В. Модель «умного» города как проявление нового технологического уклада // Наука и школа. 2016. № 3. С. 14-23.
- Асемоглу Д., Робинсон Дж. А. Экономические истоки диктатуры и демократии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 514 с.

Бойкова М., Ильина И., Салазкин М. «Умная» модель развития как ответ на возникающие вызовы для городов // Форсайт. 2016. Т. 10. № 3. С. 65–75. DOI 10.17323/1995-459X.2016.3.65.75.

Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.

Веселова А. О., Хацкелевич А. Н., Ежова Л. С. Перспективы создания «умных городов» в России: систематизация проблем и направлений их решения // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2018. Т. 13. № 1. С. 75-89. DOI 10.17072/1994-9960-2018-1-75-89.

Василенко И. А. «Умный город» как социально-политический проект: возможности и риски смарт-технологий в городском ребрендинге // Власть. 2018. Т. 26. № 3. С. 13-19.

Ганин О. Б., Генин И. О. «Умный город»: перспективы и тенденции развития // Ars Administrandi. Искусство управления. 2014. № 1. С. 124-135.

Дрожжинов В. И., Куприяновский В. П., Намиот Д. Е., Синягов С. А., Харитонов А. А. Умные города: модели, инструменты, рэнкинги и стандарты // International Journal of Open Information Technologies. 2017. № 3. С. 19-48.

Камолов С. Г., Корнеева А. М. Технологии будущего для «умных городов» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2018. № 2. С. 100-114. DOI 10.18384/2310-6646-2018-2-100-114.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

Козырева П. М. Доверие и его ресурсы в современной России. М.: Институт социологии РАН, 2011. 172 с.

«Круглый стол» на тему: «Цифровой муниципалитет: проблемы и перспективы законодательного обеспечения» // Местное право. 2021. № 3. С. 39-56.

Куприяновский В. П., Буланча С. А., Кононов В. В., Черных К. Ю., Намиот Д. Е., Добрынин А. П. Умные города как «столицы» цифровой экономики // International journal of open information technologies. 2016. Т. 4, № 2. С. 41-52.

Макаренко К. В., Логиновская В. О. «Умный город»: стандарты, проблемы, перспективы развития // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Компьютерные технологии, управление,

радиоэлектроника. 2019. № 3. С. 165-171. DOI 10.14529/ctcr190316.

Максимов С. Н. «Умный город»: к вопросу о понятии и концепции // Проблемы современной экономики. 2017. № 1 (61). С. 117-120.

Матова Н. И. Проблемы и условия эффективного общественного участия в формировании "умного" устойчивого города // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2019. № 2. С. 65-77. DOI 10.15688/jvolsu3.2019.2.6.

Петухов Р. В. Доверие российского общества к органам местного самоуправления как проблема // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 61-75. DOI 10.17976/jpps/2017.06.05.

Петухов Р. В. К проблеме социального содержания местного самоуправления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6 (148). С. 131-146. DOI 10.14515/monitoring.2018.6.07.

Петухов Р. В. Есть ли связь между разрушениями доверия общества к местным властям и изменениями конституционного регулирования местного самоуправления? // Местное право. 2020. № 3. С. 27-34.

Сизова А. А. Проблемы реализации «умного города» Сонгдо в Республике Корея // Вторая научная конференция студентов и аспирантов «Актуальные проблемы исследования стран Азии и Африки: традиции и современность». Сборник докладов, Санкт-Петербург, 18-19 марта 2022 г. / Отв. редактор Е.О. Старикова. Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия, 2022. С. 177-187.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и пути к процветанию. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.

Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012. 440 с.

Ahvenniemi H., Huovila A., Pinto-Seppä I., Airaksinen, M. What are the differences between sustainable and smart cities? // Cities. 2017. № 60. P. 234-245.

Harrison C., Donnelly I. A. A theory of smart cities. In Proceedings of the 55th Annual Meeting of the ISSS-2011. Hull, UK, 17-2 July 2011.

Sassen S. Cities in a World Economy. Second Edition. Pine Forge Press. 2000.

References

Antyufeev, A. V. Ptichnikova, G.A. (2019), "Smart city, architecture and people", *Urban sociology*, (2), 6-13. (In Russian)

Argunova, M. V. (2016), "The "smart" city model as a manifestation of a new technological order", *Science and School*, (3), 14-23. (In Russian)

Asemoglu, D., Robinson, Dzh. A. (2015), *Ekonomicheskie istoki diktatury i demokratii* [Economic Origins of Dictatorship and Democracy], Izd. dom Vysshey shkoly Ekonomiki, Moscow, Russia, 514. (In Russian)

Boikova, M., Ilina, I., Salazkin, M. (2016), "Smart development model as a response to emerging challenges for cities", *Forsayt*, (3), 65-75. (In Russian)

Bourdieu, P. (1993), *Sotsologiya politiki* [Sociology of Politics], Socio-Logos, Moscow, Russia, 336. (In Russian)

Veselova, A. O., Hackelevich, A. N., Ezhova, L. S. (2018), "Perspectives of creating "smart cities" in Russia: systematization of problems and directions of their solution", *Perm University Herald. ECONOMY*, (1), 75-89. (In Russian)

Vasilenko I. A. (2018), "Smart city as a socio-political project: opportunities and risks of smart technologies in urban rebranding", *Power*, 26 (3), 13-19. (In Russian)

Ganin, O. B. Genin, I. O. (2014), "Smart City: prospects and development trends", *Ars Administrandi. Scientific Journal*, (1), 124-135. (In Russian)

Drozhzhinov, V. I., Kupriyanovskiy, V. P., Namiot, D. E., Sinyagov, S. A., Haritonov, A. A. (2017), "Smart Cities: models, tools, rankings, and standards", *International Journal of Open Information Technologies*, (3), 19-48. (In Russian)

Kamolov, S. G., Korneeva, A. M. (2018), "Technologies of the future for "smart cities"", *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Economics*, (2), 100-114. (In Russian)

Castells, M. (2000), *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kultura* [The Rise of the network society], GU HSE, Moscow, Russia, 608. (In Russian)

Kozyreva, P. M. (2011), *Doverie i ego resursy v sovremennoy Rossii* [Trust and its resources in modern Russia], Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 172. (In Russian)

«Kruglyy stol» na temu: «Tsifrovoy munitsipalitet: problemy i perspektivy zakonodatel'nogo

obespecheniya ["Round table" on the topic: "Digital municipality: problems and prospects of legislative support"] (2021), *Mestnoe parvo*, (3), 39-56. (In Russian)

Kupriyanovskiy, V. P., Bulancha, S. A., Kononov, V. V., Chernyh, K. Yu., Namiot, D. E., Dobrynin, A. P. (2016), "Smart cities as the "capitals" of the digital", *Economy International Journal of open information technologies*, (2), 41-52. (In Russian)

Makarenko, K. V., Loginovskaya, V. O. (2019), "Smart city": standards, problems, development prospects, *Bulletin of the South Ural State University. The Series: Computer Technology, Automatic Control, Radio Electronics*, (3), 165-171. (In Russian)

Maksimov, S. N. (2017), "Smart City": on the question of the concept and concept", *Problems of modern economics*, (1), 117-120. (In Russian)

Matova, N. I. (2019), "The problems and conditions of effective public participation in creating a smart sustainable city", *Journal of Volgograd State University. Economics*, (2), 65-77. (In Russian)

Petuhov, R. V. (2017), "The Russian society's confidence in the local governments as a problem", *Polis. Political Studies*, (6), 61-75. (In Russian)

Petuhov, R. V. (2018), "On the social content of local self-government", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*, (6), 131-146. (In Russian)

Petukhov, R. V. (2020), "Is there a connection between the destruction of public confidence in local authorities and changes in the constitutional regulation of local self-government?", *Mestnoe parvo*, (3), 27-34. (In Russian)

Sizova, A. A. (2022), "Problems of implementation of the "smart city" Songdo in the Republic of Korea", *Vtoraya nauchnaya konferentsiya studentov i aspirantov «Aktualnye problemy issledovaniya stran Azii i Afriki: tradicii i sovremenost»* [The second scientific conference of students and postgraduates «Actual problems of research in

Asia and Africa: traditions and modernity»], Sankt-Peterburg, 18-19 marta 2022 g., ed. by E.O. Starikova, Russian Christian Humanitarian Academy, Sankt-Peterburg, Russia, 177-187. (In Russian)

Fukuyama, F. (2004), *Doverie: sotsialnye dobrodeteli i puti k protsvetaniyu* [Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity], Izdatelstvo AST: ZAO NPP «Ermak», Moscow, Russia, 730. (In Russian)

Sztompka, P. (2012), *Doverie – osnova obshchestva* [Trust: a Sociological Theory], Logos, Moscow, Russia, 440. (In Russian)

Ahvenniemi, H., Huovila, A., Pinto-Seppä, I., Airaksinen, M. (2017), What are the differences between sustainable and smart cities?, *Cities*, 60, 234-245.

Harrison, C., Donnelly, I.A. (2011), A theory of smart cities. In Proceedings of the 55th Annual Meeting of the ISSS-2011. Hull, UK, 17-22.

Sassen, S. (2000), *Cities in a World Economy*. Second Edition, Pine Forge Press.

Статья поступила в редакцию 31 января 2023 г.
Поступила после доработки 12 марта 2023 г.
Принята к печати 15 марта 2023 г.
Received 31 January 2023. Revised 12 March 2023. Accepted 15 March 2023.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Петухов Роман Владимирович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии Федерального научного исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Roman V. Petukhov, Cand. Sci. (Law), Leading Researcher, Center for Complex Social Research, Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Оригинальная статья

УДК 316.776

DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-8

Богданов В. С.

**Тенденции развития российских «умных городов»:
проблемы управления и неравенства**

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
улица Большая Андроньевская, дом 5, строение 1, Москва, 117218, Россия
valarf@mail.ru

Аннотация. Актуальность проблематики «умных городов» в России, зафиксированная в рамках дискуссионных направлений Всероссийской научной конференции XXII Дридзеvские чтения «Прогнозное социальное проектирование: диагностика развития «умных городов», обусловлена сегодня изучением тенденций реформации традиционных городов в стиле «прорыва», а именно становлением нового подхода к преобразованию городских поселений с учетом реализации национальных проектов и новомодного дискурса, базирующегося на технологическом детерминизме, и не до конца понятной, с точки зрения полезности, цифровизации. С одной стороны, такой подход, можно рассматривать как попытку органов власти ответить на современный вызов, связанный с общественным запросом горожан в контексте решения накопившихся социально значимых проблем их среды проживания, особенно в малых и средних городах. С другой стороны, такой подход вызывает не мало вопросов на фоне продолжающегося вымирания малых и средних городов, тенденций их укрупнения, миграционного оттока жителей в более крупные города, отчуждения горожан от управления городом и деформации городских систем управления, в частности воспроизводства имитации реального включения последних в решение вопросов городского развития на базе цифровых платформ. Перечисленные социальные противоречия, к сожалению, либо слабо, либо совсем не актуализированы в качестве проблем в официальных документах и практических мероприятиях по развитию «умных городов». На фоне предполагаемой цифровизации, как приоритетного направления трансформации городской среды, они вряд ли будут решены, и скорее будут способствовать появлению новых гибридных инфосоциальных управленческих барьеров, а также новых типов социальных и цифровых неравенств. Для выяснения реального положения дел в отобранных для пилотажа «умных городах», изучения реальных потребностей их жителей, сбор сведений о которых должен предварять разработку стратегических решений и стать основанием для социально-экономического и цифрового развития городских поселений, в том числе и достижения заданных параметров Стандарта «умных городов»,

необходимо произвести социальную диагностику (социолого-управленческую экспертизу) территориально-поселенческих объектов. Такой социально-обоснованный управленческий подход на основе знаний социальных наук позволит выявить спектр критических социально-экономических и управленческих проблем, внедрить социальные технологии установления и «смягчения» избыточных неравенств городских поселений (инфраструктурные и социальные).

Ключевые слова: городская система управления; рефлексивное управление; социальная обратная связь; коммуникационные технологии; государственное управление; умное управление; умный город; социальное неравенство; качество жизни; организационные и управленческие барьеры; социология управления и организаций

Информация для цитирования: Богданов В. С. Умные люди для «умных городов» (в свете идей Т. М. Дридзе) // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 1. С. 82-94. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-8

Original article

Vladimir S. Bogdanov

**Trends in the development of Russian «Smart Cities»:
problems of governance and inequality**

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
Bld. 1, 5/1 Bolshaya Andronievskaya St., Moscow, 117218, Russia
valarf@mail.ru

Abstract. The relevance of the issues of "smart cities" in Russia, recorded as part of the discussion areas of the All-Russian Scientific Conference of the XXII Dridzev Readings "Predictive Social Design: the diagnosis of the development of "smart cities" is now due to the study of the trends in the reformation of traditional cities in the style of a "breakthrough," namely, the formation of a new approach to the transformation of urban settlements, taking into account the implementation of national projects and newfangled discourse based on technological determinism, and not fully understood, from the point of view of utility and digitalization. On the one hand, this approach can be considered as an attempt by the authorities to respond to the modern challenge associated with the public request of citizens in the context of solving the accumulated socially significant problems of their living environment, especially in small and medium-sized cities. On the other hand, this approach raises many questions against the background of the continuing extinction of small and medium-sized cities, trends of their enlargement, the migration of residents to larger cities, the alienation of citizens from urban management and the deformation of urban management systems, in particular the reproduction of the imitation of real inclusion of the latter in solving urban development issues on the basis of digital platforms. The above social contradictions, unfortunately, are either weakly or not at all updated as problems in official documents and practical measures for the development of "smart cities." Against the background of the alleged digitalization, as a priority direction for the transformation of the urban environment, they are unlikely to be resolved, and will rather contribute to the emergence of new hybrid infosocial management barriers, as well as new types of social and digital inequalities. To clarify the real state of affairs in the selected pilot "smart cities", to study the real needs of their residents, the collection of information about

these residents should precede the development of strategic solutions and become the basis for the socio-economic and digital development of urban settlements, including the achievement of the specified parameters of the Standard of "smart cities," it is necessary to carry out social diagnostics (social and managerial expertise) of territorial-settlement objects. Such a socially based management approach based on the knowledge of social sciences will identify a range of critical socio-economic and management problems, introduce social technologies for establishing and "mitigating" excessive inequalities in urban settlements (infrastructure and social).

Keywords: social inequality; regional inequality; standard of living; quality of life; organizational and governance barriers; sociology of management and organizations; regional governance system; socio-cultural modernization; reflexive management; communication technologies

Information for citation: Bogdanov, V. S. (2023), "Trends in the development of Russian "Smart Cities": problems of governance and inequality", *Research Result. Sociology and management*, 9 (1), 82-94. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-8

Введение (Introduction). Предложенные 28 приоритетных направлений развития «умных городов» для обсуждения на дискуссионных площадках Всероссийской научной конференции XXII Дридзевикие чтения «Прогнозное социальное проектирование: диагностика развития «умных городов» указывают на серьезную концентрацию вопросов, которые накопились в связи с доминированием технократического подхода, определяющего тенденции и способы трансформации традиционных городов – перевод их в разряд «умных». На наш взгляд, из 28 направлений важно выделить четыре главных, касающихся развития городских поселений: 1) качество жизни в «умном городе», 2) субъектность и управление в «умных городах», 3) «умное управление» в цифровом развитии города, 4) прогнозное социальное проектирование – технология управления будущим городов. Эти направления при «умном» социально-контекстуальном подходе могли бы действительно определить эффективный социально-ориентированный вектор развития и научно-обоснованную трансформацию традиционных городов, поставив во главу угла изучение реальных

проблем горожан и локальных социальных ситуаций, сложившихся в городских поселениях.

Пока же при рассмотрении базовых документов ¹ ведомственного проекта «Умный город» можно говорить скорее о том, как органы власти пытаются оценивать свои мероприятия и достижение целевых показателей (индексов) отчетности ведомственной программы Минстроя России, по сути, очень слабо связанных с реальными запросами и проблемами каждого из пилотных поселений. В частности, в 2022 году, заложенные 18 тематических блоков – целевые (базовые) показатели, а также 24 дополнительных показателя Стандарта «умного города» нацелены в большей степени на фиксацию тенденций автоматизации и интеграции муниципальных электронных сервисов в систему межведомственного электронного взаимодействия, а именно для оптимизации обеспечения предоставления в электронной форме государственных и муниципальных услуг, исполнения государственных и муниципальных функций через платформы обратной связи (ПОС) «Госуслуги. Решаем вместе», подачу документов в МФЦ, РГИД,

¹ На сегодняшний день на официальном сайте рабочей группы ведомственного проекта «Умный город» представлено порядка 20 базовых документов, определяющих направления и содержание реформации пилотных городов с учетом достижения ими

целевых (базовых) и дополнительных показателей Стандарта «Умный город». URL: <https://russiasmartcity.ru/documents> (дата обращения: 01.02.2023).

ГИСОГД и др. В целом полезность указанных тенденций можно рассматривать с позиции организации процессов оперативного получения государственных услуг и транспарентности данных как открытость, достоверность и доступность (Савельев и др., 2021). Но ведомственный проект охватывает также проблемы модернизации и оптимизации городской инфраструктуры, строительства жилья, благоустройства города в рамках задач национального проекта «Жилье и городская среда». В связи с этим регионы, а именно муниципальные образования разных областей и уровня - от малых городов до мегаполисов, оценили возможности проекта Минстроя России как попытку «присоединиться» к стороннему источнику финансирования. Губернаторы уже рассматривают потенциальную возможность решить за счет проекта вопрос с коммунальными коммуникациями в городских поселениях, износ которых по данным Счетной палаты составляет 60-70%², а по данным независимой экспертизы достигает 80%. С этой целью губернатор Псковской области, которая уже получает 178 млн. на проектные задачи «умного города» Великие Луки, сделал запрос министру строительства, чтобы в проект могли попасть районные центры, а именно малые и средние города. По мнению губернатора, это вынужденная необходимость, т.к. физический износ объектов инженерно-коммунальной инфраструктуры в Псковской области достигает 78%, а чтобы привести в нормативное состояние все системы тепло- и водоснабжения региону требуется не менее 10 млрд рублей³. Только после этого можно будет создать некий цифровой центр управления, информационно-аналитический центр, в котором руководители региона и

соответствующие ведомства смогут получать исчерпывающую аналитическую информацию о проблемах ЖКХ, прогнозировать возможные аварии. Но как мы понимаем, в таких объемах финансировать малые и средние города всех 89 регионов России никто не будет, а «инструментальный» технократический подход просто забуксует из-за указанной проблемы с системой ЖКХ, и множества других социальных, экономических и организационно-управленческих проблем городов. Плюс такие перманентные, бессистемные решения для отдельных муниципальных образований создают неравные шансы поддержания и развития городских поселений, становятся причиной воспроизводства различных социальных противоречий и избыточных типов неравенств (индивидуальных, социальных, экономических, политических и др.), что фиксировали ещё социологи первой волны (Аитов, 1987)

Что-то подобное происходило с реформированием наукоградов, которые получали финансирование на поддержание социальной инфраструктуры на основании полученного статуса «наукограда». Сегодня сложно оценить эффективность и отдачу всех направленных финансовых средств в наукограды, но эти города уже прошли свой трансформационный путь в постсоветский период, и некоторые из них, к сожалению, перестают в прямом смысле быть научными центрами, превращаясь либо в спальные районы, в которых идет массовая застройка и давно поменялся состав населения, либо становятся административными придатками Москвы, как в случае с городом Троицком, где идет массовая вырубка леса под застройку различных административных объектов и жилищного строительства.

² Фонд ЖКХ оценил износ коммунальной инфраструктуры в России в 60-70% [Электронный ресурс] // «Известия». 2021. 8 августа. URL: <https://iz.ru/1205359/2021-08-10/fond-zhkhk-otcenil-iznos-kommunalnoi-infrastruktury-v-rossii-v-60-70> (дата обращения: 02.02.2023).

³ Псковский губернатор: малые города должны иметь право участвовать в проекте «Умный город» [Электронный ресурс] // ТАСС. 2019. 10 апреля. URL: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/6320322> (дата обращения: 02.02.2023).

К сожалению, исходя из проведенных в стране реформ, мы можем констатировать, что целеполагание реформирования регионов и городских поселений, формируемое и спускаемое в виде целей и задач «сверху», в большей степени опирается на гипертрофированные экономические принципы стратегического управления, закладывая в документы проектирования в большей части технико-технологические и экономико-аналитические данные в виде целевых показателей, от которых все ждут чудесных, порой сиюминутных инструментальных преобразований. Однако, они скорее нагромождают организационную структуру различными искусственными надстройками, призванными в короткий промежуток времени сопроводить новомодный дискурс (как пример, «технопарки», «бизнес-инкубаторы», «кластеры» и т.п.), не вкладывая в них реального смысла управленческих задач для качественных социально-организационных изменений и знаний управленческого типа, гарантирующих достижение реальных целей (социальных эффектов от решения проблем), а не обеспечение ложных смыслов и достижение отчетных значений показателей. По сути, на подобных основаниях формировался и рейтинг (система индексов) «IQ городов», представляющий набор технолого-технологических индексов на основе зарубежных систем рейтингования «умных городов», без учета социокультурных и социально-экономических особенностей российских поселений. В ходе же внедрения рейтинга разработчиков в большей степени волновали вопросы и проблемы, связанные с получением и трансфертом данных:

- проблема «калибровки» – систематизации «умных» территорий, т.к. у нас не города, а муниципальные образования (городские округа, городские поселения и т.д.);
- отсутствие данных в муниципалитетах по субиндексам;
- сложная иерархия различных ответственных учреждений (например, для

получения данных по остановочным павильонам необходимо подавать запрос в: Минстрой, Минтранс, Минцифры);

- подходящие данные имеются только в региональном разрезе;
- отсутствие или недостаточное наличие данных в федеральных органах исполнительной власти и др.

Как мы видим, информация о социально-значимых проблемах и локальной ситуации в потенциальных «умных городах», которая должна изучаться и закладываться в процесс разработки и реализации стратегических решений по развитию городов, уходит на второй план, а может быть и вовсе не востребована. По нашему мнению, квазимодернизация городов на основе узкоспециализированных технико-технологических и экономико-центричных данных может означать не только фиаско очередной реформы, но и погрузить в забвение, привести к вымиранию ещё большее количество средних и малых городов, которых пока насчитывается порядка 900.

Методология и методы (Methodology and Methods). Группа российских исследователей, изучившая опыт реализации мировых практик внедрения смарт-технологий в городскую среду, а также предложившая концепцию продвижения смарт-технологий в практику отечественного городского ребрендинга на основе критического осмысления опыта реализации элементов системы «умный город» в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Казани (Василенко и др., 2018) пришла к выводу, что несмотря на то, что исследования указывают на неготовность горожан в крупных городах (не говоря уже о малых и средних) пользоваться услугами «умного города», в мегаполисах продолжают активно создавать для этого условия, строить «умные объекты», внедрять «умные системы». Ученые приходят к выводу, что «технократический проект «умного города», не связанный с историческими и социокультурными традициями, требует более серьезной гуманитарной адаптации..., а развитие

«умных городов» — это не просто модный урбанистический проект, а весьма актуальная политическая задача» (Василенко и др., 2018: 11). Как констатируют исследователи, первый этап, к сожалению, мы уже упустили, по причине того, что для разработки концепции первых российских «умных городов» приглашали в большей части специалистов технического, информационно-коммуникационного и строительно-архитектурного профиля, но не ученых социальных и гуманитарных наук. Именно по этой причине на периферии внимания исследователей и ученых-практиков оставалось изучение готовности горожан к социальной и психологической адаптации инноваций, новых технологий в среде их проживания. В этом ключе важно обратиться к рекомендациям профессора А.В. Тихонов, который отмечает важность запуска мониторинга государственных реформ и реформирования властно-управленческой вертикали, и в первую очередь изучение функционирования органов власти и управления в контексте модернизации регионов и территориально-поселенческих объектов. Уже проведенные в этом направлении центром Социологии управления и социальных технологий ИС ФНИСЦ РАН исследования указывают на системный характер причин низкой эффективности административных реформ в РФ (Реформирование, 2017). Для решения указанной проблемы необходимо отнести к перспективным такие направления исследований, которые связаны с изучением проблем реформирования системы управления в стране, а именно с установлением противоречий между государством и обществом с позиций теории «общественного договора» (теории Гоббса, Сен-Симона, Конта, работы Дж. Ролза («Теория справедливости»), А. Турена («Возвращение человека действующего»), Т. Дональдсона (теория социального контракта), А. Грамши (фабрикация общественного согласия самим господствующим классом), где властно-управленческая вертикаль выступает как

гибридный институциональный регулятор этих противоречий в условиях современных вызовов и угроз. Переводя это на низший уровень функционирования вертикали (местного самоуправления, уровень администраций предприятий в городских поселениях), можно говорить о том, что предметом исследования должно стать выяснение типа и характера социальных закономерностей в рамках концепции «умного договора», отражающих степень социальной поддержки горожанами работы тех или иных звеньев властно-управленческой вертикали в различных по количеству и составу городах, в конечном итоге, степень управляемости самого процесса цифровизации и модернизации территориально-поселенческих объектов. То есть сами жители «умных городов» должны задавать контуры креативного гуманистического проекта будущего, а приоритетной задачей сегодняшнего дня должно стать налаживание механизмов социальной обратной связи между властью и горожанами (в том числе за счет цифровых платформ), взаимодействующих в одном инфосоциальном и территориальном пространстве для:

- преодоления негативных тенденций, связанных с односторонним видением и решением городских проблем с позиции императива технологий;
- смягчения избыточных цифровых и социальных типов неравенств;
- повышения уровня качества жизни населения за счет создания эффективных институтов, отвечающих за качество социального воспроизводства.

По нашему мнению, для решения обозначенного комплекса задач необходимым условием является то, что исследование «умных городов» должно предусматривать выход на комплексное изучение и практическое решение проблем организации, проведения реформы по преобразованию традиционных городов в «умные». В соответствии с этим необходимо продолжать аккумулировать знания о проблемах, закономерностях и механизмах

управления для упреждения «хромающих решений»⁴, а именно на основе диагностических исследований и натурных экспериментов в конкретных городских поселениях, с последующей за ними разработкой инструментальных средств технологий «умного управления» (Тихонов и др., 2020).

На фоне доминирования административно-управленческого и технико-технологического императивов в процессе трансформации городских поселений возникает социальный запрос на изучение тенденций развития российских «умных городов», в частности на проведение диагностических исследований и натурных экспериментов в конкретных городских поселениях для разработки социально-ориентированных стратегий развития городских поселений на принципах социальной обратной связи. Результатом работы могут стать специальные социотехнические технологии для конкретных территориально-поселенческих объектов – «умных городов». Такие технологии позволят на основе рационально-познавательных процедур изучить имеющиеся ресурсы, избыточные неравенства и организационно-управленческие барьеры через призму структурно-деятельностного подхода, учесть в прогнозно-проектной работе институциональные особенности дисфункциональности городских и региональных управленческих систем, а именно выявить их на основе эмпирических оценок субъектов управления региона (населения, экспертов) (см., например: Тихонов, 2009; Россия, 2017; Реформирование, 2021). По сути, указанные процедуры обеспечат рационализацию управления («умное управление») территориально-производственных и территориально-поселенческих групп за счет использования целеформирующих коммуникативных диагностических

технологий (см., например: Дридзе, 1994; Акимкин, 2015; Щербина, 2018).

Для изучения качества жизни в городских поселениях и деформирующих его избыточных социальных и цифровых неравенств можно применить разработанную в Центре социологии управления и социальных технологий ИС ФНИСЦ РАН методологию рефлексивного управления. Она позволяет обнаруживать различия или сходства в управлении территориально-поселенческими объектами, устанавливать социально-значимые проблемы и организационно-управленческие барьеры, организовывать при запросе органов власти и управления анализ их влияния на различные типы неравенств, разрабатывать механизмы управления территориально-поселенческими объектами (Богданов и др., 2022).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Говоря о тенденциях развития «умных городов» важно понимать, какие смыслы сегодня вкладываются в это понятие, каким эвристическим и диалектическим потенциалом оно обладает для социокультурных и социоэкономических преобразований. По этому поводу автор данной статьи, на очередных Дридзе-ских чтениях (2017 г.), задал вопрос известному российскому социологу, архитектору и урбанисту Яницкому Олегу Николаевичу, а именно уточнил, как он относится к новомодному дискурсу, посвященному проблематике «умных городов», и какой смысл он вкладывает в это понятие. В итоге получил ответ, что для него, это какая-то не совсем понятная смысловая конструкция, и что с ней будет дальше совсем непонятно.

Если обратиться к мнению авторитетного в России эксперта в области территориального развития, исследователя архитектурного наследия Вячеслава Леонидовича Глазычева, то он вкладывает конкретное содержание в это понятие и связывает его с попыткой реформирования городов в

⁴ «Для хромающих решений характерно упрощение, т.е. постоянное стремление решать не то, что надо

решать, а то, что по представлениям субъекта может быть решено». См. (Ахизер, 1995).

соответствии с потребностями современного общества⁵.

На наш взгляд, наиболее четкое определение, соответствующее роли и функциональному назначению городов будущего, предложила рабочая группа ООН «Объединение для «умных» устойчивых городов (U4SSC)»: ««Умный» устойчивый город – это инновационный город, использующий ИКТ и другие средства для повышения уровня жизни, эффективности деятельности и услуг в городах, а также конкурентоспособности, при обеспечении удовлетворения потребностей настоящего и будущих поколений в экономическом, социальном, природоохранном, а также культурном аспектах»⁶.

В настоящее время исследователи с учетом их понимания и осмысления процессов становления и развития «умных городов» предлагают различные версии определения статуса и функционального назначения таких поселений, содержание которых можно связать с одним из трех этапов эволюции западных Smart Cities. Их предложил американский исследователь Бойд Коэн (Cohen, 2015) в своей концепции фазового урбанистического развития умных городов. SmartCity 1.0, абсолютно технократический проект, выражающийся в экономико-технологических интересах корпораций по продвижению новых высокотехнологических продуктов во все сферы жизнедеятельности общества. Начало этой фазы можно связать с 90-ыми годами прошлого столетия, когда стремительно создавались высокотехнологические кластеры в Японии и США. В 2000 годах, это цифровизация городской среды как борьба за инвестиции, кадры (Нью-Йорк, Лондон и др.). В наше время – создание имиджевых Smart Cities с нуля – Сонгдо, Масдар, Конза и др. В городах этой фазы развития система городского

управления была полностью сосредоточена на завоевании уникального технологического лидерства, что диктовалось брендовыми высокотехнологичными компаниями. В этом случае не приходится говорить о механизмах включения горожан в процессы управления городом (Townsend, 2013).

SmartCity 2.0, это фаза связана с упорядочиванием влияния высокотехнологичных компаний на города, которые стали избирательно использовать умные технологии для повышения качества жизни горожан, интегрируя их в свои стратегии развития, создавая интеллектуальные системы управления городским хозяйством. В частности, происходит наложение виртуальных и нематериальных параметров (urban software) городского развития на привычные материальные элементы (urban hardware). В качестве примера можно привести Барселону, где в рамках муниципальной стратегии было реализовано порядка 140 малых проектов, позволивших улучшить функционирование городской среды. Сегодня по этому пути идут Москва, Санкт-Петербург и пилотные города, но это уже считается экстенсивным подходом с превашированием технократических стратегий.

SmartCity 3.0, можно обозначить как антропоцентричную фазу, в основе которой заложено социально-технологическое понимание того, что люди меняются быстрее, чем города. Поэтому необходимо опираться на развивающиеся интересы людей, их досуг и работу. В качестве примера можно привести такие города, как Вена, Сингапур, использующие креативный потенциал студентов, горожан, бизнеса для принятия решений по развитию города, а также для поддержки инноваций и их пилотирования в городской среде.

Отдельные исследователи выделяют уже 4 и 5 фазы развития умных городов,

⁵ Презентация проекта «Умный город». Минстрой России. URL: http://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/323/Prezentatsiya_Umnyi_gorod_.pdf. (дата обращения: 17.01.2023).

⁶ The United for Smart Sustainable Cities (U4SSC). URL:

<https://www.itu.int/en/publications/Documents/tsb/2017-U4SSC-Deliverable-Connecting-Cities/mobile/index.html#p=8> (дата обращения: 17.01.2023).

связывая их с переходом к стратегиям умных наций. Это в первую очередь опыт Сингапура по разработке и реализации стратегии «Умная нация», а также Японской стратегии по построению общества 5.0. Обе стратегии направлены на создание социума сотрудничества через объединение ресурсов не отдельного человека, а социума в целом через интеграцию физического и кибернетического пространств (Норицу, 2017; Камолов, 2019).

Если вернуться к отечественному опыту трансформации городских поселений, то как правильно отмечает известный российский архитектор, градoved А. М. Лола, нам ни в коем случае нельзя оценивать городскую среду критериями городов Запада. Притом, что системное управление развитием городов на Западе стало нормой уже в XX веке, но не стало чем-то подобным для современной России, которая получила в наследство от СССР порядка 1600 новых городов, оказавшись без целостной общегосударственной системы расселения, её инфраструктуры⁷. Такое положение дел привело к критической дифференциации территориально-поселенческих объектов, появлению большого количества «объективных» и «субъективных» факторов неравномерного развития, среди которых: численность населения, экономико-географическое положение, функции и статус города, унаследованная инфраструктура, политика властей разного уровня и крупного бизнеса, качество городской среды и человеческий капитал (Голубчиков и др., 2013). То есть городские поселения, которые были лишены 70 лет основ и механизмов собственного городского управления, а градообразующая база создавалась на основе отраслевого государственного планирования под эгидой марксистской политэкономии «размещение производительных сил страны», столкнулись сегодня с срезными вызовами выживания, особенно малые и средние города. В связи с этим современная

Россия нуждается в становлении новой отечественной системы управления, которая бы позволила избавиться и перейти от рудиментов жесткой административно-командной системы к новым принципам организации управления на основе синкретизма «самоорганизация – организация – управление». Последнее звено – «управление», должно решать задачи не в духе административного подчинения «я начальник, ты дурак», а формировать условия для воспроизводства социальной и социально-сетевой субъектности (см., например: Мерзляков, 2021; Реформирование, 2021; Демьяненко, 2022) для разрешения социальных противоречий города, региона. Это позволило бы приблизить городские системы управления к полноценному включению заинтересованных горожан в процессы управления городом и определить конкретные основания для закрепления контуров «умного договора». В представленном контексте можно обратить внимание на некоторые тенденции и аспекты «умного публичного управления», разворачиваемого в «умных городах» Запада. С одной стороны, оно выражается компонентом легитимности, когда принятие решений сосредотачивается на укреплении легитимности городского управления посредством достижения лучших результатов политики с точки зрения повышения качества жизни и устойчивого развития, а с другой, на актуализации участия граждан и открытых форм сотрудничества (см. например: Василенко и др., 2022;). Получается в основе такого «умного управления» городами заложены две взаимовязанные перспективы: содержание действий правительства как источника легитимности правительства, определяющие и запускающие процессы публичного управления на местах (см., например: Захарова, 2022; Scharpf, 1999; Meijer и др., 2016).

Если говорить про отечественный опыт, то мы пока видим, как с 2018 года в

⁷ Лола А.М. Программа создания основ и механизмов современного городского управления в России на переходный период. М. 2006.

рамках национального проекта «Жилье и городская среда» и национальной программы «Цифровая экономика» предпринимаются попытки цифровизации городского хозяйства пилотных «умных городов». Разработчики ведомственного проекта заявляют, что проектные мероприятия направлены на формирование эффективной системы управления городским хозяйством, повышение конкурентоспособности российских городов, создание безопасных и комфортных условий для жизни горожан и базируются на 5 ключевых принципах: *ориентация на человека, технологичность городской инфраструктуры, комфортная и безопасная среда, повышение качества управления городскими ресурсами, акцент на экономической эффективности, в том числе, сервисной составляющей городской среды*⁸. Однако, в качестве основного инструмента реализации этих принципов называется внедрение передовых цифровых и инженерных решений в городской и коммунальной инфраструктуре. В итоге объектом преобразований становится город (его инфраструктура) в контексте объектно-ориентированного проектирования «умных городов», а ориентация на человека уходит на второй план. Это подтверждается и отсутствием в проектных разработках методологических и содержательных аспектов проблемно-ориентированного подхода для изучения реальных проблем «умных городов» и его жителей.

Подобные тенденции реформирования без горожан, имитации их прямого участия, прослеживаются и в ходе реализации смежного нацпроекта «Комфортная городская среда». Так по проектной документации нацпроекта изучение среды городской жизнедеятельности оценивается по 36 пунктам, расчет которых производится по специальным формулам на основе статистики и данных официальных документов, но никак не на субъективных оценках жителей городов. В итоге соучастие, прямое

включение в разработку и реализацию градостроительных решений, подменяется вовлечением в рейтинговое голосование и обсуждение готовых проектов создания комфортной городской среды (Кияненко, 2022). В нашем понимании, реальное соучастие горожан в изменении городской среды должно осуществляться на принципах социально-обоснованного градоустройства, подразумевающего активную самостоятельность жителей в решении социально-значимых проблем и изменения среды жизнедеятельности (в контексте поддержания человеко-средового метаболизма, см. Т. М. Дридзе) – городского пространства в целом. Такая деятельность может быть нормирована и запрограммирована в рамках совместной разработки комплексной социально-ориентированной стратегии поддержания социальной структуры локального сообщества и социальной инфраструктуры места проживания. Жители же пока остаются заложниками государственного градостроительства и обеспечивающих его поддержание реформ. В этой ситуации горожане выступают в качестве послушных реципиентов профессиональных услуг, населением города, спроектированного специалистами и построенного властью.

Получается, что социально-обоснованное градоустройство и социально-ориентированное управление на принципах социальной обратной связи, которое должно обеспечить разработку вариантных проектных образцов развития «умного города», определить функциональное назначение цифровизации как вспомогательного, а не детерминирующего сущность изменений инструмента, остается пока не востребованными в контексте политики государства и конкретной реформы городских поселений.

Заключение (Conclusions). Внедрение цифровых технологий в разные сферы жизни – экономику, образование, сферу услуг и др., стало новым маркером во властно-политическом дискурсе относительно недавно. Однако этот процесс

⁸ Проект Цифровизации городского хозяйства «Умный город». Минстрой России. URL: [https://www.minstroyrf.gov.ru/trades/gorodskaya-](https://www.minstroyrf.gov.ru/trades/gorodskaya-sreda/proekt-tsifrovizatsii-gorodskogo-khozyaystva-umnyy-gorod/)

[sreda/proekt-tsifrovizatsii-gorodskogo-khozyaystva-umnyy-gorod/](https://www.minstroyrf.gov.ru/trades/gorodskaya-sreda/proekt-tsifrovizatsii-gorodskogo-khozyaystva-umnyy-gorod/) (дата обращения: 17.01.2023).

стремительно набирает обороты. Несмотря на то, что роль и значение цифровых инструментов в процессе модернизации территориально-поселенческих объектов ещё не до конца осознаны, уже запущены национальные проекты, которые связали задачи цифровых преобразований с трансформацией традиционных городских поселений. Нетривиальная задача модернизации российских городов и выведение их на новый качественный уровень устойчивого развития не может быть решена только за счет инструментальных цифровых и инженерных средств, как себе это представляют разработчики ведомственного проекта «Умный город». Мы полагаем, что такой техноцентричный подход не только не позволяет системно подойти к решению накопившихся социально-экономических и организационно-управленческих проблем городов – от малых до мегаполисов, но и никак не способствуют выработке новой системы «умного управления» городами, где первичными являются не объекты сложной антропогенной природы, а субъекты управления ими. В случае «умных городов» это горожане, которые должны самостоятельно определить вектор социально-ориентированного развития их среды жизнедеятельности, активизировать потенциал и ресурсы для социокультурной и технико-технологической модернизации своих городов. Но, к сожалению, это не представляется возможным в условиях актуальной парадигмы градостроительства и объектно-ориентированного подхода, подразумевающего развитие городов только на основе нормативных и технических параметров: территориальное планирование, градостроительное зонирование, планировка территории, архитектурно-строительное проектирование, строительство, капитальный ремонт, реконструкции объектов капитального строительства, эксплуатации зданий, сооружений. В итоге, мы можем констатировать, что с учетом сегодняшних «прорывных» возможностей назрел социальный запрос на переход к социально-

обоснованному градоустройству, подразумевающего на основе проблемно-ориентированного подхода разработку нового типа социально-ориентированных стратегий, проработку вариативных сценариев развития «умных городов» с учетом изучения и нахождения оптимальных способов решения не только проблем города, но и в первую очередь жизненных проблем горожан. В этом направлении Центр социологии управления и социальных технологий ИС ФНИСЦ РАН продолжает научно-исследовательскую работу по изучению локальных социальных ситуаций в городских поселениях, в том числе и в пилотных «умных городах».

Список литературы

- Аитов Н. А. Отношения по расселению. Свердловск: Изд-во УГУ, 1987. 163 с.
- Акимкин Е. М. Социально-управленческий цикл // Социология управления. Теоретико-прикладной толковый словарь. М., 2015. С. 320-321.
- Ахиезер А. С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. Социология. Этнология. 1995. № 1. С. 3-57.
- Богданов В. С., Почестнев А. А. Методология установления управленческих барьеров в реализации политики смягчения неравенств регионов // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 4. С. 102-116. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-9.
- Василенко Е. В., Василенко И. А., Люлько А. Н. «Умный город» XXI века: возможности и риски смарт-технологий в городском ребрендинге. М.: Международные отношения, 2018. 256 с.
- Василенко Л. А., Зотов В. В. Цифровизация публичного управления в России: риски, казусы, проблемы // Цифровая социология. 2020. Т. 3. № 2. С. 4-16. DOI: 10.26425/2658-347X^020-2-4-16.
- Голубчиков О. Ю., Махрова А. Г. Факторы неравномерного развития российских городов // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2013. С. 54-60.
- Демьяненко В. И. Субъектность в решении проблем социально-экономического развития регионов РФ (по материалам дистанционного анализа открытых источников

сети интернет) // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 4. С. 126-147. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-1-1

Дридзе Т. М., Орлова Э. А. Ситуационный анализ социально-воспроизводственного процесса в прогнозном социальном проектировании // Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. М.: Наука, 1994. С. 52-62.

Захарова С. А. Публичное управление умными городами: европейский опыт // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 1. С. 36–43. DOI: 10.26425/2658-347X-2022-5-1-36-43.

Камолов С. Г. О гносеологической сущности «умных городов» // Инновации и инвестиции. 2019. № 1. С. 200–204. DOI: 10.33983/0130-9757-2020-3-50-62.

Кияненко К. В. Социальные стратегии управления развитием города и формированием городской среды в трудах Т. М. Дридзе и в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 3. С. 720-731. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-720-731.

Мерзляков А. А. Местное население как субъект регионального развития // Образование и наука в современном мире. Инновации. 2021. № 6 (37). С. 50-66.

Норицугу У. Общество 5.0: взгляд Mitsubishi Electric // Экономические стратегии. 2017. № 4. С. 2-11.

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов [монография] / отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

Реформирование властно-управленческой вертикали в условиях реализации национальных проектов и активизации процессов спонтанного группообразования: [монография] / отв. ред. А. В. Тихонов; А. А. Мерзляков. ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 455 с.

Савельев И. А., Гусейнова К. Э. Сайты исполнительной власти субъектов РФ как информационный ресурс реализации нацпроектов (по материалам дистанционного анализа) // Заметки ученого. 2021. №12-1. С. 407-414.

Тихонов А. В., Богданов В. С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические

исследования. 2020. № 1. С. 74-81. DOI: 10.31857/S013216250008325-0.

Щербина В. В. Рационализирующие диагностические управленческие социальные технологии. М.: Новый хронограф, 2018. 416 с.

Cohen B. The 3 Generations Of Smart Cities // Fast Company, article published on October 10, 2015.

URL: <https://www.fastcompany.com/3047795/the-3-generations-of-smart-cities> (дата обращения: 25.01.2023).

Meijer A., Rodríguez Bolívar M. P. Governing the smart city: a review of the literature on smart urban governance // International Review of Administrative Sciences. V. 82, №. 2, 2016. Pp. 392-408.

<https://doi.org/10.1177/0020852314564308>.

Scharpf F. Governing Europe: effective and democratic? Oxford: Oxford University Press, 1999. 243 p.

Townsend A. Smart Cities: Big Data, Civic Hackers, and the Quest for a New Utopia. – W. W. Norton & Company, 2013. 400 p.

References

Aitov, N. A. (1987), *Otnosheniya po rasseleniyu* [Resettlement attitudes], UGU, Sverdlovsk, Russia. (In Russian)

Akimkin, E. M. (2015), “Social and management cycle”, *Sociology of management. Theoretical and applied explanatory dictionary*, Moscow, Russia, 320-321. (In Russian).

Ahiezer, A. S. (1995), “Russia: some problems of socio-cultural dynamics”, *World of Russia. Sociology. Ethnology*, (1), 3-57. (In Russian)

Bogdanov, V. S., Pochestnev A. A. (2022) “Methodology for establishing management barriers in the implementation of regional inequality mitigation policy”, *Research Result. Sociology and Management*, 8, (4), 102-116. (In Russian)

Vasilenko, E. V., Vasilenko, I. A., Lyul'ko, A. N. (2018), «*Umny gorod*» XXI veka: *vozmozhnosti i riski smart-tehnology v gorodskom rebrendinge* ["Smart City" of the XXI century: the possibilities and risks of smart technologies in urban rebranding], International relations, Moscow, Russia. (In Russian)

Vasilenko, L. A., Zotov, V. V. (2020), “Digitalization of public management in Russia: risks, incidents, problems”, *Digital sociology*, 3, (2), 4-16. (In Russian)

Golubchikov, O. Yu., Makhrova, A. G. (2013), “Factors of uneven development of

Russian cities", *Bulletin of Moscow University. Geography*, (5), 54-60. (In Russian)

Demyanenko, V. I. (2022), "Subjectivity in solving the problems of socio-economic development of the regions of the Russian Federation (based on the materials of remote analysis of open sources of the Internet)", *Research Result. Sociology and management*, 8, (4), 126-147. (In Russian)

Dridze, T. M., Orlova, E. A. (1994), "Situational analysis of the socio-reproducible process in predictive social design", *Predictive social design: theoretical, methodological and methodological problems*, Science, Moscow, Russia, 52-56. (In Russian)

Zakharova, S. A. (2022), "Public management of smart cities: European experience", *Digital sociology*, 5 (1), 36-43. (In Russian)

Kamolov, S. G. (2019), "On the epistemological essence of "smart cities"", *Innovations and investments*, (1), 200-204. (In Russian)

Kiyanencko, K. V. (2022), "Social strategies for managing the development of the city and the formation of the urban environment in the works of T. M. Dridze and in modern Russia", *Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: Sociology*, 22, (3), 720-731. (In Russian)

Merzlyakov, A. A. (2021), "Local population as a subject of regional development", *Education and science in the modern world. Innovation*, (6, 37), 50-66. (In Russian)

Noritsugu, U. (2017), "Society 5.0: Mitsubishi Electric view", *Economic strategies*, (4), 2-11. (In Russian)

Tikhonov, A. V. (2017), *Rossiia: reformirovanie vlastno-upravlencheskoj vertikali v kontekste problem sotsiokulturnoy modernizatsii regionov* [Russia: reforming the power and management vertical in the context of the problems of socio-cultural modernization of the regions], FNISC RAN, Moscow, Russia. (In Russian)

Tikhonov, A. V. (2021), *Reformirovanie vlastno-upravlencheskoj vertikali v usloviyakh realizatsii natsionalnykh projektov i aktivizatsii protsessov spontannogo gruppooobrazovaniya* [Reforming the power and management vertical in the context of the implementation of national projects and the activation of spontaneous grouping processes], FNISC RAN, Moscow, Russia. (In Russian)

Tikhonov, A. V., Bogdanov, V. S. (2020), "From "smart regulation" to "smart management":

the social problem of digitalization of feedbacks", *Sociological research*, (1), 74-81. (In Russian)

Savelyev, I. A., Huseynova, K. E. (2021), "Sites of the executive power of the constituent entities of the Russian Federation as an information resource for the implementation of national projects (based on materials from remote analysis)", *Notes of a scientist*, (12-1), 407-414. (In Russian)

Shherbina, V. V. (2018), *Ratsionaliziruyushhie diagnosticheskie upravlencheskie sotsialnye tekhnologii* [Rationalizing diagnostic management social technologies], New Chronograph, Moscow, Russia. (In Russian)

Cohen, B. (2015) The 3 "Generations Of Smart Cities", *Fast Company*, article published on [Online], available at: <https://www.fastcompany.com/3047795/the-3-generations-of-smart-cities> (Accessed: 25 January 2023).

Meijer, A., Rodríguez Bolívar, M. P. (2016), "Governing the smart city: a review of the literature on smart urban governance", *International Review of Administrative Sciences*, 82, (2), 392-408.

Scharpf, F. (1999), *Governing Europe: effective and democratic?*, Oxford University Press, 243.

Townsend, A. (2013), *Smart Cities: Big Data, Civic Hackers, and the Quest for a New Utopia*, W. W. Norton & Company, 400.

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2023 г. Поступила после доработки 12 марта 2023 г. Принята к печати 15 марта 2023 г.
Received 28 February 2023. Revised 12 March 2023. Accepted 15 March 2023.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации
Conflicts of Interest: The author has no conflict of interest to declare

Богданов Владимир Сергеевич, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Vladimir S. Bogdanov, Ph. D. in Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

УДК 316.3

DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-9

Василенко Л. А.
Захарова С. А.

Концепт «молодежные сетевые smart-коммуникации»
в проектах «Умный город» в контексте реципрокности

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
проспект Вернадского, дом 82, Москва, 119571, Россия

la.vasilenko@igsu.ru

sa.zakharova@igsu.ru

Аннотация. Ведущая направленность проекта «Умный город» в России – ориентация на человека. Ставится вопрос, какая часть городской молодежи умеет мобилизоваться, выстраивать креативную линию в своей коммуникации? Как умный город может стать технически развитым, комфортным, безопасным, экономически эффективным благодаря такой коммуникации? Рассматривается термин «smart-коммуникация» как коммуникация в сетевом пространстве со смыслом, известном в определенный момент, в определенное время, в определенном пространстве. Свойство реципрокности придает таким сетевым коммуникациям характер взаимовыгодного доверия, повышая их прочность, устойчивость и интенсивность. Авторы рассматривают smart-коммуникации молодежи, основанные на реципрокности, как индикатор прочности отношений, возникающих в структуре сетевого пространства. При этом направленность таких отношений может быть, как позитивной, так и негативной. Примером коммуникаций негативного характера являются обособленные группы течения NEET, которое включает в себя молодых людей и девушек возраста 15-24 лет. Они нигде не учатся, не работают, таким образом, составляют при этом, значимую долю трудодового населения любой страны и представляют для рынка труда большую брешь, не имея базового образования и желания делать что-либо для общества. ООН поставлена цель: снизить количество такой молодежи посредством трудоустройства и обращения внимания с 7,8% в 2018-м до 6,0% к 2027-му году. Авторы обсуждают результаты социологического исследования феномена существования поколения NEET. На основе результатов исследования условий и программ «Умный город» предлагается проектировать позитивные молодежные smart-коммуникации, применяя механизмы перенаправления стихийно возникающих реципрокных молодежных коммуникаций негативного характера в позитивный.

Ключевые слова: «smart-коммуникация»; поколение NEET; молодежь; реципрокность

Информация для цитирования: Василенко Л.А., Захарова С.А. Концепт «молодежные сетевые smart-коммуникации» в проектах «Умный город» в контексте реципрокности // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 1. С. 95-109. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-9

Lyudmila A. Vasilenko | The concept of “youth network smart communications”
Svetlana A. Zakharova | in Smart City projects in the context of reciprocity

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
bld. 82, Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russia
la.vasilenko@igsu.ru
sa.zakharova@igsu.ru

Abstract. The leading focus of the Smart City project in Russia is human orientation. The question is raised, which part of the urban youth is able to mobilize, build a creative line in their communication? How can a smart city become technically developed, comfortable, safe, cost-effective thanks to such communication? The term "smart communication" is considered as communication in a network space with a meaning known at a certain moment, at a certain time, in a certain space. The reciprocity property gives such network communications the character of mutually beneficial trust, increasing their strength, stability and intensity. The authors consider smart youth communications based on reciprocity as an indicator of the strength of relationships arising in the structure of the network space. At the same time, the orientation of such relations can be both positive and negative. An example of negative communication is the isolated groups of the NEET current, which includes young people and girls aged 15-24 years. They do not study anywhere, do not work, thus, at the same time, they make up a significant share of the working population of any country and represent a big gap for the labor market, having no basic education and no desire to do anything for society. The UN has set a goal: to reduce the number of such young people through employment and attention from 7.8% in 2018 to 6.0% by 2027. The authors discuss the results of a sociological study of the phenomenon of the existence of the NEET generation. Based on the results of the study of the conditions and programs of the “Smart City”, it is proposed to design positive youth smart communications, using mechanisms for redirecting spontaneously arising reciprocal youth communications of a negative nature into a positive one.

Keywords: “smart communication”; NEET generation; youth; reciprocity

Information for citation: Vasilenko, L. A, Zakharova, S. A. (2023), “The concept of “youth network smart communications” in Smart City projects in the context of reciprocity”, *Research Result. Sociology and management*, 9 (1), 95-109. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-9

Введение (Introduction). Человечество вступило в цифровую стадию развития информационного общества, называемое цифровым. Оно рассматривается «как суперумное общество гибридного типа, соответствующее шестому технологическому укладу, в котором осуществляется трансгрессия виртуальных отношений в реальный социокультурный мир, накапливается и грамотно используется гибридный коллективный разум» (Василенко, 2021: 7).

Авторы настоящей публикации, в связи с исследованием функционирования «умного» управления в области развития «умных» городов, обращают внимание на смысл термина «умное управление», сформулированного российскими учеными А. В. Тихоновым и В. С. Богдановым, согласно которому осуществляется «поворот от цифрового регулирования к «умному управлению» (smart government) с опорой на участие, партнерство, координацию,

организацию горизонтальных связей и отношений между преобразующей силой сверху и спонтанной самоорганизацией снизу» (Тихонов, Богданов, 2020: 74-81).

Сегодня проводится множество исследований¹ умных городов. Одной из первых в этом ряду была статья П. Холла «Creative cities and economic development» (Hall, 2000), причем обращение к человеку в его трактовке свидетельствует об актуальности полученных им выводов и сегодня. Авторы статьи «Смарт-сити – благополучие для всех?» (Карагулян и др., 2020: 657-678) на основе проведенного контент-анализа более 25 тыс. научных публикаций в области исследований «смарт-городов» из базы данных Science Direct² систематизировали понятийный аппарат (устойчивые города; цифровые города; виртуальные города, интеллектуальные города и др.), а также сформулировали основные подходы и признаки «умных» городов, в том числе в этих городах:

а) «информационно-коммуникационные технологии «органично вписались в городскую инфраструктуру (и способствуют устойчивому развитию)» (Карагулян и др., 2020: 664). В то же время эти интеллектуализированные технологии городской инфраструктуры, осуществляемые через технические устройства и технологии оптимизации хозяйственных ресурсов в системах обеспечения жизнедеятельности граждан, «не включают в управление смарт-сервисами как граждан, так зачастую и самих представителей органов власти – от них не требуется проявлений «умности». Налицо подмена субъектов управления интеллектуализированными агентами» (Василенко, 2021: 12). Поэтому один из первых появившихся концептуальных подходов получил противоречивый результат, не оправдывая вложенные инвестиции. Например, в Сингапуре, Сан-Паулу, Куала Лумпуре,

Бангалоре и др. объемные инвестиции в развитие информационной инфраструктуры не решили такие социальные проблемы как высокий уровень бедности, поляризации, социального неравенства (Hollands, 2008: 311-312);

б) территория, концентрирующая высококвалифицированные кадры, аккумулирующая человеческий капитал, творческий потенциал и продвигающая инновации, а термин «smart» ассоциируется с креативной экономикой (Shapiro, 2006), (Kourtiti et al., 2015);

с) информационные технологии применяются для перехода общества на «умные» системы с использованием больших данных и искусственного интеллекта, а создание «умных» городов рассматривается как способ конкуренции в «умную» эпоху, нацеленный на улучшение функционирования городов и, более важное, «решение городских проблем и улучшение качества жизни горожан» (Harrison et al., 2010: 670).

Все три представленных подхода имеют свои достоинства, но не достаточны для полноценного становления концепции «умного» города. Е. А. Карагулян и его соавторы в своем исследовании провели операционный анализ категории «смартсити» и проанализировали разработанную Р. Гиффингером (Giffinger et al., 2007) методику определения «рейтинга смарт-сити», которая включает комплексные показатели: «умная мобильность, умная экономика, умная окружающая среда, умный образ жизни, умные люди, умное управление», измеряемые 74 индикаторами». Карагулян и его соавторы поддержали вывод Р. Гиффингера, что «умный город невозможен без учета способностей и действий самоотверженных, независимых и осведомленных граждан» (Карагулян и др., 2020: 665), с чем вполне солидарны и авторы настоящей

¹ Данные портала: Smart City Survey 2021: An insight into the problems that smart cities solve for their citizens URL: Умные города в разных частях света: обзор основных проектов. Технологии, инжиниринг,

инновации (integral-russia.ru) за период 1995-2019 гг. (дата обращения 20.03.2022).

² Science Direct представляет собой полнотекстовую баз научных статей и монографий, которая содержит 25 % мировых научных публикаций. Прим. авт.

статьи. Но самое важное, по нашему мнению, такие составляющие его рейтинговой оценки как «умные люди» и «умное управление».

Наличие развитых информационных технологий, применение больших данных, искусственного интеллекта и интернета вещей с огромным количеством датчиков не гарантирует обретение качества «умности» (Василенко, 2021: 12), поскольку не всегда достижение благополучия и комфортного проживания граждан связано с ими освоенными «умными» технологиями, они зачастую рассматривают граждан как ресурс, как пассивных получателей услуг. В то же время, население городов, претендующих на звание «умный», по нашему мнению, должно обладать качествами проактивного участия в их создании с этапа проектирования, а затем выдвижения и реализации инициатив, создания публичных пространств, корректного сочетания IT-технологий, ресурсов, инструментов управления и контроля в формате как отрицательной, так и положительной обратной связи.

Совершенствование способов участия самых разных категорий граждан, определение большого разнообразия их ролей и всевозможную степень их вовлеченности во множество процессов, *включая организацию и функционирование сообществ взаимопомощи, позволит вовлекать в программы и проекты «умных» городов такие группы населения, которые ранее считались «лишними» людьми.*

В настоящей работе мы обращаем внимание на вовлечение в проекты и программы развития «умного» города такой категории молодежи как представители молодежного течения NEET. Данная социальная группа рассматривается в качестве объекта исследования смарт-коммуникации в умном городе. Аббревиатура NEET (Not in Education, Employment or Training) расшифровывается как нет образования, трудоустройства, или обучения, т.е. обозначают соответствующие качества молодых людей от 12 до 25 лет. Эту аббревиатуру первоначально применили в Англии в 1999 году в

докладе правительству о трудоустройстве и занятости населения. Явление NEET возникло как реакция на кризис европейской экономики 1998 года, сопровождаемый ростом безработицы. Безработными оказались молодые люди без образования, неопытные, которые стали существовать за счет родителей. Позднее они адаптировались к данному состоянию и не захотели заниматься чем-либо. Явление становится все более массовым и распространяется по миру. Так, в Японии данную социальную группу называют хикикомори, что переводится «жить в уединении», а само явление «стало рассматриваться как растущий социальный феномен, называемый shakaiteki hikikomori (острый и / или тяжелый социальный уход, социальная изоляция)», так, «в сентябре 2017 г. их численность достигла «1,57 % (около 541 000 чел.)» (Лякина, 2017: 100). При этом возрастает длительность периода их изоляции: «2016 г. 34,7 % опрошенных ответили, что находились в состоянии хикикомори более 7 лет, тогда как в 2010 г. – только 16,7%» о чем свидетельствует рахож выражение ««проблема 8050» (80-летние родители, 50-летние хикикомори)» (Лякина, 2017: 100).

От того, какую роль может играть молодежное течение NEET в городе, зависит рейтинговая оценка «умности» города. А решить эту проблему, по нашему мнению, возможно, применяя разработанные технологии участвующего управления с сетевыми сообществами представителей NEET в смарт-коммуникациях, обладающих качеством реципрокности – того фундамента, на котором зиждется их доверие, и они способны доверять в социально-сетевом пространстве себе подобным.

«Реципрокность рассматривается как важнейшая составляющая в рамках таких социологических теорий как теория обмена» (Барсукова, 2004), «теория социального капитала» (Реутов, Реутова, Шавырина, 2015), «сетевая теория» (Юдина, Захарова, 2015). Г. Хоманс подчеркивал один из самых значимых аспектов и, по-сути, реципрокного социального взаимодействия:

«Люди, которые дают много другим, пытаются получить столько же от них, и от тех, которые получают много от других, находятся под давлением, чувствуя себя обязанными предоставить в ответ равноценные блага» (Homans, 1958).

В то же время, практически во всех публикациях в области теории социальных сетей реципрокность «концептуализируется как один из ключевых факторов устойчивости и интенсивности социальных коммуникаций» (Реутов, Реутова, Шавырина), несмотря на огромное количество и разнообразие содержательных аспектов, начиная от теоретико-методологических подходов (Radaev, 2001) до эмпирического анализа формирования и функционирования сетевых отношений в тех или иных локальных группах (Градосельская, 1999), (Штейнберг, 2004), (Юдина, Захарова, 2015: 23) и др.

Сегодня «члены сети оказывают друг другу взаимную поддержку и проявляют эмоциональное участие. Взаимовыгодные отношения строятся на основе единых для всех участников сети социальных норм и ценностях. Устойчивость сети достигается благодаря реципрокности» (Юдина, Захарова, 2017: 39). По существу, для малоресурсных групп населения нашей страны социальные сети являются одним из основных видов социальной поддержки и защиты, особенно актуальной в современных условиях. Однако влияние социальных сетей простирается гораздо дальше уровня повседневного общения. «Страхуя отдельных людей, они оказывают стабилизирующее влияние на всю социальную структуру особенно внизу социальной пирамиды, что необходимо в непростые, кризисные этапы жизни общества» (Юдина, Захарова, 2017: 30). И могут также сформировать новую реальность для представителей NEET в сетевых сообществах посредством smart-коммуникаций.

Методология и методы (Methodology and methods). Исследование базируется на следующих теоретико-методологических основаниях. На целевых ориентирах, положенных в основание российского проекта «Умный город»³, т.е. повышения конкурентоспособности российских городов, формирования эффективной системы управления городским хозяйством, создания безопасных и комфортных условий для жизни горожан и пяти ключевых принципах:

- ориентация на человека;
- технологичность городской инфраструктуры;
- повышение качества управления городскими ресурсами;
- комфортная и безопасная среда;
- акцент на экономической эффективности, в том числе, сервисной составляющей городской среды.

Такой выбор методологических оснований обусловлен тем, что в описании российского проекта «Умный город» обозначена направленность на создание безопасных и комфортных условий для жизни горожан, а также тем, что первый принцип этого проекта ориентирован на человека. Но поскольку этого мало, мы акцентируем внимание на необходимости реализации проактивного гражданского участия и расширения их ролевой палитры в создании, функционировании и развитии «умного» города.

Под термином «smart-коммуникация» в исследовании принята коммуникация в сетевом пространстве, обладающая свойством реципрокности, осуществляемая со смыслом, известном в определенный момент, в определенное время, в определенном пространстве. В качестве «smart-коммуникации» предполагаются кратковременные сетевые социальные контакты молодых респондентов, не имеющих другой значимости, ценности для коммуникантов, кроме как конструирования социальных

³ Проект Цифровизации городского хозяйства «Умный город». Официальный сайт Минстрой России. URL: minstroyrf.gov.ru (дата обращения: 29.12.2022).

отношений на основе взаимовыгодного доверия. Таким образом, смарт-коммуникации, основанные на реципрокности могут стать показателем отношений, которые возникают в структуре сетевого пространства, особенно, среди молодежи. С одной стороны, молодежь обладает такими характеристиками, как: умение мобилизоваться, выстраивать креативную линию в своей коммуникации, на нее нужно и можно ориентироваться. С другой стороны, не вся молодежь рассматривается ресурсом развития «умных» городов. Оценка их воздействия на социум может носить как позитивный, так и негативный характер.

Поэтому возникает ряд вопросов. Когда молодежная коммуникация может обладать качествами «смарт», т.е. будет считаться «умной»? Кто в «умном» городе может построить такого рода коммуникации? Какие виды сетевых сообществ в этих коммуникациях участвуют? Как и при каких условиях сетевая коммуникация будет способствовать тому, чтобы город стал «умным»?

Цель исследования выяснить социальный портрет представителей молодежного течения NEET, кто они, какая коммуникация возникает среди них, что они могут дать обществу, и что общество может дать им, а также, как этому могут

способствовать «смарт-коммуникации» в медиапространстве? Необходимо выявить причины отсутствия у молодых людей образования и работы, нежелания трудоустраиваться и выяснить планы на будущее, а также возможности «умного» города построить с такими группами молодежи реципрокные «смарт-коммуникации» с перспективой возвращения из в активную жизнь «умного» города, будут ли они участвовать в судьбе собственно родного города.

Важность этого вопроса обусловлена тем, что «проблема поколения NEET обозначена ООН как одна из ключевых целей человечества: никогда раньше столь значительная часть молодежи не была выключена из процесса обучения или работы еще на старте»⁴. ООН использует показатель, который отражает долю «молодежи (в возрасте 15-24 лет)», не имеющей образования, работы или профессиональной подготовки (также известный как «показатель NEET») и поставила глобальную задачу снизить долю молодежи 15-24 лет с 7,8% в 2018-м до 6,0% к 2027 году) (Рисунок)⁵.

Как видно на фрагменте диаграммы, Россия на 20 месте, оставив позади Канаду, Италию и Испанию. В России доля представителей течения NTTT – «от 12 до 15%»⁶.

⁴ Доля молодежи (в возрасте от 15 до 24 лет), которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков. Цели в области устойчивого развития. Европейская экономическая комиссия ООН. URL: <https://w3.unece.org/SDG/ru/Indicator?id=120> (дата обращения: 12.01.2023).

⁵ Доля молодежи (в возрасте от 15 до 24 лет), которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков. Цели в области устойчивого

развития. Европейская экономическая комиссия ООН. URL: <https://w3.unece.org/SDG/ru/Indicator?id=120> (дата обращения: 12.01.2023).

⁶ Выросло целое поколение NEET-детей, которые не хотят учиться, а тем более работать. URL: Выросло целое поколение NEET-детей, которые не хотят учиться, а тем более работать | Университет «Синергия» | Дзен (dzen.ru) (дата обращения: 12.01.2023).

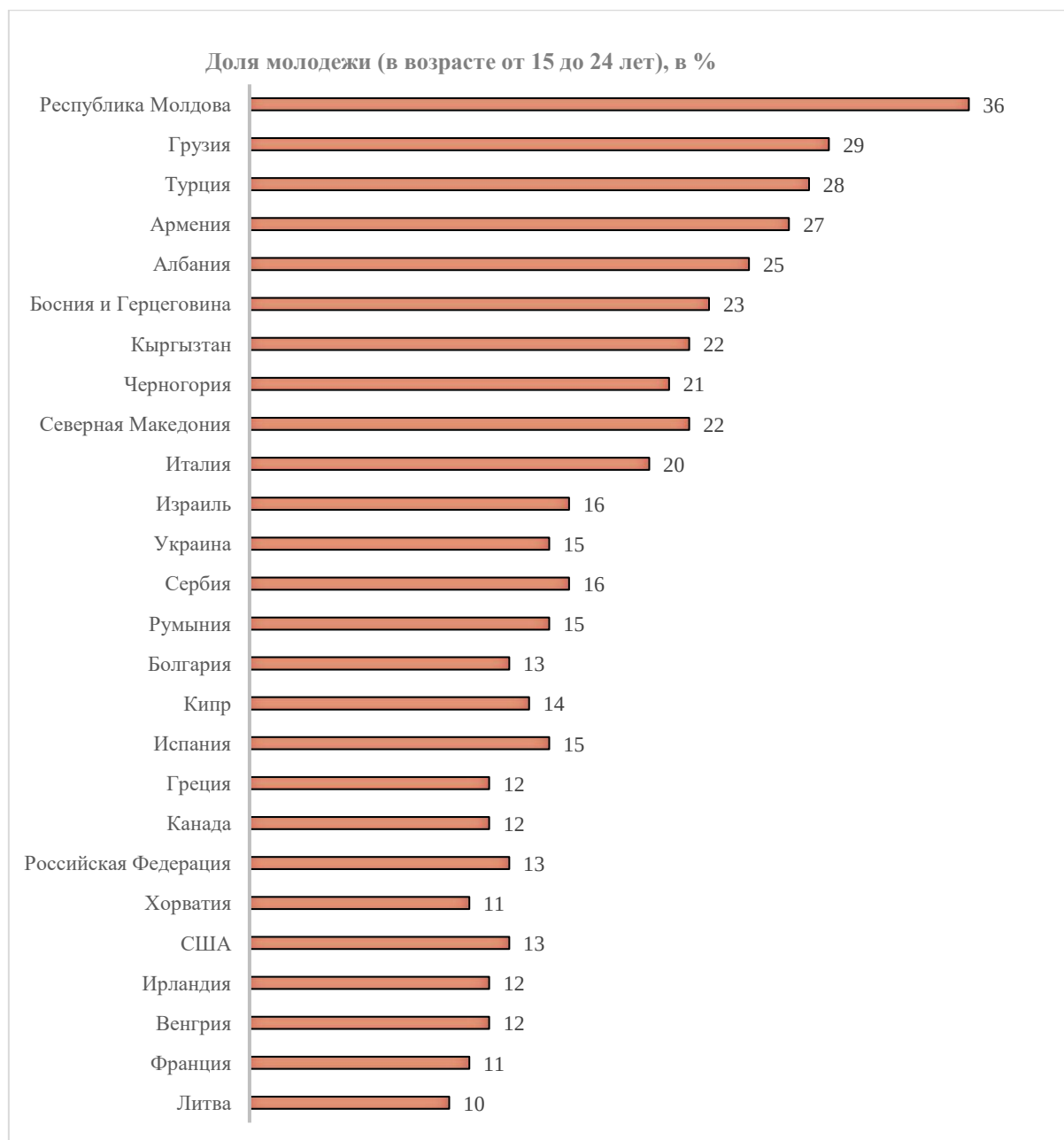

Рис. Доля молодежи течения NEET, в %.
Fig. The share of NEET current youth, in %.

Эмпирическая база:

1. «Социологический портрет представителей сетевых сообществ течения NEET». Исследование пилотное. Метод исследования: фокусированное онлайн интервью. Научный руководитель исследования: кандидат социологических наук, доцент С.А. Захарова. Выборку составили 25 человек в возрасте от 15-24 лет города Москвы, относящиеся себя к поколению NEET.

2. «Оценка деятельности органов публичного управления в социально-сетевом пространстве». Метод исследования: анкетный опрос населения, проведенный в октябре 2020 г. в рамках научного проекта № 20-011-00694 «Публичное управление как конфигурирование релятивных сетей в публичном пространстве цифрового общества» при финансовой поддержке РФФИ. Научный руководитель проекта – доктор социологических наук, Л.А. Василенко. Опрос

населения осуществлен в г. Москве, как субъекте Российской Федерации с лидирующими позициями в цифровизации публичного управления (N=350), и г. Курске – типичном городе центрального региона по уровню развития (N=350)» (Василенко, 2021: 5).

Научные результаты и дискуссия (Research results and Discussion). Выбор интервью способом онлайн объясняется тем, что респонденты хорошо адаптированы к дистанционному общению и не всегда выражают желание встречаться лично.

Статистический анализ и данные вторичных социологических исследований показал, молодежные течения NEET не однородны. Представителей данного поколения делят на маргиналов и элиту. В проведенном авторами статьи исследовании эти группы также имели место. Судя по ответам на вопросы, в элитную группу входят представители течения NEET с наличием профессии и документом об образовании, мечтающие о хорошо оплачиваемом трудоустройстве.

К маргинальной группе отнесем тех, кто не учится и не собирается трудоустраиваться.

Содержательно вопросы интервью делились на блоки:

- о семейном положении и образовании;
- о причинах отсутствия образования;
- о работе, причин ее отсутствия;
- об источниках и ожиданиях от дохода.

Также интервьюируемым были заданы вопросы об их удовлетворенности жизнью и видения ими своего будущего, об участии в жизни родного города, перспектив его развития.

Социологический портрет элитарной подгруппы течения NEET.

Элитарная подгруппа течения NEET представляет собой примерно десятую долю всей генеральной совокупности.

Это внешне вполне благополучные индивиды, они имеют либо высшее, либо среднее профессиональное образование, но

не работают. Пока их кто-то содержит (родителя, родственники, сожители), они не особенно беспокоятся. Только третья часть из них продолжает заниматься поиском работы.

По их словам, они «частично довольны жизнью» или стараются «улучшать качество жизни», понимая под этим чтение книг, занятия творчеством, прогулки с друзьями. Они много проводят времени за компьютером, в основном в сетевом общении с себе подобными.

По семейному положению они не женаты или не замужем, хотя имеются те, кто состоит, по их выражению, «в отношениях» и это, как правило, девушки, живущие за счет своего молодого человека.

Из интервью, молодой человек, 19 лет: *«... я живу с родителями, есть еще одна квартира. Бабушка оставила в наследство. Мама ее сдает, и весь доход – он мой. Зачем мне работать. Я пока не хочу, я пока думаю, чем бы заняться.... Сразу работу мне не предлагают, только на испытательный срок, а меня не устраивает...»*

...я участвую иногда в разных акциях от активного гражданина, голосую, но чисто из личного интереса. Мне не плевать, что в моем районе творится... ради кого-то не стал бы, а так, там есть интересные предложения, я голосую. ... на собеседования хожу иногда. Я смотрел, листал порталы города, заглядывал на разные темы, там, где глаз сразу останавливался, что цепляло, на них переходил, читал что люди выбирают. И на том и останавливался...»

Говоря о планах на будущее, интервьюируемые обсуждают возможность поиска работы, либо открытие собственного бизнеса.

Социологический портрет маргинальной подгруппы течения NEET.

Более многочисленная подгруппа под условным названием «маргиналы» – это зачастую отчаявшиеся молодые люди. Именно этот контингент наиболее проблемный и многочисленный и

потенциально выступает социальной базой для вовлечения в криминал. Более 90 % из них не женаты или не замужем,

Половина из них получила среднее образование, но далее учиться не планирует, а 15 % из них не имеет и среднего образования. Ответы на вопрос о причинах отсутствия дальнейшего образования можно выстроить в следующей рейтинговой последовательности:

- не получилось сдать ЕГЭ;
- не захотелось продолжать учебу;
- взял академический отпуск и не вернулся;
- ушел работать;
- не поступил в вуз;
- появился ребенок и вышел на работу;
- получил инвалидность;
- родители обеспечили работой после школы;
- отчислили из института.

Отсутствие работы респонденты данной подгруппы объясняют следующим образом:

- обеспечивают родители;
- без опыта не берут на нормальную зарплату;
- обеспечивает молодой человек;
- не берут с инвалидностью на работу.

Понятие о нормальной работе связывается с размером оплаты и их претензии достаточно высоки: от 100 тыс. руб. до 500 тыс. руб. Им нечего терять, только треть опрошенных планирует устроиться на работу. Часть из них все же периодически ищет подработку. При этом большинство из них на данный момент особой активности в трудоустройстве не проявляет,

Если определять их образ будущего, часть из них все же мечтают закончить среднее или получить профессиональное образование, планируют заняться поиском работы, но это «позже», «в будущем», «когда-нибудь». В формате мечты говорят о возможности заняться бизнесом, собственным делом, но на это нужен начальный капитал, а где его взять?

Что интересно: среди них нет недовольных, большинство из них «частично довольны жизнью».

Из интервью, молодая девушка, 22 года: *«...я живу с родителями, мой парень дает мне денег, не всегда. Но работать не вижу смысла. Родители тоже дают мне денег, но редко. Была на собеседованиях, но зарплата маленькая... хотелось бы не менее 100 тысяч, а предлагают около 30 000 р., т.к. после школы не училась больше... Думаю, что выбрать. И, вообще, замуж надо, выйду, рожу. И все, зачем работать... На порталах бываю, если, мне не нравится что-то, пишу на «Наши город», не знаю, жду ответы, потом забываю. Я хочу сделать мир красивым, но не знаю, как... И потом желание пропадает. Родители всегда плохо жили, ругались, я так не хочу. Хочу, чтобы с моим парнем мы жили по-другому, если он сможет мне помочь... Пока не получается жить отдельно».*

«Смарт-коммуникации» с молодежными сетевыми сообществами течения NEET в «умном» городе.

По отношению к представителям молодежных течений NEET имеет смысл применить концепцию «мягкого управления» («soft power», «soft government») (Харченко, 2007), согласно которой к такой категории молодежи не может применяться директивное управление, а само управление возможно через настройку сетевой среды. В этом плане результативность данной деятельности возможна на основе разработки специальных институциональных и саморегуляционных механизмов управления (Зубок, Чупров, 2008).

Отметим и общий контекст сетевых коммуникаций в г. Москве, т.е. наличие высокого уровня недоверия по поводу возможности граждан выступить равноправными субъектами управления. Этот вывод следует из анализа данных массового опроса населения города Москвы (Василенко, 2021: 13). «17,6 % граждан-респондентов вообще не верят в способность специализированных онлайн-площадок (активный гражданин, краудсорсинг) «решать

общественно значимые проблемы» (Василенко, 2021: 14)., а более 40 % респондентов воспринимает эти ресурсы как имитацию активного взаимодействия с населением, что показывает весьма низкий уровень реципрокности таких сетевых взаимодействий.

В то же время результаты пилотного исследования, проведенного авторами статьи, позволяют делать вывод, что молодежные сообщества течения NEET вполне могут участвовать в реципрокных взаимодействиях с органами власти г. Москвы. У всех опрошенных респондентов много свободы и свободного времени, особенно, у инвалидов. Они могут получать знания, если будет мотивация. Для темы статьи важно, что они готовы откликаться на проблемы города, реагировать, кто-то из праздного интереса, кто-то из-за того, что «не безразлично, что вокруг них». Более активное взаимодействие с ними позволит сохранять их в поле социализации, не упускать их из поля внимания. И здесь возможна сложность в процессе привлечения их к конкретному взаимодействию, потому что есть доля равнодушия в ответах. Для этого следует мониторить уровень доверия в сетевом сообществе за счет согласования интересов и потребностей данной социальной группы через перевод управленческого воздействия на систему изменения их ценностных оснований, применения технологий «менеджмента публичных ценностей» («public value management») и участвующего управления. Стимулирование процессов постепенного перевода представителей течения NEET в проактивных граждан возможно не менее чем в два этапа:

а) построения смарт-коммуникаций с сетевыми сообществами течения NEET, создания примеров перевода их единичных представителей в состояние активных участников решения общественно значимых проблем;

б) задействование этих единичных участников в качестве модераторов внутри сообществ с целью более широкого

вовлечения представителей течения NEET в реципрокные коммуникативные действия.

Еще два методологических основания для создания практических механизмов «смарт-коммуникаций» связано:

- с концепцией социального капитала.

П. Бурдьё в конце прошлого столетия сформулировал тезис, что «социальный капитал определяется отношениями взаимного обмена ожиданиями, которые поддерживаются существующими в конкретном обществе рынками и культурами» (Bourdieu, 1985), согласно Дж. Коулмену, «социальный капитал есть потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, целерационально формируемый в межличностном пространстве» (Коулмен, 2001:122 – 139), Р. Патнэм сформулировал, «что социальный капитал содержится в таких элементах общественной организации как социальные сети, социальные нормы и доверие (networks, norms and trust), создающих условия для координации и кооперации ради взаимной выгоды» (Putnam, 1995). В процессе взаимодействия с представителями течения NEET следует отслеживать накопление социального капитала, определяя уровень доверия, изменение норм социальных взаимодействий в их сетевых сообществах, а в итоге закрепление новых качеств социальных отношений, объем и качество взаимно доступных ресурсов партнеров общения;

- с феноменом спонтанной социализированности (Фукуяма Ф., 2004), т.е. «способность собираться вместе в сплоченные группы» в условиях социальных изменений. Эта способность базируется на осознании необходимости преодоления деструктивных норм поведения, обозначая ценностные основания социокультурного ядра, вокруг которого происходит согласование позиций участников процессов и становление нового порядка, т.е. нормальный процесс эволюционного позитивного развития» (Василенко, 2018: 49).

Изменение поведения представителей течения NEET связано с конструированием нового социального порядка, определяю-

щего императивы их поведения, и инструменты самоорганизации, использующие потенциал спонтанной социализации и социального капитала.

Особенности построения «сма-коммуникаций с представителями элитарной подгруппы течения NEET.

Материалы фокусированного интервью и вторичных исследований позволили сконструировать некоторые возможные направления построения реципрокных коммуникаций с сообществами течения NEET в рамках проектов Правительства Москвы и различных волонтерских движений, состоящих из молодежи, направленных на помощь различным социальным меньшинствам - инвалидам, больным детям, пенсионерам. Но, социальные связи потом могут помочь им найти работу.

Так, используя желание представителей течения NEET много сидеть за компьютером и общаться в сетевых сообществах с себе подобными, возможно в процессе обсуждения интересных тем для сетевых сообществ инкорпорировать информацию «вирусного» типа для порождения проактивных действий с их стороны. Для этого потребуется:

- создать банк данных «вирусной» информации для стимулирования активности сетевых сообществ и порождения молодежной моды на проактивные действия в социуме. Для создания информации вирусного типа вполне продуктивно использование средств мультипликации и других визуальных средств (Hill, 1984), (Goffman, 1979); (Штомпка, 2007), (Шмарион, Землянская, 2022);

- провести отбор участников сетевых сообществ, обладающих авторитетом и доверием;

- организовать специальную подготовку отобранных участников для работы в качестве модераторов;

- привлечь наставников, обладающих знаниями медиации, для консультирования обученных модераторов;

- предложить достаточно широкий спектр тематики обсуждений: взаимопомощь, образ и мечты о будущем, поиск работы, обсуждение книг и кинофильмов, разработка сценариев компьютерных игр, открытие творческих студий, открытие собственного бизнеса, креативные индустрии и т.п.;

- разработать спектр предложений по профориентации, трудоустройству, социальным инновациям и общественным проектам на конкурсной основе для представителей сетевых сообществ течения NEET различного типа (для элитарных и маргинальных групп) и включить соответствующие компоненты в спектр тематики для обсуждений и в банк данных «вирусной» информации;

- предложить молодежи этого течения задачи практического участия в рамках государственных программ, особенно, в проекте «Умный город»;

- предложить НКО, занимающимся молодежными вопросами, привлечь данные молодежные сообщества, посредством социальной рекламы к участию в собственных проектах, к примеру, в Национальной инициативе по комплексному развитию российских городов «Живые города»¹, которые приглашают горожан, представителей НКО, бизнеса и власти разных уровней и федеральные институты развития в кооперацию по развитию городов.

Молодые люди, придерживающиеся течения NEET, могут склоняться к аномии, к деликвентному поведению, поэтому во избежание такого развития ситуации необходимо, чтобы они были отвлечены, а труд, в том числе, виртуальный, может сделать их активными участниками в общественной жизни общества «с высоты» их возможностей, возможно, потом они захотят вылезти из «собственной скорлупы», выйти

¹ Сайт Национальная инициатива Живые города.
URL: <https://живыегорода.рф/#popup:infoblock> (дата обращения: 24.12.2022).

из своего замкнутого мира, своей комнаты и заниматься реальной деятельностью, либо совмещать разные виды деятельности в естественной и виртуальной реальностях. Однако, эффект может обеспечить и материальное поощрение такой деятельности.

В роли коммуникантов и важных акторов могут выступить органы власти через волонтерские молодежные движения, к примеру, студенческие парламентские клубы, или волонтеры Победы и др. Молодежь может на своем языке призвать себе подобных в команду пассивных, посредством поиска в сообществах.

Заключение (Conclusions). Социальные и экономические причины являются первостепенными в возникновении данного поколения. В первую очередь, просматривается проблема образовательного неравенства; также, отказ от работы и учебы по причинам тяжелой инвалидности. Что интересно, многие из них признают, что добровольно сделали выбор в пользу данного варианта жизни. Из рекомендаций авторов предлагается проектировать позитивные молодежные смарт-коммуникации, применять механизмы перенаправления стихийно возникающих реципрокных молодежных коммуникаций негативного характера в позитивный. Выявить сообщества, в которых они сидят. Предложить им посредством рекламы возможные варианты трудоустройства, профориентации, предложить поучаствовать в краудсорсинговых проектах (на определенную тему, расширить, таким образом, их кругозор, применить их знания, либо навыки работы в онлайн-пространстве в созидательном смысле и др.). В заключении можно предположить, что такое поколение может негативно повлиять на умы своих сверстников, ко всему плохому и лени быстро привыкают, через смарт коммуникацию они могут привлечь на свою сторону еще больше молодых людей. Реципрокность здесь играет ведущую роль, поскольку, доверяя друг другу, можно на многое сподвигнуть своих единомышленников через смарт коммуникацию.

Список литературы

Барсукова С. Ю. Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами: теория и практика реципрокности. Препринт WP4/2004/02. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 52 с.

Бурдые П. Социоанализ. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2001. 288 с.

Василенко Л. А. Цифровой прорыв: достаточно ли умным в цифровом государстве будет публичное управление и насколько умны элита и граждане // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 3. С. 6-15.

Василенко Л. А. «Нормальная аномия»: трансформация институтов в условиях сложного социума // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 3. С. 45-56. DOI: 10.18413/2408-9338-20184-3-0-4.

Градосельская Г. В. Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологический журнал. 1999. № 1/2. С. 156-163.

Зубок Ю. А. Чупров В. И. Риск в сфере образования молодежи: институциональные и саморегуляционные механизмы управления // Вопросы образования. 2008. № 4. С. 31-56.

Карагулян Е. А., Захарова О. В., Батырева М. В., Дюссо Д. Л. Смарт-сити – благополучие для всех? // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17, № 3. С. 657-678.

Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121-139.

Лякина Я. С. Феномен хихикомори: обзор исследований. Новосибирский государственный университет, 2018. DOI: <https://doi.org/10.25205/2658-4506-2018-11-1-99-153>.

Реутов Е. В., Реутова М. Н., Шавырина И. В. Проблемы и перспективы общественного участия в регионе // Вестник Белгородского государственного университета им. В.Г. Шухова. 2015. № 4. С.209-212.

Тихонов А. В., Богданов В. С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 74-81. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250008325-0>.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. М.:

ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.

Харченко К. В. Мягкое управление в современном обществе: тактика или стратегия? // Технологии мягкого управления в социальных системах. Белгород, 2007.

Шмарион Ю. В., Землянская А. В. Рискованное воздействие визуального контента на социализацию молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 4. С. 22-30. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-3, URL: <http://rsociology.ru/journal/article/2948/> (дата обращения: 20.12.2022).

Штейнберг И. Психология неэквивалентных обменов в сетях социальной поддержки городских и сельских семей // Вестник общественного мнения. 2004. № 6(74). С. 52-57.

Штомпка П. Визуальная социология: Фотография как метод исследования. М.: Логос, 2007. 200 с.

Юдина Е. Н., Захарова С. А. Социальные сети в зеркале социологии: монография. М., 2017. 164 с.

Юдина Е. Н., Захарова С. А. Социальные сети в свете научных парадигм // Труд и социальные отношения. 2015. № 3. С. 23-34.

Blau P. Exchange and Power in Social Life. N. Y.: Wiley, 1986. P. IX.

Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education, ed. by J. G. Richardson, Greenwood, N.Y., 1985.

Giffinger R., Fertner C., Kramar H. et al. Smart cities. Ranking of European medium-sized cities. 2007. URL: http://www.smart-cities.eu/download/smart_cities_final_report.pdf. (Accessed 20 December 2022).

Goffman E. Gender Advertisements: Studies in the Anthropology of Visual Communication. Harper – Collins Publishers, 1979. 485 p.

Hall P. Creative cities and economic development // Urban Studies. 2000. Vol. 37, № 4. P. 639-649. DOI: <https://doi.org/10.1080/00420980050003946>.

Harrison C., Eckman B., Hamilton R., Harts-wick P., Kalagnanam J., Paraszcak J., & Williams P. Foundations for Smarter Cities. IBM Journal of Research and Development. 2010. Vol. 54, № 4. DOI: <https://doi.org/10.1147/JRD.2010.2048257>.

Hill M. R. Exploring visual sociology and the sociology of the visual arts, Vance Bibliographies, Monticelli, 1984.

Hollands R. G. Will the real smart city please stand up? // City. 2008. Vol. 12, № 3. P. 303-320. DOI: <https://doi.org/10.1080/13604810802479126>.

Homans G. C. Social Behavior as Exchange. American Journal of Sociology. Vol. 63. 1958. Pp. 597-606.

Kourtit K., & Nijkamp P. Exploring the “New Urban World” // The Annals of Regional Science. 2015. № 56. Pp. 591-596. DOI: 10.1007/s00168-015-0717-6.

Putnam R. D. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy, Princeton University Press, Princeton, 1993.

Radaev V. Urban Households in the Informal Economy // Explaining Post-Soviet Patchworks, ed. by K. Segbers, Ashgate, Aldershot. 2001. Vol. 2. Pp. 333-361.

Shapiro J. M. Smart cities: Quality of life, productivity, and the growth effects of human capital // Review of Economics and Statistics. 2006. Vol. 88, № 2. Pp. 324-335. DOI: <https://doi.org/10.1162/rest.88.2.324>.

References

Barsukova, S. Ju. (2004), *Nerynochnye obmeny mezhdru rossijskimi domohozjajstvami: teorija i praktika reciprokostij* [Non-market exchanges between Russian households: theory and practice of reciprocity], Preprint WP4/2004/02. M GU VShJe, Moscow, Russia. (In Russian)

Burd'e, P. (2001), *Socioanaliz. Al'manah Rossijsko-francuzskogo centra sociologii i filosofii Instituta sociologii Rossijskoj Akademii nauk* [Socioanalysis. Almanac of the Russian-French Center of Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences], Institute of Experimental Sociology, Moscow, Russia; Alteia, Saint-Petersburg, Russia. (In Russian)

Vasilenko, L. A. (2021), “Digital breakthrough: will public administration be smart enough in a digital state and how smart are the elite and citizens”, *Digital sociology*, 4(3), 6-15, DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-3-6-15. (In Russian)

Vasilenko, L. A. (2018), ““Normal anomie”: transformation of institutions in a complex society”, *Research Results. Sociology and management*, 4 (3), 45-56. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-4/. (In Russian)

Gradosel'skaja, G. V. (1999), “Social networks: exchange of private transfers”, *Sociological Journal*, (1/2), 156-163. (In Russian)

Zubok, Ju. A. Chuprov, V. I. (2008), "Risk in the field of youth education: institutional and self-regulatory management mechanisms", *Educational studies*, (4), 31-56. (In Russian)

Karaguljan, E. A., Zaharova, O. V., Batyreva, M. V., Djusso, D.L. (2020), "Smart City - well-being for everyone?", *AlterEconomics*, 17 (3), 657-678. (In Russian)

Koulman, Dzh. (2001), "Social and human capital", *Social Sciences and Contemporary World (ONS)*, (3), 121-139. (In Russian)

Ljakina, Ja. S. (2018), *Fenomen hihikomori: obzor issledovanij* [The giggomori phenomenon: a review of research], Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia. (In Russian)

Reutov, E.V., Reutova, M.N., Shavyrina, I.V. (2015), "Problems and prospects of public participation in the region", *Bulletin of BSTU named after V.G. Shukhov*, (4), 209-212. (In Russian)

Tihonov, A.V., Boglanov, V.S. (2020), "From "smart regulation" to "smart management": the social problem of digitalization of feedbacks", *Sociological Studies*, (1), 74-81, DOI: S013216250008325-0. (In Russian)

Fukujama, F. (2004), "Trust: Social Virtues and the path to Prosperity", AST: ZAO NPP "Er-mak", Moscow, Russia, 730. (In Russian)

Kharchenko, K. V. (2007), "Soft management in the contemporary society: Tactics or strategy?", *Tekhnologii myagkogo upravleniya v sotsialnykh sistemakh* [Soft control technologies in social systems], Belgorod, Russia. (In Russian)

Shmarion, Yu. V., Zemlyanskaya, A. V. (2022), "Riskogenic impact of visual content on the socialization of young people", *Research Result. Sociology and management*, 8(4), 22-30. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-3. (In Russian)

Shtejnberg, I. (2004), "Psychology of unequal exchanges in social support networks of urban and rural families", *The Russian Public Opinion Herald*, 6 (74), 52-57. (In Russian)

Shtomka, P. (2007), *Vizual'naJa sociologija: Fotografija kak metod issledvoanija* [Visual sociology: photography as a research method], Logos, Moscow, Russia, 200. (In Russian)

Judina, E. N., Zaharova, S. A. (2017), *Social'nye seti v zerkale sociologii: monografija* [Social networks in the mirror of sociology: monograph], Moscow, Russia, 164. (In Russian)

Judina, E. N., Zaharova, S. A. (2015), "Social networks in the light of scientific paradigms", *Trud i social'nye otnoshenija*, (3), 23-34. (In Russian)

Blau, P. (1986), *Exchange and Power in Social Life*, Wiley, N. Y.

Bourdieu, P. (1985), The forms of capital, *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*, ed. by J.G.Richardson, Greenwood, N.Y.

Giffinger, R., Fertner, C., Kramar, H. et al. (2007), Smart cities. Ranking of European medium-sized cities [Online], available at: http://www.smart-cities.eu/download/smart_cities_final_report.pdf. (Accessed 20 December 2022).

Goffman, E. (1979), *Gender Advertisements: Studies in the Anthropology of Visual Communication*, Harper – Collins Publishers, 485.

Hall, P. (2000), Creative cities and economic development, *Urban Studies*, 37(4), 639-649. DOI: <https://doi.org/10.1080/00420980050003946>.

Harrison, C., Eckman, B., Hamilton, R., Hartswick, P., Kalagnanam, J., Paraszczak, J., & Williams P. (2010), Foundations for Smarter Cities, *IBM Journal of Research and Development*, 54, (4), DOI: <https://doi.org/10.1147/JRD.2010.2048257>.

Hill, M. R. (1984), *Exploring visual sociology and the sociology of the visual arts*, Vance Bibliographies, Monticelli.

Hollands, R. G. (2008), Will the real smart city please stand up?, *City*, 12(3), 303-320, DOI: <https://doi.org/10.1080/13604810802479126>.

Homans, G.C. (1958), Social Behavior as Exchange, *American Journal of Sociology*, 63, 597-606.

Kourtit, K., & Nijkamp, P. (2015), Exploring the "New Urban World", *The Annals of Regional Science*, (56), 591-596. DOI: 10.1007/s00168-015-0717-6.

Putnam, Robert D. (1993), *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*, Princeton University Press, Princeton.

Radaev, V. (2001), Urban Households in the Informal Economy, *Explaining Post-Soviet Patchworks*, ed. by K. Segbers, Ashgate, Aldershot, (2), 333-361.

Shapiro, J. M. (2006), Smart cities: Quality of life, productivity, and the growth effects of human capital, *Review of Economics and Statistics*, 88 (2), 324-335, DOI: <https://doi.org/10.1162/rest.88.2.324>.

Статья поступила в редакцию 31 января 2023 г.
Поступила после доработки 01 марта 2023 г.
Принята к печати 15 марта 2023 г.

Received 31 January 2023. Revised 01 March 2023. Accepted 15 March 2023.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Василенко Людмила Александровна, доктор социологических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия.

Lyudmila A. Vasilenko, Doctor of Sociological Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

Захарова Светлана Арменовна, кандидат социологических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия.

Svetlana A. Zakharova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

УДК 316.43

DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-10

Зотов В. В.

Общественно-профессиональная экспертиза управленческих решений по общественно значимым проблемам города

Московский физико-технический институт
(национальный исследовательский университет)
переулок Институтский, дом 9, Долгопрудный, Московская область, 141701, Россия
om_zotova@mail.ru

Аннотация. Комплексный характер управленческих решений по общественно значимым проблемам города требует учитывать знания, потребности и ценности заинтересованных сторон. Целью данного исследования является обоснование общественно-профессиональной экспертизы в качестве возможного формата участия представителей заинтересованных сторон в процессе решения общегородских проблем, а также разработка коммуникативного механизма, который позволит давать мотивированные заключения по принимаемым решениям. Для достижения данной цели были осуществлены 1) социальная диагностика в формате экспертного и массового опросов, давшая основания для верификации проблемы использования экспертного знания в управленческих решениях; 2) концептуализация в рамках системы управления городом понимания содержания общественно-профессиональной экспертизы, которая позволила определить её как человекообразное обсуждение стейкхолдерами (в том числе и экспертами) информации по общественно значимым проблемам в целях облегчения принятия ответственных решений уполномоченными лицами; 3) проектная разработка коммуникативного механизма предлагаемого формата экспертизы на основе конфигурирования релятивных сетей. Включение органами городского управления в процесс обсуждения управленческих решений такого рода экспертизы даст возможность оперативно урегулировать общественно значимые вопросы, требующие анализа больших массивов информации и применить на практике ещё одну форму соучастия граждан в разрешении общегородских проблем.

Ключевые слова: общественно-профессиональная экспертиза; город; общественно значимые проблемы; стейкхолдеры; эксперты; управленческое решение

Информация для цитирования: Зотов В. В. Общественно-профессиональная экспертиза управленческих решений по общественно значимым проблемам города // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 1. С. 110-122. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-10

Vitaly V. Zotov

Public and professional expertise managerial decisions on publicly significant problems of the city

Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University)
bld. 9, Institutsky Ln., Dolgoprudny, Moscow Region, 141701, Russia om_zotova@mail.ru

Abstract. The complex nature of managerial decisions on publicly significant problems of the city must take into account the knowledge, needs and values of stakeholders. The purpose of this study is to substantiate public and professional expertise as a possible format for the participation of stakeholders in the process of solving citywide problems, as well as the development of a communicative mechanism that will allow giving motivated conclusions on the decisions made. To achieve this goal: 1) social diagnostics were carried out in the format of expert and mass surveys, which provided grounds for verifying the problem of using expert knowledge in managerial decisions; 2) conceptualization within the framework of the city management system of understanding the content of public and professional expertise, which allowed to define it as a human-sized discussion by stakeholders (including experts) of information on publicly significant problems in order to facilitate the adoption of responsible decisions by authorized persons; 3) design developing of a communication mechanism of the proposed expert review format based on configuration of relational networks. The inclusion by city authorities in the process of discussing managerial decisions of expertise of that type will make it possible to quickly find a solution to publicly significant issues that require the analysis of large amounts of information and put into practice another form of citizens' complicity in solving citywide problems.

Keywords: public and professional expertise; city; publicly significant problems; stakeholders; experts; managerial decision

Information for citation: Zotov, V. V. (2023), "Public and professional expertise managerial decisions on publicly significant problems of the city", *Research Result. Sociology and management*, 9 (1), 110-122. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-10

Введение (Introduction). В настоящее время в российских городах проживает 3/4 населения¹. Это делает город главным местом обитания человека, от качества жизни в котором зависит его благополучие. Современный город формирует особое пространство, ориентированное на поддержание комфортных условий проживания. Но обеспечение комфорта горожан связано с решением большого спектра общественно значимых проблем, то есть проблем, которые с точки зрения значительного числа членов городского сообщества, прямо или косвенно влияют на

жизненное благополучие и требуют совместных усилий по преодолению.

Урегулирование данных проблем возможно, если муниципалитет располагает собственными ресурсами. Этим требованием удовлетворяет относительно крупный населённый пункт, например, город областного подчинения. Именно муниципальное образование подобного рода «обладает наименьшей дистанцией между уровнем принятия управленческих решений по проблемам городской жизни и уровнем непосредственного потребления населе-

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Росстат: Федеральная служба государственной

статистики. URL https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 13.02.2023).

нием социальных благ, предусматриваемых такими решениями; при ограниченности ресурсов социально-экономического развития имеет лучшие возможности распоряжаться ими – оперативность, подконтрольность, манёвренность» (Луков, Доскальчук, 2009: 241).

Можно предположить, что решению этих задач будет способствовать использование в публичном управлении партисипативного подхода (Василенко, Зотов, Захарова, 2020; Чебан, 2020). Его ценность заключена в возможности привлечения представителей заинтересованных сторон к социальному контролю деятельности публичной власти, обеспечения учёта их интересов при выработке и реализации управленческих решений, создания основ для проявления инициативы при разрешении общественно значимых проблем города. Это служит средством профилактики напряжённости в городском социуме, позволяет добиваться определённого консенсуса или приходиться к определённому компромиссу. И здесь возникает проблема создание такого механизма коммуникации заинтересованных сторон, который бы учитывал возможность во время взаимодействия достижение единства их взглядов на решаемые проблемы городской жизни.

Из-за сложного характера управленческих решений по проблемам города требуется организовать гибкий и прозрачный процесс учёта разнообразия мнений. По этой причине органы власти вынуждены учитывать знания, потребности и ценности заинтересованных сторон в рамках специально организованного процесса систематической экспертной оценки управленческих решений органов власти и отсева необдуманных и нецелесообразных до момента их принятия. Необходимость в такой оценке обусловлена тем фактом, что принимаемые варианты выхода из проблемных ситуаций обычно имеют многочисленные последствия, сопровождаются определенными рисками, которые часто трудно предвидеть без

детального изучения и консультаций с затрагиваемыми сторонами. В этом случае «экспертные отношения есть форма общественного диалога, направленная на мобилизацию общественного мнения для принятия согласованных решений» (Щеглов, 2022: 783).

Методология и методы (Methodology and Methods). В данной статье акцент делается на разработки методики публичного управления на основе экспертного знания. Целью данного исследования является обоснование общественно-профессиональной экспертизы возможного формата участия представителей заинтересованных сторон в процессе разработки управленческих решений по общественно значимым проблемам города, а также разработка коммуникативного механизма, который позволит давать мотивированные заключения по рассматриваемым вопросам. Методологической основой для проведения исследования стали:

- концепция субъект-субъектного управления А. В. Тихонова (Тихонов, 2000), в рамках которой управление понимается как организуемые доминирующим субъектом совместные действия для достижения определённых продуктивных результатов и/или сохранения целостности управляемой системы.

- концепция стейкхолдеров Э. Фримена (Freeman, 1984), позволяющей найти решение многих социальных проблем путём налаживания эффективного взаимодействия «заинтересованных лиц»;

- концепция эпистемологических сообществ П. Хааса (Haas, 1992), позволяющая организовать учёт мнения сети экспертов при определении проблемы, с которыми сталкиваются органы власти, содействующая выработке управленческих решения и оценки результатов их реализации.

- концепция партисипативного публичного управления Дж. Малгана (Mulgan, 2008), ориентирующая на

соучастие населения в процессах разработки, принятия и даже реализации стратегических решений, осуществлении общественного контроля деятельности органов власти;

– концепция анализа “критических” систем В. Ульриха (Ulrich, 1983), которая позволяет учитывать нормативные ценности и установки «заинтересованных лиц» при проектировании новой или модернизации существующей социальной системы, организовывать диалог между субъектами с двумя типами мышления: экспертным, системным и практическим, обыденным.

В работе предполагается использование следующих методов:

1) метод социальной диагностики в виде экспертного и массового опросов, которые дали основания верифицировать проблему использования экспертного знания в управленческих решениях;

2) метод концептуализации для формирования общего понимания содержания общественно-профессиональной экспертизы в рамках системы управления городом;

3) метод социального проектирования, который позволят дать описание коммуникативного механизма общественно-профессиональной экспертизы.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Социальная диагностика проблемы использования экспертного знания управленческих решениях. Социальная диагностика как процесс исследования проблемы использования экспертного знания на различных этапах управленческих решений выступает необходимой ступенью для разработки заявленного коммуникативного механизма.

Для того, чтобы определить заинтересованные стороны, заинтересованных в урегулировании общегородских проблем, обратимся к результатам экспертного опроса среди представителей городского общества (представители

бизнеса, общественных организаций, политических партий, научно-образовательного сообщества), власти (государственные и муниципальные служащие различных уровней) и медиаторов (сотрудники центра управления регионом и средств массовой информации). Данный опрос был проведён среди 126 респондентов в начале 2022 года при помощи Google форм.

На вопросе «Кто является в пространстве публичных коммуникаций заинтересованной стороной в решении общественно значимых проблем?» подавляющее большинство респондентов называют лидеров общественного мнения, служащих органов муниципальной власти, представителей бизнес-структур и непосредственно горожан (рис. 1).

Деятельность именно этих стейкхолдеров участник опроса признали крайне важной, имеющей первостепенное значение. Простое большинство опрошенных участников в качестве значимых стейкхолдеров указывают на представителей некоммерческого сектора, политических партий и общественно-политических объединений, а также федеральных и региональных госслужащих.

Показательно, что респонденты роль экспертов (аналитиков) в решении общественно значимых проблем в пространстве публичных коммуникаций признали несущественной. И это в то время как экспертами принято считать специалистов, имеющих теоретические и практические заделы в определённой области научного знания, знание об условиях протекания ключевых процессов, факторах их детерминации и механизмах их регуляции. Отметим, что к «экспертам» отнесены те лица, чьи знания по интересующему предмету (в нашем случае уровень ориентации в общественно значимой проблеме и информированность о ситуации) были получены благодаря жизненному опыту, образованию или профессиональной деятельности, в то

время как заинтересованной стороной являются отдельные лица, группы или организации, которые могут быть затронуты управленческими решениями органов власти и/или оказать воздействие на процесс разработки, принятия или

реализации такого решения. Отметим, что при этом представителей экспертного сообщества можно рассматривать как ещё одного стейкхолдера, а представителей заинтересованных сторон как носителей экспертного знания.

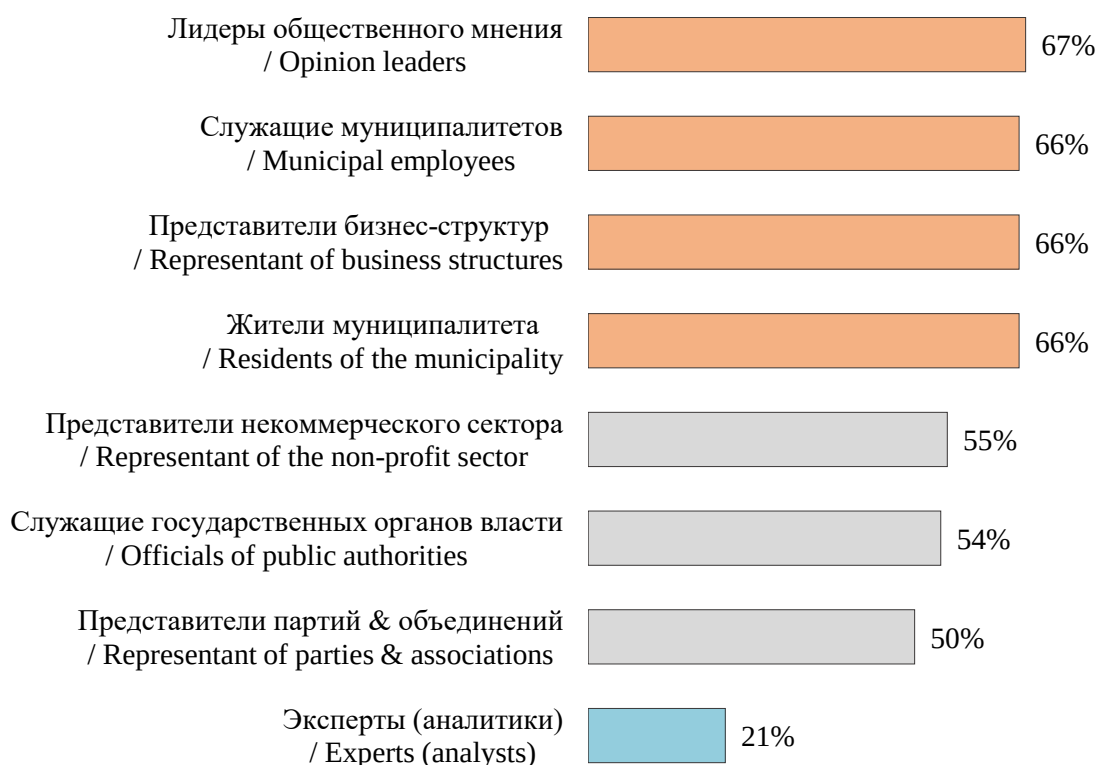

Рис. 1. Распределение ответов участников экспертного опроса на вопрос: «Кто является заинтересованной стороной в пространстве публичных коммуникаций в решении общественно значимых проблем?», в %

Fig. 1. Distribution of responses of participants in the expert survey to the question: “Who is a stakeholder in the space of public communications in solving publicly significant problems?”, In %.

Следует внимание на следующие результаты опроса: при решении общественно значимых проблем представителей экспертного сообщества не видят в качестве стейкхолдеров. Это свидетельствует о том, что идея привлечения к разрешению общегородских проблем только представителей научного сообщества себя исчерпала. Но одновременно с этим можно с уверенностью сказать, что по сей день большинство чиновников муниципалитета продолжают рассматри-

вать активное участие горожан как угрозу профессиональному принятию и исполнению решений, чем как их основу и поддержку.

Оценку важности возникающей проблемы для обсуждения органов власти и представителей заинтересованных сторон в пространстве публичных коммуникаций можно определить на основе ответов респондентов массового опроса. Данный опрос проводился в октябре 2020 года на территории Курской области как

медианного региона по уровню проникновения социальных сетей в жизнь граждан (по данным системы Brand Analytics, ведущей мониторинг и анализ социальных медиа, для социальной сети «ВКонтакте» Курский регион в период опроса находился на 25 позиции среди 83 субъектов РФ). Опрос был проведен по половозрастной квотной выборке среди 440 жителей старше 18 лет комбинированным способом: онлайн-опрос с использованием сервиса Google был дополнен полевым анкетированием с применением техники PAPI.

Опрос показывает, что среди проблем, которые сегодня следует обсуждать в пространстве публичных коммуникаций органам власти с представителями заинтересованных сторон находится медицинское обслуживание, работа системы образования и работа управляющих компаний (см. Рисунок 2). Но надо отметить, что этот список проблем не является постоянным. Приоритетность проблем для обсуждения в пространстве публичных коммуникаций определяется многими факторами: например, сезонностью (весна обостряет проблему дорог и благоустройства, осень и зима – проблему качества медицинского обслуживания) или информационной повесткой дня (например, строительство завода с вредным производством делает приоритетным вопросы загрязнения окружающей среды, а большие снегопады – проблему работы коммунальных служб и управляющих компаний). Но тем не менее опросы о том, какие проблемы надлежит обсуждать с представителями заинтересованных сторон в пространстве публичных коммуникаций, позволяют определить наиболее резонансные

общественно значимые проблемы города.

Для того, чтобы определить этап принятия управленческих решений, на котором участие заинтересованных сторон будет наиболее эффективным, сделаем сравнение ответов респондентов двух ранее упомянутых исследований: массового и экспертного. Но для начала отметим, что традиционно весь процесс можно разделить на несколько этапов: подготовка, разработка, обсуждение, принятие и реализация управленческого решения.

Подготовка управленческого решения связана с диагностикой проблемы, при этом его правильность и результативность во многом определяется качеством и своевременностью поступления информации от заинтересованных сторон. Разработка управленческого решения связано с поиском возможных сценариев вариантов выхода из ситуации. Обсуждение связано с оценкой результатов и последствий реализации разных вариантов, выбор предпочтительного варианта, обоснование выбора. На этапе принятия решения производится отбор критериев и утверждение на их основе наилучшего (как правило оптимального) решения. Реализация управленческого решения – это процесс перехода к осуществлению плана/программы по изменению проблемной ситуации, что предусматривает выделение ресурсов, выявление и назначение исполнителей, способных самостоятельно выполнять распоряжения, и обеспечение стимулов для этих исполнителей.

Мнение населения и экспертов о возможности привлечения представителей заинтересованных сторон к различным этапам решения общественно значимых вопросов представлено в таблице.

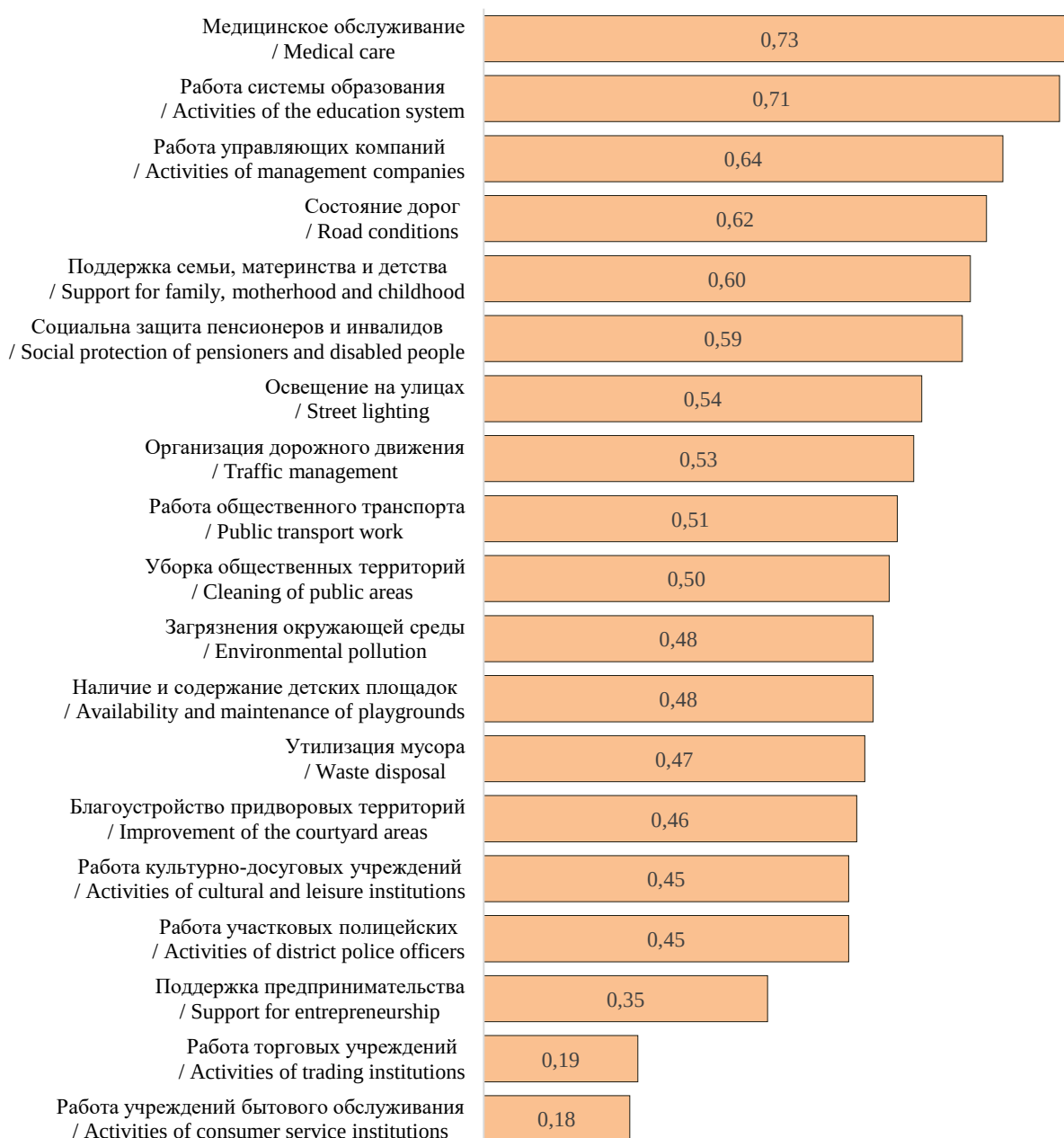

Рис. 2. Индикатор важности проблемы для обсуждения, рассчитанный на основе ответов участников массового опроса на вопрос: «Какие проблемы, на Ваш взгляд, органам власти необходимо обсуждать с представителями заинтересованных сторон в пространстве публичных коммуникаций?»¹

Fig. 2. The indicator of the importance of the problem for discussion, calculated on the basis of the answers of the participants of the mass survey to the question: “What problems, in your opinion, do the authorities need to discuss with stakeholders in the space of public communications?”

¹ Прим.: Индикатор важности проблемы для обсуждения рассчитан по формуле $I = R_4 + \frac{1}{2} \cdot R_3 - \frac{1}{2} \cdot R_2 - R_1$, где R_4 – доля ответов с позицией «очень важно»; R_3 – доля ответов с позицией «важно»; R_2 – доля ответов с позицией «не очень важно»; R_1 – доля ответов с позицией «совсем неважно».

Таблица

Мнение населения и экспертов о возможности привлечения представителей заинтересованных сторон к различным этапам решения общественно значимых вопросов, в %

Table

Opinion of the population and experts on the possibility of involving representatives of stakeholders in various stages of solving publicly significant issues, in %

Этапы управленческих решений по общественно значимым вопросам / Stages of management decisions on socially significant issues	Респонденты массового опроса / Mass survey respondents	Респонденты экспертного опроса / Expert survey respondents
Диагностика ситуации / Diagnostic assessment	43 %	61%
Разработка вариантов решений / Development of solution options	27 %	56%
Обсуждение вариантов решений / Discussion of solution options	35 %	66%
Принятия оптимального решения / Making an Optimal Decision	15 %	35%
Реализация принятого решения / Implementation of the decision	11 %	25%

Данные, представленные в таблице, обращают внимание на два этапа решения проблемных ситуаций, на которые и население, и эксперты указывают как наиболее эффективные с точки зрения участия заинтересованных сторон: это этап диагностики и обсуждения.

На сегодня этап диагностики общественно значимых проблем городских поселений может быть реализован посредством системы «Инцидент Менеджмент», разработанной компанией «Медialogия» в качестве специализированного инструмента по работе с обращениями граждан. С 2019 года она внедрена во всех субъектах РФ. Система обнаруживает и распознает негативные сообщения, отзывы, жалобы, вопросы, размещаемые пользователями социальных сетей на своих страничках или в комментариях, и направляет их для фактического разбирательства в соответствующие инстанции муниципалитетов. Она также отслеживает и то, как эти инциденты влияют формирование и изменение информационной повестки дня.

В последнее время в этот набор данных добавляется информация с

цифровых платформ обратной связи, таких как общероссийская «Госуслуги. Решаем вместе», московская «Активный гражданин», курская «Действуем вместе»), которые организуют работу по следующим направлениям: работа с обращениями граждан с возможностью контроля процесса его прохождения; проведение онлайн-опросов населения по общественно значимым проблемам, оценка реакции населения на ключевые вопросы местного значения.

Отметим, что, судя по результатам исследований, население соглашается с утверждением, что интернет-площадки предназначены для быстрого донесения властям информации о проблемах населения власти, но полезность в части решения общественно значимых проблем за ними не признается (Василенко, Зотов, Захарова, 2020). При этом и уровень гражданской активности у населения регионов невысок: треть ответивших (32 %) причислило себя к инициативным гражданам, обладающих возможностями и желанием активно участвовать в решении общественно значимых проблем (Зотов, Боев, Василенко, 2021: 207). Можно

предположить, созданные во многих российских регионах интерактивные порталы не годятся для привлечения общественности к участию в обсуждении вопросов, волнующие население, и стимулировании социальных инициатив по развитию города. Это актуализирует проблему разработки новых форм участия горожан в публичном управлении муниципалитетом.

Общественно-профессиональная экспертиза в системе управления городом. Эксперты-аналитики и представители заинтересованных сторон могут взаимодействовать на равных, хотя и не обязательно как индивиды с одинаковой квалификацией. Сегодня возникает необходимость помимо традиционного учёта мнения сотрудников различных научно-исследовательских организаций на процесс управления городом учитывать и мнение заинтересованных сторон. Обоснование необходимости расширения экспертного участия заключается в том, что у экспертов и заинтересованных сторон могут быть разные взгляды, ценности и мотивация, что приводит к различным формам знаний, которые можно использовать при разработке решений проблем, касающихся жителей города. Примером, демонстрирующим потенциал объединения знаний экспертов и заинтересованных сторон для определения приоритетов в области управления, может служить работа (Reynaud, Markantonis, Carmona Moreno, etc, 2015).

Синтез знания возможен при организации общественно-профессиональной экспертизе, под которой следует понимать человекообразное рассмотрение и критическую оценку представителями заинтересованных сторон (в том числе и экспертами) всей имеющейся информации по общественно значимым проблемам в целях облегчения принятия ответственных решений уполномоченными на это лицами. Отметим также, что общественно-профессиональная экспертиза не отменяет экспертизу проектов и программ на

предмет соответствия экологическим, строительным и иным требованиям.

В рамках партисипативного подхода каждому представителю заинтересованных сторон в процессе согласования интересов уделяется равноценное внимание, поскольку допускается, что стратегические ходы и действия каждого из них создают контекст и почву для действий остальных участников. Основной акцент данной экспертизы состоит в том, чтобы задействовать недостаточно реализуемый потенциал горожан путём максимального привлечения их к совместной оценке вариантов разрешения проблемных ситуаций. Такая экспертиза даёт возможность представителям заинтересованных сторон стать участниками процесса разрешения общегородских проблем. Также следует отметить, что экспертиза такого рода очень полезна для самих органов муниципального управления. Благодаря ей они бесплатно получают внешний аудит своей деятельности и ценную информацию об ожиданиях социальных групп, необходимых приоритетах и желаемых мерах. Отметим и её значение как механизма ненасильственного, конструктивного обеспечения внутривластной безопасности России. Изоляция общественности от решаемых проблем, формирование пассивной позиции в жизни города и перекладывание ответственности на органы муниципальной власти (при понимании того, что система управления городом не столь совершенна) может иметь в качестве следствия рост и проявление протестных настроений горожан, которые проявятся в наиболее критические моменты.

Все это потенциально должно способствовать улучшению качества управления городом, выработке политики, ориентированной на нужды граждан, эффективному использованию поддержки проводимых преобразований со стороны горожан. Именно поэтому механизм общественно-профессиональной эксперти-

зы должен стать обязательным элементом системы управления муниципалитетом.

Социальное проектирование коммуникативного механизма общественно-профессиональной экспертизы. Важную роль в развитии общественно-профессиональной экспертизы как инструмента оценки управленческих решений играет метод социального проектирования, одна из задач которого состоит в выработке организационной модели. Объектом социального проектирования в этом случае являются не социальные системы, а организация процесса взаимодействий её социальных субъектов при обсуждении вариантов управленческих решений. А поскольку на сегодняшний день отсутствует коммуникативный механизм для проведения общественно-профессиональной экспертизы, построенного в рамках парсипаторного подхода, то предложим организационную модель такого механизма. В общем случае коммуникативный механизм представляет собой организованную совокупность субъектов, чьё взаимодействие в рамках групповой деятельности приводит к регулярным результатам. В общественно-профессиональной экспертизе основными субъектами являются представители отдельных групп интересов. К их числу помимо независимых экспертов (аналитиков) могут быть отнесены госслужащие федеральных и региональных органов власти, служащие и активисты муниципалитета, ведущие специалисты профильных организаций, представители некоммерческого сектора, бизнес-структур, политических партий и общественно-политических объединений, лидеры общественного мнения.

Каждый из них выполняет свою роль при обсуждении. Так служащие муниципалитетов, действующие в «зоне контакта» с горожанами и потому в наибольшей мере осведомлённые о их реальных проблемах нередко инициируют процесс решения городских проблем. Чиновники федеральных и региональных органов власти

способствовать осмыслению масштабности проблемы, вписыванию её в стратегические документы развития территорий. А активисты из числа жителей муниципалитета, хотя и не всегда чётко видят проблему в целом, но благодаря накопленному ими опыту контактов с городской инфраструктурой и городскими службами зачастую могут обнаружить неожиданную сторону проблему, приводя примеры конкретных случаев. Ведущие специалисты профильных организаций могут оценить возможные пути реализации управленческих решений. В случае развитости некоммерческого сектора его представители могут выступать активными участниками общественно-профессиональной экспертизы, поскольку они занимаются решением широкого перечня социальных проблем: от вопросов ухода за престарелыми и маломобильными гражданами до проблем защиты окружающей среды. В комплексном обсуждении возможных вариантов выхода из проблемной ситуации заинтересованы и представители бизнес-структур, которые не станут вкладывать средств в социальный проект, если не осознают его смысл. Мнение лидеров общественного мнения и сторонников оппозиционных партий обычно резко контрастирует с официальной позицией, и тем самым интересно.

Отталкиваясь от классификации лиц, причастных к выработке социально значимых управленческих решений, касающихся судебных социально-территориальных общностей (Прогнозное социальное проектирование, 1994: 107-110), каждый из участников такого рода экспертизы может быть описан через определённые экспертные качества: уровень ориентации в проблеме, информированность о ситуации и объективность высказываемых суждений.

Кроме того, участники общественно-профессиональной экспертизы могут быть разбиты на несколько «групп интересов», каждая со своими интересами и требованиями к результатам деятельности органов власти. Это требует того, чтобы механизм

служил согласованию интересов взаимодействующей сторон, максимально учитывал их экспертные качества и способствовал полному использованию интеллектуальных ресурсов каждой стороны. Это достигается через создание коммуникативного механизма на основе конфигурирования, то есть на основе специально организованного процесса включения субъектов общественно-профессиональной экспертизы в систему коммуникаций, способствующей решению общественно значимых проблем. Конфигурирование подразумевает создание релятивной сети, понятой как сети отношений акторов публичного пространства, вовлекаемых в процесс обсуждения решений общегородских вопросов в соответствии с их интересами и/или компетенциями. В рамках релятивной сети важно формирование взаимных позитивных ожиданий относительно возможности совместного решения общественно значимых проблем города.

Конфигурирование как коммуникативный механизм общественно-профессиональной экспертизы вполне вписывается в предложенную А.В. Тихоновым социологическую концепции субъект-субъектного управления. Здесь управление рассматривается как организуемые доминирующим субъектом социальные действия, «предметом которых выступает распределение ролей в процессах совместной деятельности, координация и программирование действий и взаимодействий участников в связи с достижением определённых продуктивных результатов и сохранением системной целостности управляемого процесса» (Тихонов, 2000: 4).

Объектом конфигурирования служит система социального взаимодействия (в виде релятивной сети), в которую вовлечены представители заинтересованных сторон. А поскольку создание позитивной взаимозависимости субъектов общественно-профессиональной экспертизы есть главная задача конфигурирования релятивных сетей заинтересованных сторон, то последнее осуществляется на основе принципов

соинформирования, соучастия и сопriorитетности. Принцип соинформирования заключается в том, что представители заинтересованных сторон взаимно информируют друг друга в объёме необходимом и достаточном для решения общественно значимой проблемы. Это предполагает открытость, прозрачность и доступность информации по планируемым и реализуемым решениям, хотя и не исключает наличие различных прав доступа к информации, степени её детализации. Принцип соучастия предполагает, что все заинтересованные стороны на равных принимают участие в обсуждении возможных вариантов ответов на вопросы, значимые для развития города, и вносят предложения, которые также прорабатываются при принятии управленческих решений. Принцип сопriorитетности предполагает, что процесс общественно-профессиональной экспертизы инициируется под проблему, имеющую значимость не только для властей города, но и для других представителей местного сообщества.

Основой согласования позиций может стать критическая эвристика проектирования социальных систем В. Ульриха (Ulrich, 1983). Данная методика позволяет учитывать нормативные ценности и установки «заинтересованных лиц» и согласовывать позиции в условиях системного (объективного) насилия, то есть насилия «нормальности» работы социальных систем, той прозрачной логики, которая определяет происходящее в социальной реальности (Жижек, 2010). Предлагаемая методика в процессе принятия решения защищает интересы заинтересованных сторон от вторжения «бюрократической эффективности» и «ведомственной целесообразности» «путём выявления и критического анализа ситуаций, где проявляются силы, искажающие организационные коммуникации, мешающие открытой и свободной дискуссии и партисипативности» (Локтионов, 2015: 59). Здесь важно основываться на модели рационального дискурса, которая объясняла бы условия для достижения «рационального» (в отличие от просто фактического) консенсуса

между всеми заинтересованными сторонами в отношении правильности (приемлемости) принимаемого решения. В этом случае участникам общественно-профессиональной экспертизы предстоит произвести отграничение системы от среды, то есть сконцентрировать внимание только на проблеме и факторах, её определяющих. По мнению В. Ульриха, таким способом можно эффективно проявить и ярко подчеркнуть расхождение мнений различных групп, вовлечённых в процесс обсуждения проблем. Это позволяет на следующем этапе организовать диалог между представителями заинтересованных сторон с двумя типами мышления: практическим (обыденным) и экспертным (системным). Такого рода обсуждения должны обеспечить системную целостность анализируемой проблемной ситуации, всесторонность её рассмотрения и, самое существенное, сформировать определённый уровень взаимопонимания заинтересованных сторон, без которого воплощение принимаемых решений в жизнь недостижимо.

Заключение (Conclusions). Включение городскими органами власти в систему управления общественно-профессиональной экспертизы даст возможность: оперативно находить решение общегородских проблем, требующих анализа больших массивов информации и применить на практике ещё одну форму соучастия граждан в решении общезначимых вопросов. И при этом общественно-профессиональная экспертиза должна стать частью новой методологии публичного управления, в основу которого положено умное конфигурирование («smart configuring») на цифровых сетевых платформах, предполагающих синтетическое объединение двух моделей аналитической (получение оптимального решения на основе технологий больших данных и искусственного интеллекта) и экспертной (получение компромиссного решения путём согласования интересов всех стейкхолдеров при их непосредственном участии).

Список литературы

- Василенко Л. А., Зотов В. В., Захарова С. А. Использование потенциала социальных медиа в становлении участвующего управления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 4. С. 864-876. DOI 10.22363/2313-2272-2020-20-4-864-876.
- Жижек С. О насилии. М.: Издательство «Европа», 2010. 184 с. (перевод Žižek S. Violence: Six Sideways Reflections. New York: Picador, 2008. 184 p.)
- Зотов В. В., Боев Е. И., Василенко Л. А. Гражданская активность населения в социально-сетевом пространстве региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 2. С. 203-216.
- Локтионов М. В. Эмансипационный подход как развитие критической теории в современных трактовках управляемого общества // Философская мысль. 2015. № 11. С. 55-76. DOI: 10.7256/2409-8728.2015.11.1700.
- Луков Вал. А., Доскальчук А. В. Город // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4. С. 240-242.
- Прогнозное социальное проектирование: Теоретико-методологические и методические проблемы. 1994. Отв. ред. Т.М. Дридзе. М.: Наука. 302 с.
- Чебан В. А. Общественное участие в стратегическом планировании. Роль партисипативности в вопросе становления российской модели публичного управления // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2020. № 1. С. 247-263. DOI 10.37691/2311-5351-2020-0-1-247-263.
- Щеглов И. А. Экспертные отношения как платформа философии фидбэка в образовательном пространстве // Гуманитарный вестник. 2022. № 3. С. 783. DOI 10.18698/2306-8477-2022-3-783.
- Freeman R. E. Strategic Management: A Stakeholder Approach. Boston: Harpercollins College Div., 1984. 275 p.
- Haas P. Introduction: epistemic communities and international policy co-ordination // International Organization. 1992. Vol. 46. № 1. Pp. 1-35.
- Mulgan G. The Art of Public Strategy: Mobilizing Power and Knowledge for the Common Good. Oxford: Oxford University Press, 2008. 322 p.

Reynaud A., Markantonis V., Carmona Moreno C., N'Tcha M'Po Y., Sambienou G.W., Adandedji F.M., Afouda A., Agbossou E.K., Mama D. Combining Expert and Stakeholder Knowledge to Define Water Management Priorities in the Mékrou River Basin // *Water*. 2015. Vol. 7, № 12. Pp. 7078-7094. DOI 10.3390/w7126675.

Ulrich W. *Critical Heuristics of Social Planning: A New Approach to Practical Philosophy*. Bern, Switzerland, and Stuttgart, Germany: Paul Haupt, 1983. 504 p.

Ulrich W. Reflective practice in the civil society: the contribution of critically systemic thinking // *Reflective Practice*. 2000. Vol. 1, № 2. Pp. 247-268.

Reference

Vasilenko, L. A., Zotov, V. V. and Zakharova, S. A. (2020), "Social media potential for developing participatory governance", *RUDN Journal of Sociology*, 20(4), 864-876. DOI 10.22363/2313-2272-2020-20-4-864-876. (In Russian)

Zizek C. (2008), *O nasilii* [Violence: Six Sideways Reflections], Europe, Moscow, Russia, 184. (In Russian).

Zizek C. (2008), *Violence: Six Sideways Reflections*, Picador, New York, 184 p.

Zotov, V. V., Boev, E. I. and Vasilenko, L. A. (2021), "Civic activity in the region's socio-network space", *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 11(2), 203-216. (In Russian)

Loktionov, M. V. (2015), "Emancipatory approach as the development of critical theory in terms of modern interpretations of the manageable society", *Philosophical Thought*, (11), 55-76. DOI: 10.7256/2409-8728.2015.11.1700. (In Russian)

Lukov, Val. A. and Doskalchuk, A. V. (2009), "City", *Knowledge. Understanding. Skill*, (4), 240-242. (In Russian)

Dridze, T. M., ed. (1994), *Prognoznoye sotsial'noye proyektirovaniye: Teoretiko-metodologicheskiye i metodicheskkiye problemy* [Forecast social design: theoretical, methodological and methodical problems], ed. T.M. Dridze, Science, Moscow, 302. (In Russian)

Cheban, V. A. (2020), "Public participation in strategic planning. the role of participativity in the formation of the Russian model of public administration", *Bulletin of Moscow Humanitarian Economic University*, (1), 247-263. DOI 10.37691/2311-5351-2020-0-1-247-263. (In Russian)

Scheglov, I. A. (2022), "Expert relations as a platform of feedback philosophy in the educational space", *Humanities Bulletin of Bmstu*, (3), 783. DOI 10.18698/2306-8477-2022-3-783. (In Russian)

Freeman, R. E. (1984), *Strategic Management: A Stakeholder Approach*, Harpercollins College Div., Boston, 275.

Haas, P. (1992), Introduction: epistemic communities and international policy coordination, *International Organization*, 46 (1), 1-35.

Mulgan, G. (2008), *The Art of Public Strategy: Mobilizing Power and Knowledge for the Common Good*, Oxford University Press, Oxford, 322.

Reynaud, A., Markantonis, V., Carmona Moreno, C., N'Tcha M'Po, Y., Sambienou, G.W., Adandedji, F.M., Afouda, A., Agbossou, E.K. and Mama D. (2015), Combining Expert and Stakeholder Knowledge to Define Water Management Priorities in the Mékrou River Basin, *Water*, 7(12), 7078-7094. DOI 10.3390/w7126675.

Ulrich, W. (1983), *Critical Heuristics of Social Planning: A New Approach to Practical Philosophy*, Paul Haupt, Bern, Switzerland, and Stuttgart, Germany, 504.

Ulrich, W. (2000), Reflective practice in the civil society: the contribution of critically systemic thinking, *Reflective Practice*, 1(2), 247-268.

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2023 г. Поступила после доработки 07 марта 2023 г. Принята к печати 15 марта 2023 г.
Received 28 February 2023. Revised 07 March 2023. Accepted 15 March 2023.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Зотов Виталий Владимирович, доктор социальных наук, профессор учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук Московского физико-технического института (национальный исследовательский университет), Москва, Россия.

Vitaliy V. Zotov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Center for the Humanities and Social Sciences, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), Moscow, Russia.